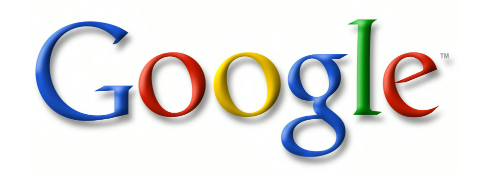

HDI
HL 1PGT 1

VE
RI
TAS

СОЦІАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

ПРЕСТУПНОСТИ.

Привать-доцента
М. Н. Гернетъ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1905.

Изъ Ученыхъ Записокъ Юридическаго факультета.

Въ настоящемъ выпускѣ нашей работы мы поставили своею цѣлью дать очеркъ развитія идеи о вліяніи соціальной среды на преступность и изслѣдовать значеніе тѣхъ соціальныхъ факторовъ, изученію которыхъ посвященъ положенный нами въ основаніе нашей работы трудъ итальянскаго криминалиста соціалиста Колаянни (Colajanni: La Sociologia criminale, Catania 1889).

Изъ двухъ томовъ «уголовной соціологіи» Колаянни—первый содержитъ общую критику ученія уголовно-антропологической школы, а второй, имѣющій для насъ наибольшее значеніе, разсматриваетъ вліяніе различныхъ факторовъ. Въ нашемъ изложеніи мы слѣдовали схемѣ, принятой Колаянни, и поэтому ограничились разсмотрѣніемъ лишь тѣхъ причинъ преступности, которыя онъ изслѣдовалъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Методъ и содержаніе науки уголовнаго права.

Послѣднія тридцать лѣтъ въ исторіи науки уголовнаго права— періодъ едва ли не самый интересный за все время существованія уголовнаго права. За такой сравнительно короткій промежутокъ времени, какъ три десятилѣтія, протекшія съ половины семидесятыхъ годовъ XIX вѣка, возникаютъ въ области науки уголовнаго права одно за другимъ новыя направленія, антропологическое и соціологическое, рѣзко отличающіяся отъ стараго, такъ-называемаго классическаго. Эти годы, протекшіе послѣ появленія знаменитаго труда профессора Ломброзо о преступномъ человѣкѣ, становятся для криминалистовъ годами безостановочной и живой борьбы направленій: быть криминалистомъ и не быть борцомъ въ этой борьбѣ, гдѣ рѣшались вопросы о методахъ, содержаніи и самомъ существованіи того или другого теченія было невозможно. И по мѣрѣ того, какъ все больше и больше разгоралась борьба и на мѣстѣ прежняго сравнительнаго согласія и мира вырастала рознь между криминалистами, какъ представителями различныхъ направленій, росло ихъ стремленіе къ общенію другъ съ другомъ: они уже не могли довольствоваться разрушеніемъ оспариваемыхъ теорій лишь изъ-за стѣнъ своихъ кабинетовъ: для нихъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе обращенія ихъ къ новому позитивному методу изученія, стала настоятельной нужда въ обмѣнѣ живымъ словомъ, въ конгрессахъ и ученыхъ криминалистическихъ обществахъ. Такъ, организуются конгрессы уголовно-антропологическіе, мѣстные и общіе

съѣзды Международнаго Союза криминалистовъ; вопросы науки уголовнаго права, расширенной въ своемъ объемѣ, становятся предметомъ обсужденія также на конгрессахъ представителей другихъ знаній, сближенныхъ отнынѣ съ чуждавшейся ихъ ранѣе наукою уголовнаго права [1]).

Новыя теченія криминалистической мысли пробуждаютъ интересъ къ себѣ въ самомъ обществѣ среди лицъ, стоящихъ за предѣлами спеціальности криминалиста: такъ Международный Союзъ Криминалистовъ къ концу уже перваго года своего существованія привлекаетъ къ себѣ свыше 300 членовъ изъ болѣе чѣмъ двадцати государствъ, а въ настоящее время насчитываетъ свыше 1200 членовъ изъ профессоровъ, адвокатовъ, юристовъ, соціологовъ, медиковъ, тюремныхъ чиновниковъ и др. Одновременно съ этимъ появляется много новыхъ журналовъ, посвященныхъ спеціально вопросамъ уголовнаго права. Такъ, возникаютъ въ Италіи: «Archivio di psichiatria, antropologia criminale e scienze penali» съ 1880 г., «Scuola Positiva» съ 1891 г.; «l'Anomalo» съ 1889 г.; «Rivista penale e sociologia criminale» съ 1900 г.; въ Швейцаріи съ 1888 г.—«Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht», во Франціи съ 1886 г.—«Archives d'anthropologie criminelle et des sciences pénales»; въ Германіи съ 1881 г.—«Zeitschrift für d. gesam. Strafrechtswissenschaft»; съ 1889 г. — «Archif für Kriminal-anthropologie und Kriminalistik»; въ Россіи — «Вѣстникъ Психологіи, криминальной антропологіи и гипнотизма» съ 1904 г.

Но послѣднія тридцать лѣтъ интересны не только оживленіемъ

---

[1]) Первый уголовно-антропологическій конгрессъ былъ въ Римѣ въ 1885 г., второй въ Парижѣ въ 1889 г., третій въ Брюсселѣ въ 1892 г., четвертый въ Женевѣ въ 1896 г. и пятый въ Амстердамѣ въ 1900 г. Международные конгрессы Союза Криминалистовъ происходили: первый въ Брюсселѣ въ 1889 г., второй въ Бернѣ въ 1890 г., третій въ Христіаніи въ 1891 г., четвертый въ Парижѣ въ 1893 г., пятый въ Антверпенѣ въ 1894 г., шестой въ Линцѣ (Австрія) въ 1895 г., седьмой въ Лиссабонѣ въ 1897 г., восьмой въ Будапештѣ въ 1899 г., девятый въ С.-Петербургѣ въ 1902 г. См. также труды Congrès internat. de droit comparé à Paris 1900, труды съѣздовъ германскихъ юристовъ (Verhandlungen d. Deutschen Juristentages), труды Психологическаго конгресса въ Мюнхенѣ [докладъ Листа: Die Strafrechtliche Zurechnungsfähigkeit напеч. въ Zeitschr. für die ges. Strafrechtswiss. 18 B], труды конгрессовъ de l'Institut internat. de sociologie и др.

въ сферѣ научной теоретической мысли криминалиста, но и творческою работою въ области уголовныхъ законодательствъ большинства государствъ. Давно состарѣвшіяся уголовныя уложенія, остававшіяся безъ коренныхъ измѣненій въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, пересматриваются за этотъ промежутокъ времени почти повсемѣстно; всюду закипаетъ, при дѣятельномъ участіи криминалистовъ, работа по созданію новыхъ кодексовъ; одно за другимъ издаются уголовныя уложенія Венгерское, Нидерландское, Бразильское, Итальянское, Финляндское, Болгарское, Гватемальское, Русское, Норвежское и др. Если въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ, напримѣръ, во Франціи или Бельгіи, продолжаютъ оставаться въ силѣ уголовныя законодательства болѣе ранняго времени, то и они обновляются введеніемъ въ нихъ многихъ новыхъ институтовъ (условное освобожденіе и осужденіе во Франціи и Бельгіи, защита на предварительномъ слѣдствіи во Франціи, законъ о реабилитаціи въ Бельгіи и мн. др.) [1].

Такія почти повсемѣстныя реформы, вызванныя общимъ убѣжденіемъ въ непригодности старыхъ, отжившихъ свое время кодексовъ, должны были также вліять на оживленіе работы кри-

---

[1]) Начиная съ 1880 г. пересмотрѣны или изданы новыя уложенія въ слѣдующихъ государствахъ: въ 1880 г.: 27 апр. въ Косторико, 21 іюля—Парагвай, 27 авг.—Гондурасъ, 1881 г.: 1 янв.—Японія, 3 марта—Нидерланды (вошло въ силу съ 1 сент. 1886 г.), 7 мая воен. уг. ул. въ Даніи, 7 окт. воен. уг. ул. въ Швеціи, 19 дек. въ С. Сальвадоръ, 1883 г. 13 ноября въ Египтѣ; 1884 г. 14 іюня въ Португаліи, 20 авг. С. Доминго, 14 сент. Филиппины; 1885 г.: кантонъ Галленъ (въ силу съ 1 мая 1886 г.) и кант. Солотурнъ (съ 1 іюля 1886 г.), 1886 г. переработано уложеніе въ Индіи, 1887 г. 1 марта въ Аргентинской республикѣ; 1888 г. въ Конго; 1889 г.: 1 янв. Урагвай (введено съ 18 іюля 1890 г.), 19 дек. Финляндія (въ силу съ 23 апр. 1894 г.); 1890 г. 1 янв. въ Италіи, 1 окт. Бразилія, 18 окт. Колумбія; 1891 г. Никарагуа, 12 фев. Нейбуръ (Швейцарія); 1894 г. 3 фев. переработано Румынское уг. ул.; 1896 г. 4 марта въ Болгаріи; 1897 г. 17 мая переработано уголов. улож. въ Венецуэлѣ; 1899 г. 15 іюня Бельгійское воен. уг. уложеніе; 1902 г. 22 мая въ Норвегіи.

Кромѣ того готовятся новые уголов. кодексы во Франціи, Швейцаріи, Японіи, Босніи, Герцеговинѣ, Австріи, Италіи, Финляндіи (воен. уг. ул.); возбужденъ вопросъ о новомъ кодексѣ для Германіи. См. Листа: Lehrb. d. Deuts. Str. § 9 Aufl. 12.

миналистовъ-теоретиковъ: ихъ критическая мысль должна была стать не только разрушающей, но и созидающей силою и, подъ шумъ ломки старыхъ законодательствъ съ ихъ тяжеловѣсными уложеніями, должна была производиться выработка для новыхъ кодексовъ новыхъ основаній, отвѣчающихъ новымъ требованіямъ времени. Работа вообще не легкая, была тѣмъ болѣе трудна, что между старыми уложеніями и новыми требованіями часто была широкая и глубокая пропасть. Но съ жаромъ и энергіей, свойственными молодости, обрушиваются новыя направленія на вѣковые устои нераздѣльно и долго господствовавшей старой школы; они рѣшаются оспаривать положенія, казавшіяся еще недавно всѣмъ безспорными, отрицать принципы, ставшіе священными и противопоставлять идеаламъ, внушавшимъ многимъ уваженіе къ себѣ уже въ силу одной преклонной старости, свои новыя требованія, часто прямо противоположнаго характера. Бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета, В. Д. Спасовичъ, оставившій въ шестидесятыхъ годахъ свою каѳедру, признавался, что «тогда онъ не повѣрилъ бы, что раздадутся на Западѣ и найдутъ послѣдователей и у насъ сужденія, совсѣмъ противоположныя тому, что было принято считать непререкаемыми аксіомами и прямыми выраженіями человѣчности и христіанскаго духа» [1]).

Откровенное признаніе В. Д. Спасовича должны бы раздѣлить и другіе криминалисты конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ. Но что̀ произошло въ области науки уголовнаго права, было не эволюціей, послѣдовательные этапы которой всегда возможно предвидѣть, а неожиданно разразившейся революціей и надо было быть пророкомъ, чтобы предугадать новыя требованія, заявленныя сторонниками новыхъ ученій. Сила, которая произвела всю эту «великую революцію» въ уголовномъ правѣ, извѣстна подъ скромнымъ именемъ «позитивнаго метода», «метода опыта и наблюденія».

Характерною чертою стараго или классическаго направленія былъ его юридическій или логическій методъ, т. е. изученіе пре-

---

[1]) В. Д. Спасовичъ: „Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права". М. 1898, стр. 5.

ступленія и наказанія только какъ «понятій», при чемъ эти понятія изслѣдуются и устанавливаются «подъ государственно-правовымъ угломъ зрѣнія» [1]).

Въ наукѣ уголовнаго права этотъ методъ долго былъ смѣшиваемъ съ метафизическимъ. Характерною чертою послѣдняго была его вѣра въ непоколебимую правильность нѣкоторыхъ положеній, служившихъ для него основными, т.-е. тѣмъ фундаментомъ, на которомъ воздвигались при его помощи криминалистами различныя системы уголовнаго права. Въ первыя времена науки уголовнаго права такими истинами были положенія римскаго права, когда въ трудахъ по уголовному праву доказательность правильности того или другого положенія ставилась въ зависимость отъ большаго или меньшаго количества цитатъ. Позднѣе, въ средніе вѣка, въ основаніе криминалистическихъ ученій были положены религіозныя требованія, принципы господствовавшаго вѣроученія и, наконецъ, съ конца XVII вѣка они уступили свое мѣсто гуманнымъ началамъ естественнаго права въ трудахъ Христіана Томазія, Беккарія, Пуффендорфа, Вольфа и др. Провозгласивъ, что преступникъ такой же человѣкъ, какъ и непреступный, школа Беккарія потребовала во имя равенства всѣхъ передъ закономъ — равенства наказанія, во имя гуманности — отмѣны смертной казни и смягченія всѣхъ наказаній, во имя справедливости—суда гласнаго и независимаго, и слова эти «равенство, справедливость и гуманность», провозглашенныя впервые въ вѣкъ господства безчеловѣчной жестокости, стали съ тѣхъ поръ для гуманитарной классической школы уголовнаго права ея девизомъ въ борьбѣ съ преступностью.

Обращаясь къ характеристикѣ логическаго метода въ наукѣ уголовнаго права мы должны отмѣтить почти полное игнорированіе криминалистами классиками этого важнаго вопроса: громадное большинство ихъ обходитъ его молчаніемъ или ограничивается самыми короткими замѣчаніями. Лишь въ самое послѣднее время замѣчается пробужденіе вниманія къ нему, особенно

---

[1]) *А. Вульфертъ:* Методы, содержаніе и задачи науки уголовнаго права. Вступит. лекціи въ Демидовскомъ юридич. лицеѣ. Яр. 1891. 2 стр.

въ наукѣ государственнаго права и соціологіи, но появились также работы, посвященныя ему, и въ криминалистической литературѣ [1]). Наиболѣе яркую характеристику логическаго (иначе называемаго дедуктивнаго, юридическаго или догматическаго) метода мы находимъ у Laband'а и у его критика Deslandres [2]). Дедуктивный методъ въ правѣ характеризуется полнымъ отвлеченіемъ отъ всѣхъ сторонъ жизни, кромѣ юридической: объектомъ изученія должно быть право и только право, взятое въ его изолированности, внѣ его соприкосновенія съ экономическими, общественными и всякими другими отношеніями живой дѣйствительности. 1) Анализъ существующихъ юридическихъ отношеній, 2) точное установленіе юридической природы этихъ отношеній, 3) отысканіе болѣе общихъ правовыхъ понятій, которымъ подчинены эти отношенія и 4) развитіе вытекающихъ изъ найденныхъ принциповъ послѣдствій—вотъ что составляетъ по ученію Лабанда и вмѣстѣ съ нимъ и другихъ сторонниковъ дедукціи содержаніе дедуктивнаго метода. Главнымъ недостаткомъ такого способа изученія права является постановка его въ состояніе полнѣйшей изолированности отъ другихъ явленій жизни: такое состояніе является фикціей и приводитъ къ логически можетъ быть и правильнымъ, но несогласнымъ съ дѣйствительностью и потому совершенно ошибочнымъ выводамъ.

Такое ученіе приводитъ съ одной стороны къ признанію господства формы надъ содержаніемъ, а съ другой, какъ указываетъ проф. П. И. Новгородцевъ, даетъ намъ построенія, относящіяся не къ

---

[1]) *Alfredo Frassati:* Lo sperimentalismo nel diritto penale. Torino 1892.

Albert Desjardins: La methode experimentale appliquée au droit criminel en Italie. Paris 1892.

Vargha: Die Abschaffung des Strafknechtschaft. 1896. II kap. Die naturwissenschaftl. Methode des Kriminologie.

А. Вульфертъ: Методы, содержаніе и задачи науки уг. пр. Яр. 1891.

[2]) *Maurice Deslandres:* La crise de la science politique et le problème de la méthode. Paris 1902. См. также критику юридическаго метода:

П. Новгородцевъ. Государство и право. Вопросы Филос. и Псих. 1904 г.

В. Г. Камбуровъ: Юридическій методъ въ государствовѣдѣніи, Жур. Мин. Юст. 1903 г. № 7.

Picard. Le droit pur. Brux. 99, X.-me. partie: Methodologie juridique.

Живаго: Запросы жизни и формализмъ въ наукѣ государственнаго права Научное слово 1903 № X.

Laband: Das Staatrecht des Deutchen Reichs. Тюбингенъ 1876—80.

міру дѣйствительности, но къ области желательнаго съ точки зрѣнія власти, къ области требованій государства [1]). Въ частности, слѣдовательно, юридическій методъ въ наукѣ уголовнаго права, состоитъ въ оперированіи, по указаннымъ выше правиламъ, надъ совокупностью юридическихъ нормъ уголовнаго права, или, какъ говоритъ Набоковъ, для науки уголовнаго права преступленіе и наказаніе—лишь понятія, а не являнія общественной жизни, какими они являются для уголовной соціологіи [2]). Но дѣло въ томъ, что эти понятія уголовнаго права не остаются лишь на страницахъ учебниковъ и монографій по уголовному праву, но примѣняются къ явленіямъ общественной жизни и при такомъ положеніи вопроса они никоимъ образомъ не должны и не могутъ оставаться лишь тѣмъ или другимъ дедуктивнымъ выводомъ или мертвыми текстами и формулами и превращаются въ явленія живой дѣйствительности, въ факты общественной жизни.

Этимъ объясняется, что сторонники строго юридическаго метода не могли, какъ мы увидимъ ниже, оставаться въ своихъ работахъ на почвѣ одной дедукціи и, не смотря на свои завѣренія, что методъ наблюденія не приложимъ къ уголовному праву, сами часто пользовались имъ.

Опытный или индуктивный методъ, противопологаемый дедуктивному, явился прямымъ слѣдствіемъ развитія наукъ о природѣ и наблюденія ея законовъ. Основателемъ индуктивнаго метода считается одними Францискъ Бэконъ, лордъ Верулмскій, а другими монахъ Рожеръ Бэконъ (1214 — 1292 гг.), но несомнѣнно, что многіе еще ранѣе Франциска Бэкона высказались въ защиту метода опыта и наблюденія, какъ единственнаго пути къ истинѣ (Леонардо де-Винчи 1452—1519 гг., Коперникъ 1473—1543 гг. и др).

Сущность индуктивнаго метода состоитъ, какъ ее опредѣлялъ Ф. Бэконъ, въ собираніи фактовъ, гдѣ есть налицо изслѣдуемое явленіе и гдѣ его нѣтъ вопреки ожиданія; эти факты должны

---

[1]) Новгородцевъ: Государство и право. Вопросы Фил. и Психол. 1904 г. 401 ст.

[2]) В. Д. Набоковъ: Содержаніе и методъ науки уголовнаго права въ „Сборникѣ статей по уголовному праву“ С.-Пб. 1904 г. стр. 5.

быть располагаемы систематически и вытекающія изъ ихъ наблюденія-предположенія о причинѣ явленія должны быть провѣрены на опытѣ. Такимъ образомъ, вмѣсто познанія сокровенной сущности вещей Бэконъ считалъ необходимымъ довольствоваться опредѣленіемъ законовъ причинности явленій. Ученіе Ф. Бэкона объ индукціи подробно и блестяще разработалъ его знаменитый соотечественникъ Д. С. Милль.

Въ основу опытнаго метода Д. С. Милль положилъ во 1-хъ, отысканіе (наблюденія) въ природѣ и во вторыхъ искусственное созданіе (опытъ) изслѣдуемаго случая. Тотъ и другой путь представляется Миллю одинаково цѣннымъ, какъ одинакова «цѣнность денегъ, все равно получены ли они по наслѣдству или же пріобрѣтены лично». Различіе между ними лишь практическаго свойства: опытъ даетъ возможность производить такія сочетанія различныхъ обстоятельствъ, которыя было бы трудно или нельзя найти въ природѣ въ той ихъ обособленности и чистотѣ, въ какой мы получаемъ ихъ при опытѣ.

Методы опытнаго изслѣдованія Д. С. Милль сводитъ, какъ извѣстно, къ методу сходства, методу разницы, методу остатковъ и методу сопутствующихъ измѣненій. Но создавъ ученіе объ экспериментальномъ методѣ, Милль объявилъ его непримѣнимымъ къ общественнымъ наукамъ, которыя должны, по его мнѣнію, пользоваться дедукціей. Такое утвержденіе Милля въ настоящее время является по общему признанію неправильнымъ: цѣлая плеяда ученыхъ, а въ числѣ ихъ Лапласъ и современники Д. С. Милля, основатели моральной статистики, Кетле и Герри, потребовали примѣненія и къ общественнымъ наукамъ метода опыта и наблюденія. Правда, что опытъ искусственный весьма ограниченъ въ области соціологіи и многихъ другихъ общественныхъ наукъ, но методъ наблюденія, вопреки утвержденія Милля, вполнѣ приложимъ и къ этимъ наукамъ. Такъ, напримѣръ, Милль полагаетъ, что методъ разницы не можетъ примѣняться въ общественной наукѣ уже потому, что невозможно найти два народа одинаковые во всѣхъ обстоятельствахъ кромѣ одного, изслѣдуемаго нами. Но переводчикъ Милля г. Ивановскій и Минто правильно указываютъ, что для приложенія метода различія «достаточно просто двухъ фазисовъ одного и того же случая»: напри-

мѣръ для экспериментальнаго изслѣдованія новаго закона и его значенія надо лишь обратиться къ изслѣдованію общества за время до введенія и послѣ введенія новаго закона [1]). Точно также Милль находитъ, что методъ сопутствующихъ измѣненій недоказателенъ въ общественныхъ наукахъ на томъ основаніи, что каждый соціальный фактъ находится подъ вліяніемъ безчисленнаго множества причинъ и мы не можемъ поэтому относить измѣненія факта къ дѣйствію какой-нибудь одной причины. Но Дюркгеймъ опровергаетъ эти замѣчанія Милля: параллельность измѣненій двухъ явленій, если только она констатирована въ достаточномъ числѣ разнообразныхъ случаевъ, доказываетъ причинность этихъ двухъ явленій. «Правда, говоритъ Дюркгеймъ, законы, добытые этимъ методомъ, не всегда представляются сразу въ формѣ отношеній причинности. Сопутствіе измѣненій можетъ зависѣть не отъ того, что одно явленіе есть причина другого, а того, что оба они слѣдствіе одной и той же причины, или отъ того, что между ними существуетъ третье промежуточное, но не замѣченное явленіе, которое есть слѣдствіе перваго и причина второго. Результаты, къ которымъ приводитъ этотъ методъ должны быть, слѣдовательно, подвергнуты толкованію... Методъ пригодный для этого слѣдующій: сперва надо искать дедуктивнымъ путемъ: какимъ образомъ одинъ изъ двухъ членовъ отношенія могъ произвести другой; затѣмъ, надо постараться провѣрить результатъ этой дедукціи при помощи опытовъ, то-есть новыхъ сравненій. Если дедукція возможна и повѣрка удалась, то доказательство можно считать оконченымъ» [2]).

Д. С. Милль выходилъ такимъ образомъ изъ предположенія, что науки различаются между собою своими методами, что въ то время какъ одни должны пользоваться индукціей, другія не должны сходить съ почвы дедуктивнаго мышленія. Эти положенія англійскаго философа перешли и въ нашу науку и до половины семидесятыхъ годовъ XIX вѣка криминалисты продолжали считать ихъ безспорными истинами и оставались сторонниками самой

[1]) Д. С. Милль: Система Логики. Перев. подъ редак. В. И. Ивановскаго. М. 1899 г. 712 стр.; Минто: Дедуктивная и Индуктивная логика. Перев. С. А. Котляревскаго М. 1896.

[2]) Дюркгеймъ: Методъ соціологіи. Пер. съ фр. Кіевъ 1899, 118—119 стр.

строгой дедукціи. Лишь тридцать лѣтъ тому назадъ начинается въ наукѣ уголовнаго права новое теченіе и позитивный методъ получаетъ примѣненіе въ трудахъ уголовно-антропологической школы въ Италіи, назвавшей себя въ отличіе отъ классической школы по своему опытному методу «позитивной школою уголовнаго права». Этотъ новый позитивный методъ состоялъ въ наблюденіи за соматическими и физическими особенностями преступника, какъ причинами преступности: измѣреніе, взвѣшиваніе, наблюденіе были провозглашены сторонниками новой школы отнынѣ единственными способами узнать вѣрный путь борьбы съ преступностью. Преступленіе было объявлено такимъ же естественнымъ явленіемъ, какъ рожденіе и смерть и при томъ свойственнымъ не только человѣку, но и другимъ представителямъ животнаго и даже растительнаго царства. При такомъ взглядѣ на преступленіе и на преступника вопросъ о требованіяхъ справедливости, такъ волновавшій сторонниковъ классическаго направленія въ ихъ борьбѣ съ преступностью путемъ наказанія, долженъ былъ отпасть самъ собою. Но съ такимъ положеніемъ не могли примириться сторонники старой школы и вопросъ о методахъ науки уголовнаго права долженъ былъ стать основнымъ пунктомъ разногласія послѣдователей Ломброзо и его противниковъ. «Логика и т. п. здравый смыслъ, писалъ Ломброзо въ разгаръ спора съ классиками, самый страшный врагъ великихъ истинъ... при помощи силлогизма и логики вамъ докажутъ, что солнце движется, а земля неподвижна, что астрономы ошибаются» [1]). На это категорическое утвержденіе противники Ломброзо отвѣчали не менѣе категорическимъ утвержденіемъ, что «наибольшій вредъ», принесенный наукѣ новою школою состоитъ именно въ ошибочности ея метода, что между наукою уголовнаго права и естественными науками существуетъ глубокое различіе что новаторы преувеличили роль позитивнаго метода и сошли т. о. съ вѣрнаго пути [2]).

Сторонники дедуктивнаго метода, противники уголовно-антропологической школы, указывали въ своихъ возраженіяхъ глав-

---

[1]) Lombroso: L'anthropologie criminelle et ses récents progrès русск. пер. Раппорта: Новѣйшіе успѣхи науки о преступникѣ С.-Пб. 1892 г. стр. 20—21.

[2]) Lucchini: Le droit pénal et les nouvelles théories. Paris 1892, 34 стр.

нымъ образомъ на то, что искусственный опытъ, употребительный въ области естественныхъ наукъ, почти невозможенъ въ области нравственныхъ наукъ. Но при этомъ упускалось изъ виду, что это возраженіе направляется не противъ позитивизма въ наукѣ уголовнаго права, а лишь противъ одного изъ видовъ позитивнаго метода, такъ какъ въ понятіе послѣдняго входитъ не только производство искусственныхъ опытовъ, но и вообще наблюденіе, т.-е. собираніе по извѣстной системѣ фактовъ дѣйствительности. Такое наблюденіе, практиковавшееся уже первыми сторонниками уголовно-антропологической школы, стало преимущественно употребительнымъ методомъ у позднѣйшихъ сторонниковъ той же школы и, особенно, у послѣдователей соціологическаго направленія въ нашей наукѣ. Пользованіе этимъ методомъ облегчается съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ быстро идущаго впередъ развитія статистики и накопленія богатаго и разнообразнаго цифрового матеріала. Но несомнѣнно, что противники позитивнаго метода неправильно уменьшаютъ роль и значеніе опыта въ наукѣ уголовнаго права: къ опыту въ сферѣ уголовнаго права прибѣгали и имъ пользуются и криминалисты теоретики, и различныя законодательства. Такъ, въ видѣ примѣра можно указать на Эльмирскую реформаторію, которая была опытомъ новой борьбы съ преступностью; въ самой реформаторіи были произведены докторомъ Вей давшіе блестящіе результаты опыты надъ арестантами и съ тѣхъ поръ предложенный этимъ докторомъ способъ исправленія преступниковъ вошелъ въ употребленіе не только въ Эльмирской, но и въ другихъ реформаторіяхъ [1]). Точно также Прусское законодательство въ видѣ опыта ввело условное осужденіе въ формѣ условнаго помилованія. Тардъ предлагалъ отмѣ-

---

[1]) Опыты эти состояли въ слѣдующемъ: въ 1880 г. докторъ Вей, нынѣ умершій, выбралъ среди арестантовъ 12 человѣкъ, приговоренныхъ за кражи, поджоги, грабежи, изнасилованіе, нанесеніе ранъ и др. преступленія въ общей сложности къ 85 годамъ заключенія (отъ 5 до 20 лѣтъ). Ко всѣмъ этимъ субъектамъ д-ръ Вей примѣнилъ такъ называемое физическою лѣченіе, состоящее въ купаньѣ, массажѣ, гимнастикѣ и улучшенномъ питаніи. Они были освобождены отъ работъ. Результаты такого лѣченія сказались не только въ физическомъ, но и нравственномъ отношеніи (подробности см. „Право“ № 50 1902 г. М. Гернетъ: Американскія реформаторіи).

нить въ видѣ опыта смертную казнь въ тѣхъ государствахъ, гдѣ она существуетъ и т. д.

Въ настоящее время вопросъ о методахъ науки уголовнаго права уже не имѣетъ того остраго значенія, какое онъ имѣлъ при первыхъ шагахъ уголовно-антропологической школы: преувеличенія и крайности, неизбѣжныя при появленіи всякой новой доктрины и борьбѣ ея со старою, всегда съ теченіемъ времени сглаживаются, уступая мѣсто новымъ теоріямъ, часто именно того эклектическаго характера, противъ котораго обыкновенно борятся вначалѣ съ одинаковою силою сторонники старыхъ и новыхъ теченій [1]). Но рѣдко эклектизмъ занималъ свое мѣсто съ большимъ правомъ, чѣмъ въ данномъ случаѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, было бы большою ошибкою настаивать, что тотъ или другой методъ долженъ составлять исключительную принадлежность науки уголовнаго права и что только этимъ методомъ и должна пользоваться эта наука. Какъ бы не опредѣлялись задачи науки уголовнаго права, согласно ли ученія классиковъ, антропологовъ или соціологовъ, эти задачи несомнѣнно возможно рѣшить различными способами, идя къ нимъ различными путями. Если даже стоять на опредѣленіи науки уголовнаго права какъ чисто юридической науки, имѣющей предметомъ своего изученія преступленіе и наказаніе какъ чисто юридическія явленія, то и въ этомъ случаѣ методъ наблюденія имѣетъ для нея громадное значеніе, напримѣръ, при оцѣнкѣ различныхъ наказаній, какъ средствъ борьбы съ преступленіемъ. Когда абсолютныя теоріи въ доктринѣ классическаго направленія еще не теряли своей силы, тогда, дѣйствительно, можно было строить

---

[1]) Такъ и самъ Ломброзо и одинъ изъ его первыхъ по времени критиковъ Lucchini заявляли о своемъ отвращеніи къ теоріямъ эклектизма: Lucchini въ предисловіи къ своей работѣ Le droit pénal et les nouvelles théories. P. 1892 заявлялъ, что онъ „надѣется не быть включеннымъ въ категорію эклектиковъ, которые, помѣстившись между старымъ и новымъ, прошлымъ и будущимъ и являясь ни рыбой ни мясомъ, представляютъ переходъ между двумя противоположными крайностями“ (стр. 3). Еще сильнѣе выразился Ломброзо, назвавшій эклектиковъ губками, все впитывающими и ничего не отвергающими, но они и не встрѣчаютъ ни съ чьей стороны критики и обречены на медленное забвеніе (Ломброзо. Новѣйшіе успѣхи угол. антроп. стр. 37).

сложную карательную систему при помощи одной дедукціи: взвѣшивать на вѣсахъ отвлеченной справедливости вину преступника и отвѣшивать за нее соотвѣтствующее воздаяніе для возстановленія нарушенной правды и прежняго равновѣсія. Но при господствѣ теперь въ доктринѣ классическаго направленія утилитарныхъ теорій или даже смѣшанныхъ, невозможно обойтись безъ метода наблюденія при оцѣнкѣ вреда или пользы отъ той или другой системы борьбы съ преступленіями; такая оцѣнка наказаній путемъ наблюденія достигнутыхъ результатовъ получила свое примѣненіе и въ трудахъ классиковъ [1]).

Получивъ широкое примѣненіе въ области изученія наказанія методъ наблюденія примѣнялся классиками также и при изученіи преступника и притомъ еще ранѣе появленія уголовно-антропологической школы. Мы полагаемъ, что упреки, дѣлаемые классической школѣ ея противниками въ игнорированіи ею всякаго изученія личности преступника такъ же неправильны, какъ не вѣрно утвержденіе самихъ классиковъ, что они изучаютъ только преступленіе и наказаніе, а не личность преступника и не условія преступности. Такъ, напримѣръ, несмотря на всю категоричность такого утвержденія, трудно и найти среди многочисленныхъ работъ, написанныхъ авторами классическаго направленія о преступности малолѣтнихъ такіе труды, гдѣ не было бы удѣлено значительнаго или даже преимущественнаго вниманія наблюденію надъ личностью малолѣтняго преступника, изображенію язвъ той семейной обстановки и общественной среды, въ которой онъ обыкновенно выростаетъ, то сирота, то заброшенный родителями, предоставленный надзору улицы. Изученіе малолѣтняго преступника при помощи метода наблюденія привело классиковъ къ признанію громаднаго значенія въ борьбѣ съ преступностью малолѣтнихъ мѣръ предупредительно воспитательнаго характера, къ необходимости продленія возраста безусловной невмѣняемости и условной и къ смягченію наказанія для несовершеннолѣтнихъ.

[1]) Таковы, напримѣръ, работы о смерной казни, о ссылкѣ. См. Таганцева лекціи по рус. угол. пр. IV вып. 1892 г. Berner: Ueber die Todesstrafe. 1863 и мн. др.

Т. о., если отъ теоретическихъ споровъ криминалистовъ о методахъ мы обращаемся къ разсмотрѣнію ихъ работъ и выясненію методовъ, которыми они въ этихъ работахъ пользовались, то часто встрѣчаемся съ интереснымъ явленіемъ: сторонники чистой дедукціи не могутъ избѣжать метода наблюденія, а такіе противники логическаго метода, какъ Ломброзо и его послѣдователи, конечно, не могутъ обойтись безъ дедукціи, потому что она «самый общій изъ всѣхъ методовъ, необходима какъ свѣтъ въ жизненномъ обиходѣ вообще, а не только въ юридическихъ изслѣдованіяхъ» [1]). Совмѣстное пользованіе въ наукѣ уголовнаго права обоими методами представляется намъ единственно правильнымъ. Эта правильность подтверждается уже тѣмъ только что отмѣченнымъ нами фактомъ, что даже криминалисты отстаивающіе лишь какой-нибудь одинъ методъ, пользуются противъ воли и другимъ. Но залогъ развитія науки уголовнаго права лежитъ въ признаніи необходимости сознательнаго пользованія обоими методами. Какъ невозможно обойтись безъ операціи логическаго мышленія при изученіи юридическихъ понятій, такъ неправильно отрѣшаться отъ наблюденія жизни, въ которой юридическія «понятія» превращаются въ факты дѣйствительности. И чѣмъ внимательнѣе и ближе мы будемъ присматриваться къ фактамъ самой жизни, какъ она есть, чѣмъ систематичнѣе будемъ изучать ихъ, тѣмъ ближе мы будемъ къ истинѣ [2]).

Одновременно съ внесеніемъ въ науку уголовнаго права новаго позитивнаго метода возникъ вопросъ о пересмотрѣ ея содержанія и ея соотношенія съ другими дисциплинами.

Нѣтъ и не могло быть сомнѣнія, что преступленіе и наказаніе, давшія для классическаго направленія свое содержаніе,

---

[1]) *Н. Н. П-скій:* къ вопросу объ объемѣ науки уголовнаго права. М. 1902 стр. 11.

[2]) См. *Hans Gross:* Aufgabe und Ziele der Kriminalistik. (Schweizeriche Zeitschr. f. Strafr. 10 B. 269 s.).

Alimena Bernardino: Lo studio del diritto penale nelle condizioni presenti del sapere (Estratti della Rivista di Dirritto penale e Sociol. crim.), Pisa 1900.

Alimena: Naturalismo critico e diritto penale. Riv. di Discip. Carcer. 1891, 614—626 p.p.

какъ юридическія явленія, являются въ то же время событіями въ личной жизни индивида, совершившаго преступленіе и въ жизни общества, въ которомъ онъ живетъ. Несомнѣнно поэтому что кромѣ юридическаго изученія этихъ явленій возможно разсмотрѣніе ихъ съ другихъ точекъ зрѣнія, напримѣръ, съ біологической или антропологической, и съ соціологической. Въ возможности такого научнаго изслѣдованія никто изъ криминалистовъ не сомнѣвается, но вопросъ о томъ допустимо ли такое всестороннее изученіе преступленія и наказанія и, если допустимо, то въ какой степени, является однимъ изъ самыхъ спорныхъ не только между представителями новыхъ и стараго направленій, но также и у сторонниковъ одной и той же школы.

До появленія уголовно-антропологической школы вопросъ о границахъ и объемѣ этой науки не подвергался у классиковъ почти никакому сомнѣнію [1]). Ихъ доктрина была и, по ихъ общему убѣжденію, должна быть строго юридическаго характера, изучающей преступленіе и наказаніе, какъ явленія юридическаго порядка, интересныя лишь постольку, поскольку они были особыми отношеніями правовой жизни. Въ эту доктрину входили изслѣдованіе всевозможныхъ условій совершенія преступленія усиліями одного лица или совокупными усиліями многихъ, развитіе дѣятельности преступника отъ подготовленія и до исполненія дѣянія, условія и размѣры отвѣтственности, ученіе о наказаніи и т. п. Цѣлями ученія по такой программѣ было сведеніе въ систему юридическихъ положеній по уголовному праву, помощь практикамъ въ примѣненіи закона и содѣйствіе законодателю при выработкѣ новыхъ уголовныхъ нормъ въ борьбѣ его съ преступленіями посредствомъ наказанія. Понятно, что при

---

[1]) Если между криминалистами классической школы иногда и возникали разногласія слѣдуетъ ли включать тотъ или другой вопросъ въ науку уголовнаго права, то во всякомъ случаѣ не возникало сомнѣній въ умѣстности лишь юридическаго изученія преступленія и наказанія. Такъ, напримѣръ, если Шютце настаиваетъ на исключеніи изъ науки уголовнаго права вопроса объ основаніяхъ уголовной кары, то лишь потому, что, по его мнѣнію, такой вопросъ выходитъ за предѣлы юридическаго изученія единственно по общему признанію классиковъ правильнаго въ область философіи права (Schutze Lehrbuch d. Deutschen Strafrechts. 1874. 37 s.).

такомъ взглядѣ на преступника, когда весь интересъ концетрировался на совершенномъ имъ дѣяніемъ, ученіе о немъ самомъ представлялось излишнимъ.

Развившаяся уголовно-антропологическая школа была въ отношеніи ея содержанія прямымъ противоположеніемъ классической: преступленіе заинтересовало ее не какъ нарушеніе юридической нормы, но какъ проявленіе особаго состоянія дѣятеля, наказаніе— какъ одно изъ средствъ безпрестанной и безконечной борьбы въ этомъ мірѣ, гдѣ слабый долженъ уступать мѣсто сильному; ученіе старой школы о свободѣ воли было вычеркнуто, его замѣнила доктрина детерминизма; мѣсто ученія о виновности заняло ученіе объ опасности, внушаемой преступникомъ и его способности приспособляться къ соціальной средѣ; принципы, установленные Бентамомъ, эти краеугольные камни классической доктрины, были т. о. выброшены безъ сожалѣнія и на ихъ мѣсто водворены другіе, добытые, говорили криминалисты-позитивисты, не путемъ абстрактнаго мышленія, но взятые изъ самой жизни, путемъ наблюденія надъ нею и изученія преступника, его тѣлесной структуры и психики; личность преступника заняла такимъ образомъ въ новой доктринѣ центръ, на которомъ сосредоточилось почти все вниманіе изслѣдователей.

Но такое расширенное уголовно-антропологами содержаніе науки уголовнаго права, какъ оно не казалось представителямъ старой школы чрезмѣрно широкимъ, было найдено нѣкоторыми изъ криминалистовъ (они и составили впослѣдствіи новую школу-соціологическую), узкимъ. Они потребовали внесенія въ науку изученія также и той соціальной среды, которая по ихъ убѣжденію, создаетъ преступниковъ.

Такимъ образомъ содержаніе науки уголовнаго права должно было мѣняться почти до неузнаваемости. Измѣненію содержанія соотвѣтствовало измѣненія и самаго названія науки. Новаторы какъ будто спѣшили совершенно покончить со старымъ направленіемъ и заставить забыть даже его имя. Обновленная наука получила въ трудахъ новаторовъ названіе криминологіи, уголовной антропологіи, уголовной соціологіи. Однако эти новыя названія не принесли съ собою окончательнаго рѣшенія вопроса о содержаніи науки, остающагося и по настоящее время спорнымъ и не выясненнымъ, несмотря на все богатство литературы.

Нельзя пройти молчаніемъ этотъ вопросъ и въ нашей работѣ тѣмъ болѣе, что сторонники соціологическаго направленія, составляющаго предметъ нашего изслѣдованія, удѣлили ему не мало вниманія, хотя и не пришли, какъ послѣдователи и другихъ школъ, къ одинаковому рѣшенію.

Существующія ученія о содержаніи науки уголовнаго права могутъ быть разнесены на 3 группы.

Въ первую входятъ теоріи распространеннаго содержанія науки уголовнаго права, изучающаго преступленія не только какъ юридическое явленіе, но также съ антропологической и соціальной точки зрѣнія.

Таково мнѣніе высказанное въ русской литературѣ еще въ 1873 году проф. Духовскимъ, также Фойницкимъ, Піонтковскимъ, Чубинскимъ, Дрилемъ, Гогелемъ, Синицкимъ, Елистратовымъ и др. въ нѣмецкой Вальбергомъ, Листомъ, Варга, Лиліенталемъ, Миттермайеромъ и мн. др., въ итальянской Ферри, Гарофало, Колаянни, Корневале, и др.

Сторонники другого, противоположнаго мнѣнія, принадлежатъ большею частью къ классической школѣ и полагаютъ, что содержаніе науки уголовнаго права должно остаться прежнимъ: сырого юридическимъ разсмотрѣніемъ преступленія и наказанія; не отвергая значеніе біологическаго и соціологическаго изученія этихъ же явленій, они относятъ такое изученіе къ компетенціи другихъ наукъ (уголовной антропологіи, соціологіи, уголовной политики и др.), изъ которыхъ наука уголовнаго права можетъ черпать нужное ей содержаніе, но съ которыми она не должна смѣшиваться.

Наконецъ, въ третью категорію войдутъ тѣ весьма многочисленные прежде криминалисты, по мнѣнію которыхъ наука уголовнаго права нисколько не нуждалась въ результатахъ, добытыхъ антропологіей и соціологіей и не стояла съ ними ни въ какихъ отношеніяхъ. Но въ виду исчезновенія этихъ теорій въ наши дни, намъ нѣтъ необходимости останавливаться на нихъ.

Выясненію вопроса о содержаніи науки уголовнаго права больше всего посчастливилось въ русской литературѣ: здѣсь мы находимъ не только яркихъ выразителей-сторонниковъ всѣхъ трехъ указанныхъ выше категорій, но и наиболѣе обоснованныя, подробныя и всесторонне развитыя мнѣнія.

Такое положеніе русской литературы обязываетъ въ данномъ случаѣ изслѣдователя удѣлить ей то вниманіе, которое она заслуживаетъ [1])

[1]) М. В. Духовской: „Задачи науки уголов. права“ (Времен. Дем. Юр. Лиц. IV 1873).

Фойницкій: „уголовное право, его предметъ, его задача.“ Суд. жур. 1873 г.

Сергѣевскій: Преступленіе и наказаніе какъ предметъ юридической науки. Юрид. Вѣст. 1879 № 12.

Sergievsky: Das Verbrechen u. die Strafe als Gegenstand der Rechtswissenschaft Zeitsch. f. d. g. Str. I. B.

Таганцевъ: Русское уголовное право. Лекціи Спб. 1902 г. I т.

Его же: предметъ науки уголовнаго права. „Право,“ 1901 г.№ 51 и 52.

Гогель: Предметъ науки уг. пр. (возраженіе Таганцеву) Право 902 № 9.

Таганцевъ: По поводу возраженія С. К. Гогеля (Право № 9—902 г.).

Піонтковскій: Наука уг. пр., ея предметъ, задачи, содержаніе и значеніе 1895 г.

Вульфертъ: методы, содерж. и задачи науки уг. пр., Вступ. лек. 1891 г.

Бѣлогрицъ-Котляревскій: Задача и методъ науки уг. пр. Юр. Вѣд. 1892 г. сентябрь.

Д. Дриль: малолѣтніе преступники I вып. 1884—Его же: Наука угол. антр., ея предметъ и задачи. Вѣст. Псих. крим. антр. 1904 г. I вып.

М. П. Чубинскій: Наука угол. права и ея составные элементы. Ж. М. Ю. 1902 г. Сентябрь.

М. П. Чубинскій: Очерки уголовной политики. Харьковъ. 1905.

Н. Н. П—скій: къ вопросу объ объемѣ науки уг. пр. Москва 1902 г.

Познышевъ: Основные вопросы ученія о наказаніи 904 г. введеніе: предметъ, содержаніе и задачи науки уг. пр.

В. Д. Набоковъ: Содержаніе и методъ науки угол. пр. (сборникъ статей по угол. праву. Спб. 904 г.).

Liszt: Die Aufgabe und die Methode der Strafrechtswissenschaft. Zeit. f. d. g. Strafr. 20 B. 1900, Garraud: Précis de droit criminel. P aris 1904. Ferri: la sociologie criminelle. Paris 1893 (итальян. изд. 1900 г.). Al. Frassati: Lo sperimentalismo nel diritto penale. Torino. 1892. Prins: Science pénale et droit positif. Brux. 1899. Proal: Le crime et la peine. P. 1892. Saleilles: L'individoilisation de la peine. P.1898. Garraud: Rapports du driot pénal et de la sociologie criminelle. Arch. de l'anthr. crim. 1886. Garofalo: La criminalogie 1895. Giuseppe de Felice: Principii di sociologia-crininale 1902. Colajanni: La sociologia criminale 1889. Carnevale: Una terza scuola di diritto penale (Rivista di discip. carc. XXI, 7, 1891). Garraud: Les tendances contemporaines de la science du droit pénal (Bul. de l'Union Int. de Dr. Pen. XI. B. 1904). Tosti: Ciclo scorico della scuola classica di diritto penale (Scuola Positiva 1903, 303—311). Доклады Листа, Alimena, Tarde, Garofalo: „Der Einfluss der kriminal-sociologischen und kriminal-anthr. Studien anf die juristischen Grundbegriffe des strafrechts (Mitt. d. Int. Kr. V. IV. B.).

Къ теоріямъ первой группы относится прочитанная въ 1872 г. приватъ-доцентомъ Демидовскаго юридическаго Лицея нынѣ покойнымъ М. В. Духовскимъ вступительная лекція. «О задачѣ науки уголовнаго права». Начинавшій свою ученую дѣятельность лекторъ высказалъ въ этомъ первомъ своемъ словѣ съ профессорской каѳедры новые и оригинальные взгляды, которые не остались незамѣченными.

Авторъ прежде всего заявляетъ себя противникомъ абстракціи «метода чистаго разума» и абсолютовъ и указываетъ на тотъ путь опыта и наблюденія, которымъ пошли другія науки. «Общее правило, признанное за вѣрное науками опытными, состоитъ въ томъ, что разумное отысканіе средствъ повліять на какое-нибудь явленіе можетъ быть сдѣлано только тогда, когда будетъ изслѣдовано само это явленіе, когда найдены будутъ причины произведшія его. Нѣтъ дѣйствія безъ причины, всякое явленіе есть результатъ извѣстныхъ причинъ, вотъ одно изъ важнѣйшихъ положеній каждой истинной науки. Если это такъ, то слѣдовательно, и то явленіе, изслѣдованіемъ котораго занимаемся мы теперь (преступленіе), имѣетъ свои извѣстныя причины». Далѣе авторъ дѣлаетъ попытки опредѣленія причинъ преступности въ Пруссіи и въ Россіи (за время съ 1860 по 1868 г.) и полагаетъ, что такими причинами являются «дурное политическое устройство страны, дурное экономическое состояніе общества, дурное воспитаніе, дурное состояніе общественной нравственности и цѣлая масса другихъ условій». Духовской считаетъ «положительно невѣрнымъ взглядъ на уголовное право, какъ на науку, изучающую только преступленіе и налагаемое за него наказаніе: уголовное право занимается изслѣдованіемъ того явленія въ общественномъ строѣ, которое называлось и называется преступленіемъ. Изслѣдуя это явленіе, наука конечно не могла не замѣтить съ перваго же взгляда, что преступленіе есть явленіе аномальное, а потому сообразно съ общей задачей, принятой на себя науками общественными, уголовное право должно было приступить къ изслѣдованію причинъ этого аномальнаго явленія и къ указанію чрезъ это средствъ для его искорененія» [1]).

[1]) Временникъ Демидовскаго Юридич. Лицея кн. IV, 1873 г. стр. 223, 226, 233, 251. Задачи науки уг. пр. М. В. Духовской. Эти научные взгляды

Это ученіе проф. Духовскаго встрѣтило критику со стороны проф. Сергѣевскаго, Таганцева, Кистяковскаго и др. (сторонниковъ теорій второй группы [1]). Подробнѣе другихъ останавливался на критикѣ взглядовъ Духовского-Сергѣевскій. Онъ не отрицалъ значенія соціологическаго изученія преступленія и наказанія, но полагалъ, что наука уголовнаго права должна оставаться юридической наукой, что соціологическое и юридическое изслѣдованія не могутъ быть соединяемы въ одно, такъ какъ разнятся ихъ методы и цѣли. Цѣль юридическаго изслѣдованія — троякая: «во первыхъ, дать руководство судебной практикѣ для подведенія частныхъ, въ жизни встрѣчающихся случаевъ подъ общее правило, выраженное въ общей формѣ закона, во вторыхъ дать ру-

---

были высказаны проф. Духовскимъ еще до возникновенія уголовно-антропологической школы. Таковы же были положенія, заявленныя нѣсколько лѣтъ спустя итальянскимъ криминалистамъ Ферри съ тою лишь разницею, что М. В. Духовской не умалялъ значенія юридическаго элемента, а Ферри удѣлилъ ему очень небольшую долю вниманія и отнесся къ нему въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе чѣмъ скептично. Но въ то время какъ проф. Духовской не привелъ въ исполненіе своей программы, Ферри провелъ свою въ трудѣ „La Sociologie criminelle“: здѣсь было отведено мѣсто ученію о причинахъ преступности, о самомъ преступникѣ и о средствахъ борьбы съ преступностью путемъ реформъ политическаго, экономическаго и юридическаго характера. Почти такова же программа труда другого итальянскаго криминалиста Гарофало (La criminologie), разошедшагося съ Ферри въ вопросѣ о соціальныхъ факторахъ преступности и о значеніи борьбы съ преступленіемъ путемъ реформъ широко общественнаго характера. Третій итальянскій криминалистъ Колаянни, отстаивающій вмѣстѣ съ цитированными выше криминалистами необходимость созданія одной науки, которая изучала бы преступленіе съ юридической, антропологической и соціологической точки зрѣнія и одновременно съ этимъ учила бы о средствахъ широкаго предупрежденія преступленія, далъ образчикъ такого труда въ своей „La Sociologia Criminale“. Какъ и Ферри онъ назвалъ новую науку уголовной соціологіей къ ея компетенціи имъ отнесены слѣдующіе отдѣлы: 1) развитіе и этіологія преступленія: 2) борьба съ преступленіемъ путемъ предупрежденія (общественная гигіена — Igiene sociale) и при помощи репрессіи или уголовнаго права (Diritto penale) и 3) исторія преступности въ связи съ констатированіемъ значенія предупредительныхъ и репрессивныхъ мѣръ борьбы съ преступленіями (Napoleone Colajanni: La Sociologia Criminale 1889 I v. § 6—7).

[1]) Кистяковскій: Кіев. Унив. Изв. 1874 г. декаб. кн.; Сергѣевскій: Юр. В. 79. № 12; Таганцевъ: „Право“ 901 г. № 51.

ководство законодателю къ болѣе правильному построенію этого закона, дабы онъ могъ охватывать въ своихъ общихъ опредѣленіяхъ частные случаи дѣйствительной жизни; въ третьихъ, посредствомъ изученія исторіи положительнаго уголовнаго права дать ключъ къ уразумѣнію и оцѣнкѣ дѣйствующаго права въ его цѣломъ и частяхъ. Наоборотъ, соціологическое изслѣдованіе не имѣетъ такихъ спеціальныхъ практическихъ цѣлей; соціологъ стремится къ одному: опредѣлить значеніе и мѣсто преступленія въ ряду другихъ явленій соціальной жизни».

Таковы три различныхъ цѣли науки уголовнаго права по Сергѣевскому.

Мы полагаемъ, что внесеніе соціологическаго и біологическаго элемента въ науку права должно лишь способствовать болѣе правильному разрѣшенію всѣхъ ея задачъ, поставленныхъ ей проф. Сергѣевскимъ. Такъ, правильное построеніе закона безъ знанія преступника является въ настоящее время невозможнымъ. Изученіе преступника привело уже къ нѣкоторымъ результатамъ, неотвергаемымъ и сторонниками классическаго направленія: таково, напримѣръ, раздѣленіе преступниковъ на привычныхъ и случайныхъ. Еще большее значеніе должны имѣть для законодателя, при построеніи имъ уголовныхъ законовъ, выясненіе причинъ преступности. Самое выясненіе показываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ преимущественное значеніе передъ наказаніемъ мѣръ предупредительнаго характера или даже совершенный вредъ наказанія. Точно также несомнѣнно значеніе соціологическаго изученія при уразумѣніи и оцѣнкѣ дѣйствующаго права. Не противорѣчитъ ли самъ себѣ проф. Сергѣевскій, требуя внесенія въ науку уголовнаго права историческихъ свѣдѣній для выясненія характера права и въ то же время утверждая, что внесеніе соціологическихъ свѣдѣній, характеризующихъ преступленіе, какъ одно изъ явленій области правовой жизни, вредитъ цѣлостности науки уголовнаго права [1])?

Остается еще одна, намѣченная проф. Сергѣевскимъ, цѣль юридическаго изслѣдованія: дать руководство судебной практикѣ

[1]) Н. Н. П—скій: Къ вопросу объ объемѣ науки уголовнаго права М. 1902 стр. 17 основательно замѣчаетъ: „внесеніе въ уголовное право соціологическаго изслѣдованія преступности даетъ какъ нельзя болѣе подходя-

для подведенія частныхъ случаевъ подъ общее положеніе, выраженное въ законѣ, но и она можетъ быть достигнута безъ помощи антропологическаго и соціологическаго изученія преступленія и преступника лишь при условіи игнорированія самимъ закономъ всѣхъ результатовъ, добытыхъ антропологіей и соціологіей.[1] Однако, такое игнорированіе съ каждымъ днемъ все болѣе отходитъ въ область прошлаго.

Мнѣніе проф. Сергѣевскаго вполнѣ раздѣляетъ Н. С. Таганцевъ. «Уголовное право, какъ одна изъ юридическихъ наукъ, говоритъ онъ должна, конечно, имѣть своимъ предметомъ изученіе преступныхъ дѣяній, какъ юридическихъ отношеній». Отстаивая вѣрность такого положенія, онъ не соглашается ни съ крайними взглядами криминалистовъ, требующихъ изученія въ наукѣ уголовнаго права причинъ преступленія и указанія средствъ его искорененія, ни съ болѣе умѣренными, предлагающими «не устраняя изъ курсовъ уголовнаго права изученія юридической стороны преступленій, тѣснѣе слить это изученіе съ соціологическими и антропологическими изслѣдованіями, сдѣлать предметомъ уголовнаго права изученіе преступнаго дѣянія и преступника вообще т. е. съ точки зрѣнія юридической, соціальной и біологической».

Первое изъ этихъ мнѣній т. е. «попытка полнаго упраздненія уголовнаго права какъ науки юридической» представляется Н. С. Таганцеву, совершенно основательно, не нуждающеюся въ подробномъ опроверженіи: пока уголовные законы не упразднены — не можетъ быть упразднено ихъ изученіе. Но авторъ опровергаетъ и второе мнѣніе: «соединеніе въ одну единую науку соціологическаго, антропологическаго и юридическаго изслѣдованія преступленія и преступника теоретически не соотвѣтствовало бы основнымъ на-

щій ключъ въ оцѣнкѣ дѣйствующаго права. Вѣдь не даромъ же проф. Сергѣевскій, побивая самого себя въ своей актовой рѣчи: „Основные вопросы наказанія въ новѣйшей литературѣ“, говоритъ, что въ пестромъ калейдоскопѣ разомъ нахлынувшихъ въ послѣдніе годы новыхъ понятій, ученій и словъ, заключается источникъ мудрости и свѣта. Что же это былъ бы за свѣтъ, если бы при его помощи нельзя было освѣтить всѣхъ прорѣхъ и темныхъ пятенъ на фонѣ современныхъ намъ уголовныхъ законодательствъ“.

чаламъ классификаціи отдѣльныхъ отраслей знанія, а практически послужило бы только къ взаимному вреду разработки этихъ отдѣльныхъ отраслей изслѣдованія, т. к. онѣ разнятся и по методамъ и по преслѣдуемымъ ими цѣлямъ».

Что касается указанія на теоретическое несоотвѣтствіе основнымъ началамъ классификаціи наукъ, то это возраженіе едва ли правильно: не науки существуютъ для классификаціи, но классификація для наукъ и то или другое раздѣленіе наукъ на группы отнюдь не должно служить и никогда не будетъ служить препятствіемъ измѣненію содержанія науки, вызываемому необходимостью обновленія науки.

Для Н. С. Таганцева представляется невозможнымъ соединеніе въ «одно цѣлое» разнообразныхъ пріемовъ изслѣдованія юриста и соціолога: первый изучаетъ преступленіе и его виды въ «ихъ понятіи», а второй останавливается на ихъ жизненной важности и на ихъ соотношеніи съ другими явленіями соціальной и индивидуальной жизни. Юристъ изучаетъ настоящее и прошлое преступника для опредѣленія вины и мѣры отвѣтственности, а для антрополога и соціолога отдѣльные случаи имѣютъ сравнительно ничтожное значеніе т. к. «преступникъ для нихъ не душа живая, согбенная, можетъ быть, подъ непосильными тяготами жизни и ждущая заслуженной или иногда видимо заслуженной кары закона, а просто любопытная разновидность изучаемаго типа, предметъ пригодный для демонстрированія извѣстныхъ научныхъ положеній». И съ этими возраженіями едвали можно согласиться. Если кто и говорилъ о преступникѣ, какъ «живой душѣ, согбенной подъ непосильными тяготами жизни», то, конечно, не криминалисты классическаго направленія, а соціологическаго. Оперируя съ цифрами, соціологическая школа уголовнаго права учитъ, что преступники не только нарушители нормъ при той или другой степени ихъ виновности или опасности,но плоть отъ плоти, кровь отъ крови современныхъ обществъ, продуктъ неурядицъ всего политическаго и соціальнаго строя: для соціолога преступникъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ — голодный бѣднякъ, житель чердаковъ и подваловъ, страдающій отъ тысячи тягостей бѣдности; за рядами сухихъ цифръ соціологъ слышитъ біеніе

пульса самой жизни, какъ она есть во всей ея сложности, со всѣми ея противорѣчіями, приводящими однихъ къ довольству, а другихъ въ тюрьмы. Оперированіе съ большими числами нисколько не умаляетъ для соціолога значенія каждаго отдѣльнаго случая: выводы, къ которымъ онъ приходитъ, относятся къ этимъ отдѣльнымъ случаямъ, являющимся лишь единицами изъ общей суммы изучаемыхъ имъ явленій. Н. С. Таганцевъ указываетъ, что интересующіе криминалиста вопросы объ изученіи прошлаго и настоящаго преступника для опредѣленія его вины и мѣры отвѣтственности не касаются соціолога. Но, наоборотъ, соціологическая школа уголовнаго права въ лицѣ всѣхъ своихъ представителей стремится изучить самымъ тщательнымъ образомъ именно прошлое и настоящее преступниковъ и именно такое изученіе привело ее къ убѣжденію о необходимости перенесенія тяжести вины съ преступника на само общество и о преимущественномъ значеніи субъективной стороны приступленія передъ объективной.

По этимъ соображеніямъ ограниченіе содержанія науки уголовнаго права лишь изученіемъ юридическихъ понятій преступленія и наказанія представляется намъ неправильнымъ, а расширеніе рамокъ нашей науки внесеніемъ въ нее элементовъ антропологическаго и соціологическаго не только возможнымъ, но и необходимымъ. Такого взгляда и держится въ настоящее время большинство криминалистовъ. Но является весьма спорнымъ вопросъ въ какой степени, въ какой формѣ должно состояться расширеніе въ этомъ направленіи области науки уголовнаго права.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы не была ничтожна и микроскопична та доля соціологическаго и антропологическаго элемента, которая допускается нѣкоторыми изъ криминалистовъ въ юридическое изученіе преступленія и наказанія, несомнѣнно, что разъ эти элементы вносятся, то уже нельзя отстаивать строго юридическій характеръ нашей дисциплины, становящейся вслѣдствіе такого внесенія наукою антрополого-юридической или соціолого-юридической. Съ этой точки зрѣнія неправъ Н. С. Таганцевъ, считающій полезнымъ, чтобы наука уголовнаго права считалась съ результатами добытыми соціологическимъ и уголовно-антропо-

логическимъ направленіями, но чтобы она оставалась въ то же время строго юридическою дисциплиною [1]). Это требованіе неисполнимо: уголовное право не можетъ дѣлать заимствованія изъ уголовной антропологіи и соціологіи, слѣпо, безъ критическаго къ нимъ отношенія, и, такимъ образомъ, чисто юридическій характеръ науки долженъ быть утраченъ.

Соотношеніе юридическаго элемента въ наукѣ уголовнаго права съ другими (антропологическимъ и соціологическимъ) подробно выяснено въ германской литературѣ Liszt'омъ и Vargha, сторонниками теорій первой изъ трехъ указанныхъ выше группъ [2]).

Liszt понимаетъ подъ наукою уголовнаго права въ широкомъ смыслѣ (Strafrechtswissenschaft): во-первыхъ, приведеніе въ систему, при помощи логико-юридическаго метода, основныхъ правоположеній, т.-е. юридическое изученіе преступленія и наказанія; во-вторыхъ, раскрытіе, при помощи позитивнаго метода, причинности въ мірѣ преступленій и наказанія и, въ-третьихъ, ученіе о наиболѣе пригодныхъ средствахъ борьбы съ преступленіемъ. Т.-е. наука уголовнаго права въ широкомъ смыслѣ слова распадается на нѣсколько отдѣловъ или вѣтвей; въ нее входятъ: 1) наука уголовнаго права *въ узкомъ смыслѣ*, которая должна заниматься систематическимъ изложеніемъ правовыхъ понятій; 2) изученіе преступленія какъ внѣшняго дѣянія и раскрытіе его при-

---

1) Н. С. Таганцевъ: „Предметъ науки уголовнаго права": пересмотръ всего ученія о вмѣняемости и созданіе новой формулы вмѣненія, переходящей уже и въ законодательства, своеобразная постановка ученія о повторяемости преступленій и его наказуемости, наконецъ, всѣ измѣненія системы карательныхъ мѣръ и порядка отбытія наказанія, въ значительной степени обязаны своимъ возникновеніемъ соціологическому изученію преступленія. Наконецъ, изученіе соціологическою школою условій, воздѣйствующихъ или ограничивающихъ развитіе преступности населенія, оживотворяющихъ или погасающихъ наклонность къ преступленію въ данную эпоху, въ данной средѣ, дало основаніе болѣе разумной постановкѣ уголовной гигіены, если можно такъ выразиться. (Право № 51, 1901 г.).

2) Liszt: Der Einfluss der Kriminal-sociologischen und Kriminal-anthropologischen Studien auf die juristischen Grundbegriffe des Strafrechts (Mittheil. d. Intern. Krimin. Ver. IV B., 125—143 s.s.). Liszt: Die Aufgaben und Methode der Strafrechtswissenschaft (Zeitschr. f. d. g. Str., XX B., 161—174).

Vargha: die Abschaffung der Strafknechtsschaft. 1896.

чинъ составляетъ задачу *криминологіи;* послѣдняя въ свою очередь раздѣляется на *уголовную антропологію* и *уголовную соціологію*, первая изучаетъ преступленіе, какъ явленіе въ жизни отдѣльнаго человѣка, а вторая изслѣдуетъ преступность какъ общественное явленіе и стремится раскрыть ея соціальные факторы; 3) наконецъ, ученіе о наиболѣе пригодныхъ средствахъ борьбы съ преступностью составляетъ предметъ новой вѣтви уголовнаго права *уголовной политики*: она вся основывается на уголовной соціологіи и антропологіи, такъ какъ удачную борьбу съ преступленіемъ можно вести лишь тогда, когда извѣстны причины преступности.

Такъ же широко, какъ проф. Листъ, понимаетъ науку уголовнаго права и проф. Vargha. Именемъ «криминологіи» онъ обнимаетъ слѣдующіе три отдѣла науки: I) уголовную антропологію, II) уголовное право и III) уголовную политику. Уголовная антропологія изучаетъ преступность, какъ естественно необходимую форму человѣческой дѣятельности отдѣльныхъ личностей и общественныхъ группъ [1]). I. Уголовная антропологія распадается въ свою очередь на двѣ вѣтви: 1) на уголовную біологію или уголовную антропологію въ собственномъ смыслѣ слова, изучающую преступленіе какъ біологическое явленіе, т.-е. изслѣдующую связь между преступностью и соматическими и психическими особенностями преступника; 2) на уголовную соціологію, изучающую преступленіе, какъ соціальное явленіе, т.-е. какъ продуктъ общественныхъ, экономическихъ и другихъ подобныхъ факторовъ. II. Уголовное право (Kriminalrecht) изучаетъ средства государственной правовой защиты противъ преступности. Чтобы обезопасить общество отъ преступныхъ посягательствъ, государство должно проявлять съ одной стороны предупредительную дѣятельность (Das präventive Kriminalrecht), а съ другой репрессивную (Das repressive Kriminalrecht); расширеніе содержанія науки уголовнаго права введеніемъ ученія о превентивныхъ мѣрахъ яв-

---

[1]) „Die Kriminal-Anthropologie ist die Wissenschaft, welche die Kriminalität als eine naturnothwendige Form der Lebensbethätigung der Individuen und socialen Gruppen aus den die Menschennatur beherrschenden Gesetzen zu verstehen sucht“ (Vargha: op. c. 173 s.).

ляется, по мнѣнію Vargha, одной изъ важнѣйшихъ заслугъ новаго направленія [1]). Репресивная дѣятельность въ свою очередь дѣлится авторомъ на три части: а) матеріальное уголовное право, б) формальное уголовное право (das materielle und formelle Strafrecht) и в) нормы, регулирующія дѣятельность по приведенію наказаній въ исполненіе (das Strafvollzugsrecht).

III. Въ понятіе уголовной политики авторъ вводитъ съ одной стороны Kriminal-Gesetzgebungskunst, а съ другой Kriminal-Verwaltungskunst; первая часть уголовной политики имѣетъ своею задачею рѣшеніе вопроса: какія дѣйствія должны подлежать зачисленію въ число уголовно наказуемыхъ и какимъ наказаніямъ они должны подлежать, вторая часть имѣетъ своимъ предметомъ выясненіе основныхъ положеній, при помощи которыхъ можно достичь правильной организаціи карательной дѣятельности въ государствѣ.

Изъ приведеннаго изложенія ученій Листа и Варга видно, что три главные отдѣла науки уголовнаго права намѣчены обоими авторами одинаково. Есть нѣкоторое различіе лишь въ дальнѣйшемъ подраздѣленіи этихъ трехъ отдѣловъ на болѣе мелкіе, но оно не представляется существеннымъ. Въ настоящее время это ученіе о дѣленіи науки уголовнаго права на три отдѣла или вѣтви принято почти всѣми сторонниками соціологической школы [2]). Являясь лишь частями цѣлаго эти отдѣлы должны находиться между собою въ той живой связи, въ какой находятся вѣтви дерева, соединенныя между собою общимъ стволомъ и питающіяся одними и тѣми же соками. Такъ, уголовно политическое изслѣдованіе можетъ привести къ открытію дѣйствительно цѣлесообразныхъ средствъ борьбы съ преступностью лишь при условіи, что оно считается съ тѣмъ отдѣломъ науки уголовнаго права, который занимается раскрытіемъ причинъ преступности.

---

[1]) Такое расширеніе содержанія уголовнаго права совершается не только въ наукѣ, но и въ законодательствѣ. Vargha указываетъ на проектъ Швейцарскаго уложенія, въ которомъ одна изъ главъ носитъ не старое всюду употреблявшееся названіе — „о наказаніяхъ“ — „Von den Strafen“, но „Von den Strafen und Sicherungsmassregeln“ (ibid, 188 s.).

[2]) Взгляды Листа и Варга раздѣляютъ въ данномъ случаѣ Принсъ, Ваннъ Гамель, Ничефоро, Корневале, Чубинскій, Піонтковскій и др.

Точно также догматическое изученіе преступленія и наказанія («уголовное право въ узкомъ смыслѣ» по терминологіи Листа), какъ мы видѣли выше, оставаясь обособленнымъ отъ уголовно-анторопологическаго, соціологическаго и уголовно-политическаго изученія, не отвѣчаетъ требованіямъ той весторонности и широты изслѣдованія, которыя ставятся въ настоящее время криминалисту самою жизнью. Уголовная литература новѣйшаго времени уже дала намъ образцы такого всесторонняго и широкаго изслѣдованія преступленія и средствъ борьбы съ нимъ и впослѣдствіе будетъ давать ихъ, конечно, еще чаще [1]). Но однимъ изъ условій этого является болѣе подробная разработка ученія о причинахъ преступности, на которую, по справедливымъ словамъ Листа, до сихъ поръ сама соціологическая школа обращала вниманія менѣе, чѣмъ того заслуживаетъ этотъ важный вопросъ. Настоящая наша работа и имѣетъ своею задачею выясненіе современнаго положенія въ криминалистической литературѣ ученія о факторахъ преступности и главнымъ образомъ о тѣхъ изъ нихъ, которые извѣстны подъ именемъ *«соціальныхъ факторовъ»*.

---

[1]) Таковы работы Prins: Science pénale et droit positif 1899. Vargha: Die Abschaffung der Strafknechtsschaft. Ferri: La Sociologie Criminelle. Garofalo · La Criminologie и др.

ГЛАВА II.

Факторы преступности. Ихъ классификація.

Ученіе о причинахъ преступности болѣе всего извѣстно подъ даннымъ ему Колаянни и Ванъ Гамелемъ названіемъ этіологіи преступленія (Kriminal-Ätiologie), но на ряду съ этимъ именемъ существуетъ и другое, предложенное Листомъ, «криминологіи». Листъ, различая въ криминологіи, какъ указано выше, криминальную біологію или криминальную антропологію и криминальную соціологію, относитъ къ предмету содержанія первой—изученіе индивидуальныхъ факторовъ преступности, а второй—изслѣдованіе преступленія, какъ явленія общественной жизни [1]).

Изъ этихъ двухъ названій болѣе правильнымъ является первое, данное Ванъ Гамелемъ, такъ какъ оно болѣе соотвѣтствуетъ содержанію этой части науки уголовнаго права, заключающейся, какъ показываетъ уже само названіе въ изученіи именно причинъ преступности. Листовское же названіе «криминологія» (crimen—преступленіе) даетъ понятіе болѣе широкое, чѣмъ самъ отдѣлъ ученія о причинахъ преступленія.

Итакъ, подъ именемъ криминальной этіологіи понимается ученіе о причинахъ преступности. Но что мы должны считать причиной вообще и въ частности причиной преступленія? Понятіе причины въ настоящее время установлено въ томъ видѣ, въ какомъ далъ его Джонъ Стюартъ Милль, отбросившій метафизическія теоріи о причинѣ какъ особомъ дѣятельномъ началѣ и опредѣлившій причину на почвѣ опыта и наблюденія какъ совокупность предшествующихъ, за которыми явленіе безусловно слѣдуетъ, слѣдовало и будетъ слѣдовать, пока будетъ существовать

---

[1]) „Этіологія есть ученіе о причинахъ, а потому криминальная этіологія есть ученіе о причинахъ преступности“ (345, 347 s.s. Kriminal-Ätiologie von prof. Van Hamel Zeit. f. d. g. Str. 21 B. 1900). Colajanni: La sociologia criminale I v. 1889. 40 p.

[2]) Kausale, naturwissenschaftliche Lehre vom Verbrechen kann mit dem Ausdruck „Kriminologie“ bezeichnet werden (v. Liszt: Lehrb. d. Deut. Str. 13 Aufl. 70 s.).

то же положеніе вещей [1]). Принимая это опредѣленіе причины Милля мы должны, слѣдовательно, считать причинами преступности тѣ явленія или факты, за которыми она неизмѣнно проявляется. Наблюденіе показало, что эти факты и явленія—причины преступности—могутъ быть весьма разнообразны. А такое разнообразіе ихъ вызываетъ необходимость ихъ классификаціи.

Первыя попытки классификаціи мы встрѣчаемъ уже у извѣстнѣйшаго итальянскаго криминалиста классическаго направленія Romagnosi, неоднократно обращавшагося къ выясненію причинъ преступности. Онъ дѣлитъ факторы преступности на четыре группы: «наиболѣе общія и упорныя причины преступленій, говоритъ онъ, сводятся къ слѣдующимъ четыремъ группамъ: 1) къ недостатку средствъ существованія, 2) къ недостаточности воспитанія, 3) къ недостаточности предусмотрительности и 4) къ недостаткамъ юстиціи. Первая группа причинъ экономическаго свойства, вторая — моральнаго, а третья и четвертая политическаго» [2]). Но такъ какъ вопросъ о причинахъ преступности не интересовалъ ни современниковъ Romagnosi, ни ближайшихъ его по времени послѣдователей, то и вопросъ о классификаціи факторовъ преступности не могъ получить должнаго освѣщенія. Лишь съ развитіемъ новыхъ ученій въ наукѣ уголовнаго права, когда съ конца семидесятыхъ годовъ центръ вниманія былъ перенесенъ съ преступленія и наказанія на преступника и предупрежденіе преступленія, такая классификація сдѣлалась необходимой. Такъ, уже съ первыхъ годовъ своего существованія уголовно-антропологическая школа обращается въ лицѣ Ферри къ дѣленію причинъ преступности. Данная проф. Ферри классификація извѣстна подъ именемъ трехчленной и является въ настоящее время почти общепринятою.

Трехчленная классификація Ферри была дана имъ еще въ одной изъ его первыхъ работъ «о преступности во Франціи» (на-

---

[1]) Д. С. Милль: Система логики силлогистической и индуктивной. Перев. подъ ред. В. И. Ивановскаго М. 1899 стр. 266.

Г. Колоколовъ: О соучастіи въ преступленіи. М. 1881 см. „Введеніе“.

[2]) Romagnosi: Genesi del diritto penale. Firenze. Quinta edizione. 1834, § 1021 „le cause piu communi e costanti dei delitti si ridukono alle quatro segenti: I) Al difetto di susistenza; II) al difetto di educazione; III) al difetto di vigilanza; IV) al difetto di giustizia.

печатана впервые въ 1881 г.) [1]). Считая преступленіе, какъ и всякое другое человѣческое дѣйствіе, продуктомъ многихъ причинъ, онъ раздѣлилъ послѣднія на три группы и отнесъ въ первую категорію индивидуальныя или антропологическія причины, во вторую физическія и въ третью соціальныя. Антропологическіе факторы тѣ, которые лежатъ въ самой личности преступника и составляютъ по ученію Ферри первое условіе преступленія; они раздѣляются въ свою очередь на три группы сообразно тремъ точкамъ зрѣнія, съ которыхъ можетъ разсматриваться преступникъ: на органическіе, психическіе и общественные. Органическая конституція преступника охватываетъ аномаліи чувства и интеллекта, особенности языка и литературы преступниковъ; понятіе личнаго характера преступника заключаетъ въ себѣ какъ чисто біологическія условія (раса, возрастъ, полъ), такъ біосоціальныя условія «напримѣръ, гражданское состояніе, образованіе, воспитаніе, мѣсто жительства, общественный классъ, профессія».

Ферри не даетъ опредѣленія физическихъ и соціальныхъ факторовъ преступности, примѣрное же перечисленіе тѣхъ и другихъ обнаруживаетъ отсутствіе у него опредѣленнаго выбраннаго напередъ принципа классификаціи. Такъ въ группу физическихъ причинъ были отнесены имъ въ первомъ изданіи упомянутой выше работы на ряду съ климатомъ, природой, почвой и пр. также сельско-хозяйственное производство (la produzione agricola), но въ то же время la produzione industriale промышленное производство было занесено въ рубрику соціальныхъ факторовъ. Позднѣе оба эти производства—сельско-хозяйственное и промышлен-

[1]) Ferri: Studi sulla criminalita in Francia; авторъ ограничивается здѣсь перечисленіемъ факторовъ различныхъ категорій; изъ нихъ антропологическіе факторы: возрастъ, полъ, гражданское состояніе, профессія, жилище, общественные классы, степень образованія и воспитанія, органическая и физическая конституція преступника; физическіе: раса, климатъ, строеніе почвы и степень ея плодородія, денное и ночное время, времена года, годовая температура; соціальные факторы: увеличеніе и уменьшеніе народонаселенія, эмиграція, общественное мнѣніе, обычаи и религія, семейный строй, положеніе политическое, финансовое, коммерческое, производство промышленное и земледѣльческое, административное устройство, общественная безопасность, общественное образованіе и воспитаніе, общественная благотворительность; законодательство (p. 18 Studi sulla criminalita ed altri saggi 1901).

ное—были отнесены авторомъ въ одну группу соціальныхъ факторовъ. Но и въ настоящее время мы находимъ въ классификаціи Ферри отнесеніе однихъ и тѣхъ же факторовъ одновременно въ въ разныя группы: такъ, образованіе и воспитаніе занесены авторомъ въ число антропологическихъ и соціальныхъ факторовъ. Опредѣленіе Ферри антропологическихъ факторовъ слишкомъ широко (les facteurs anthropologiques inhérants á la personne [1]) и, даетъ ему возможность относить въ этотъ же разрядъ несомнѣнно такіе не антропологическія причины, какъ общественный классъ преступника, его профессію и мѣстожительство.

Примѣру Ферри лишь обозначать категоріи причинъ, не давая ихъ опредѣленія, послѣдовали многіе другіе криминалисты, впавшіе въ такія же, какъ и онъ, ошибки. Они не всегда были между собою согласны и въ вопросѣ объ разнесеніи причинъ по тѣмъ или другимъ группамъ, но такое несогласіе было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отсутствія точнаго масштаба классификаціи: такъ образованіе, отнесенное Ферри въ двѣ категоріи антропологическихъ и соціальныхъ причинъ, было зачислено большинствомъ въ разрядъ общественныхъ факторовъ, нѣкоторыми въ число антропологическихъ причинъ; алкоголизмъ, относящійся по Ферри къ соціальнымъ факторамъ, былъ отнесенъ нѣкоторыми къ группѣ антропологическихъ причинъ и т. д.

Мы считаемъ необходимымъ, прежде чѣмъ изложить другія попытки классификаціи факторовъ преступности, дать опредѣленіе каждой изъ трехъ намѣченныхъ Ферри категорій.

Какіе факторы могутъ быть названы антропологическими? Опредѣленіе антропологіи должно считаться въ настоящее время установившимся. Антропологіей называется наука, имѣющая предметомъ своего изученія человѣка.

«Слово антропологія, говоритъ Topinard, обозначаетъ науку о человѣкѣ или о людяхъ и несомнѣнно въ нее можетъ входить все, что касается человѣка. Но у этого безконечно широкаго опредѣленія есть граница, рядомъ съ теоретическимъ опредѣленіемъ или вѣрнѣе этимологическимъ, существуетъ практическая необходимость въ точномъ ограниченіи»... «Въ стремленіи изслѣдовать

---

[1]) Ferri: la sociologie criminelle 1893 г.·150.

слишкомъ много, антропологія кончила бы тѣмъ, что ничего не изслѣдовала бы: антропологія для насъ зоологія человѣка—la Zoologie de l'homme. Антропологія изучаетъ человѣка съ животной физической точки зрѣнія. Она описываетъ его естественныя разновидности, называемыя расами, она его сравниваетъ съ другими животными, опредѣляетъ его мѣсто въ классификаціи и пытается установить его происхожденіе и генеалогію. Если Quatrefages и Broca дѣлаютъ экскурсіи въ области соціальную, психическую и физіологическую, то единственно съ тѣмъ, чтобы отыскать его отличительный характеръ и достичь конечной цѣли; познаніе животнаго—la connaissance de l'animal» [1]).

При этомъ опредѣленіи антропологіи единственно правильнымъ понятіемъ антропологическихъ факторовъ преступности будетъ такое, въ которомъ слову «антропологическій» будетъ дано указанное выше содержаніе. Поэтому антропологическими причинами преступности нужно назвать тѣ, которыя лежатъ въ свойствахъ самой природы человѣка, какъ одного изъ представителей животнаго царства, въ его соматической и психической организаціи. Внѣ всякаго сомнѣнія именно къ этой группѣ причинъ относятся тѣ аномаліи черепа и организаціи преступника, какими онъ надѣленъ по ученію Ломброзо и его послѣдователей. Сюда же относятся полъ, возрастъ, раса, безъ чего мы не можемъ представить человѣка, но никоимъ образомъ нельзя отнести сюда профессію, общественный классъ, воспитаніе или образованіе, какъ это дѣлаетъ Ферри, или гражданское состояніе и законорожденность, какъ это дѣлаетъ Colajanni [2]). Та или другая профессія, принадлежность къ тому или другому классу, происхожденіе отъ незаконныхъ родителей, воспитаніе человѣка и его образованіе отнюдь не свойства его природы, а потому согласно нашему опредѣленію, не могутъ быть названы антропологическими условіями.

Во вторую группу Ферри отнесъ физическіе факторы преступности; такое названіе должно быть дано силамъ внѣшней окру-

---

[1]) Topinard: Criminologie et anthropologie. Actes du 2-me Cong. d'Anthr. crim. 490—491 p.p.

[2]) Colajanni: La sociologia criminale II v. § 80.

жающей человѣка природы, вызывающей его къ дѣйствіямъ. Онѣ могутъ быть весьма разнообразны, но какъ скоро разсматриваемая сила не является проявленіемъ самою природою ея свойствъ и мощи, она не можетъ называться физическою. Такъ Ферри въ своей Sociologie criminelle относитъ къ числу физическихъ причинъ земледѣльческое производство la production agricole и къ соціальнымъ, какъ было указано выше, промышленное производство. Авторъ не сообщаетъ оснований, по которымъ онъ отнесъ земледѣльческое производство къ группѣ физическихъ причинъ. Если онъ руководился при этомъ ролью природы въ произрастаніи злаковъ, то въ трудѣ земледѣльческомъ и фабричномъ, въ какой бы стадіи развитія не находилась та и другая промышленность и какъ бы онѣ не были организованы, одинаково необходимыми являются при производствѣ и силы природы и трудъ человѣка.

Въ послѣднюю категорію соціальныхъ факторовъ должны быть отнесены вліянія на преступность той общественной среды, въ которой живетъ преступникъ. Подъ общественною средою понимается не только тотъ кругъ людей или та часть общества, въ которой вращается человѣкъ, но также и тѣ соціальные институты и весь государственный политическій строй, въ соприкосновеніе съ которыми человѣкъ, живущій въ государствѣ и обществѣ, неизбѣжно входитъ [1]). Такъ, въ понятіе соціальныхъ условій входятъ вліяніе семейной обстановки, классовое устройство, организація труда, распредѣленіе богатствъ, общественное мнѣніе, жизнь въ городахъ и селахъ, образованіе, воспитаніе, религія, политическое устройство, войны и мн. др.

Изъ этого примѣрнаго перечня уже видно, что соціальные факторы чрезвычайно разнообразны по своему содержанію. Были попытки разбить ихъ въ свою очередь на нѣсколько категорій. Такъ Van Kan и Colajanni дѣлятъ ихъ на соціальные въ узкомъ

---

[1]) Таково же опредѣленіе проф. Фойницкаго, называющаго соціальными причинами общественныя вліянія, лежащія въ организаціи общественнаго строя и въ отношеніи его къ личности, воздѣйствія, оказываемомъ обществомъ и государствомъ на личность путемъ разнообразныхъ мѣръ и учрежденій, споспѣшествующихъ ея нормальному существованію или затрудняющихъ его. (Фойницкій: „Факторы преступности“ Сѣвер. Вѣст. 1893 г. кн. 10 стр. 112).

смыслѣ и на экономическіе. Въ группу экономическихъ выдѣляются ими тѣ феномены, которые относятся въ жизни общества, а косвенно и въ жизни индивида, къ матеріальному благосостоянію [1]).

При такомъ раздѣленіи относительно весьма многихъ причинъ трудно рѣшить какого они свойства: чисто ли соціальныя или экономическія? Таковы, напримѣръ, безработица, эмиграція и мн. др., которыя приходится Van Kan'у называть экономически-соціальными и ввести т. о. третью подгруппу; точно также и Colajanni, различающій между соціальными факторами группу экономическихъ, дѣлитъ послѣдніе на двѣ подгруппы: на экономическіе факторы прямого воздѣйствія и посредственнаго, каковы, напримѣръ, проституція [2]).

Въ виду этой невозможности провести рѣзкую грань между устанавливаемыми Ванъ Каномъ и Колаянни подгруппами соціальныхъ факторовъ съ одной стороны, а съ другой стороны вслѣдствіе того, что такая дробность классификаціи не вызывается необходимостью, мы полагали бы принять трехчленное дѣленіе факторовъ преступности на физическіе, антропологическіе и соціальные. Но въ самое послѣднее время раздались возраженія и противъ этой классификаціи и требованія замѣнить ее двухчленной. Предложеніе исходитъ отъ проф. Листа и сдѣлано имъ въ его блестящемъ докладѣ послѣднему международному конгрессу криминалистовъ въ С.-Петербургѣ.

По мнѣнію Листа выдѣленіе физическихъ факторовъ въ особую, самостоятельную группу влечетъ за собою крайнюю неопредѣленность. Въ видѣ примѣра Листъ указываетъ на увеличеніе въ лѣтніе мѣсяцы преступленій противъ нравственности:

[1]) Van Kan: Les causes économiques de la criminalitè 1903 p. 12. Colajanni. La sociologia criminale. Catania 1889 II v. 34—43 p.p. 461 p.

[2]) Massenet [Quelques causes sociales du crime, Lyon. 1893. Thèse doctor.], принимая три указанныя группы факторовъ, дѣлитъ соціальныя причины на четыре группы: 1) факторы интеллектуальнаго порядка (философія, религія, внушеніе); 2) факторы эстетическаго порядка (искусства, литература); 3) факторы промышленнаго порядка (экономическаго): нищета, алкоголизмъ, воспитаніе и пр.; 4) факторы моральнаго порядка: наказуемость (цитировано по ук. соч. Van Kan'a стр. 168). Недостатки этой классификаціи очевидны: такъ, воспитаніе не можетъ быть названо факторомъ промышленнаго порядка; непонятно также, почему наказуемость—факторъ моральнаго порядка, а религія—интеллектуальнаго?

рѣшающее значеніе здѣсь, по мнѣнію автора, принадлежитъ антропологическому фактору на томъ основаніи, что различные люди совершенно различно реагируютъ на дѣйствіе жары. Точно также, увеличеніе кражъ въ зимніе мѣсяцы объясняется не непосредственнымъ воздѣйствіемъ холода, но невозможностью нѣкоторыхъ по своей бѣдности укрыться отъ холода, т. е. здѣсь мы имѣемъ дѣло съ соціальнымъ факторомъ преступности [1]).

Намъ эти доводы представляются недостаточными для возможности выключенія физическихъ факторовъ изъ числа трехъ группъ указанныхъ выше причинъ преступности. Возьмемъ примѣръ указываемый самимъ Листомъ: увеличеніе преступленій противъ собственности въ холодное время. Если мы стали бы вмѣстѣ съ Листомъ утверждать, что въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ лишь бѣдность, не имѣющая возможности укрыться отъ холода, то насъ могли бы упрекнуть что мы отрицаемъ всякое значеніе холода и тепла для нашего организма. Мы можемъ допустить, что увеличеніе преступленій противъ собственности не послѣдовало бы, если бы не было бѣдности. Но мы съ такимъ же правомъ можемъ утверждать, что этого увеличенія не послѣдовало бы и въ томъ случаѣ, если бы нашъ организмъ былъ такъ устроенъ, что оставался нечувствительнымъ къ холоду, или если бы не было холода. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ возможно предполагать дѣйствіе причинъ: антропологической (чувствительность къ холоду), соціальной (бѣдность) и физической (холодъ) и нѣтъ основаній утверждать, что физическіе факторы—лишняя въ классификаціи группа.

---

[1]) См. Revue Penitent. № 4—1903. Bernard: Les facteurs sociaux de la criminalité. Листъ: Обществ. факторы преступности. Перев. съ нѣм. Журн. Мин. Юст. № 2—1903 г.

ГЛАВА III.

Предшественники соціологической школы науки уголовнаго права [1]).

Сторонники соціологической школы науки уголовнаго права, занявшейся изслѣдованіемъ соціальныхъ факторовъ преступности, видятъ своихъ предшественниковъ въ лицѣ первыхъ представителей моральной статистики Кетле и Герри. Таково, напримѣръ мнѣніе Лакассаня [2]), также думаетъ и Принсъ, хотя и добавляетъ, что указанія на вліяніе соціальной среды встрѣчаются и ранѣе Кетле—у Монтескье и позднѣе у Тэна [3]). Но если говорить объ указаніяхъ на зависимость между соціальной средой и преступностью, то мы найдемъ ихъ много ранѣе Монтескье и полнѣе, чѣмъ у него. Намъ кажется, что извѣстный профессоръ политической экономіи въ свободномъ Брюссельскомъ университетѣ и депутатъ соціалистъ Hector Denis поступаетъ вполнѣ правильно, указывая въ своемъ небольшомъ докладѣ уголовно-антропологическому конгрессу въ Амстердамѣ, что предшественниковъ соціологической школы уголовнаго права надо искать среди первыхъ представителей той доктрины, которой онъ держится въ своей политической дѣятельности. Онъ указываетъ, какъ на предшественниковъ соціологической школы на Godvin'a, Owen'a, William Tompson'a, Fourier, Henri de Saint Simon'a и др. [4]).

Несомнѣнно, что соціологическая школа науки уголовнаго права, видящая корень преступности въ несправедливостяхъ и неурядицахъ современныхъ обществъ, въ несовершенствахъ соціальной организаціи, иногда приближается этой стороной своего ученія

---

[1]) Часть этой главы нашей работы была напечатана нами въ „Научномъ Словѣ“ № 1 за 1904 г.

[2]) Marche de la criminalité en France 1825—1880 (Revue Scientif. 1881 № 22).

[3]) Prins: Science pénale et droit positif. 1899 стр. 20.

[4]) Côngrès internat. d'antrop. crimin. Compte rendu de la V session tenu à Amsterdam 9—14 sept. 1901. Hector Denis: „Le socialisme et les causes économiques et sociales du crime“.

къ доктринѣ названныхъ выше авторовъ, какъ утопическаго, такъ и научнаго направленія, подвергавшихъ своей безпощадной критикѣ общественныя, политическія и экономическія условія жизни государствъ. Сказать, что у первыхъ представителей этой доктрины, мы находимъ только одни указанія на соціальное происхожденіе преступленій и на вліяніе среды было бы невѣрно; у многихъ изъ нихъ вопросъ поставленъ гораздо шире и на ряду съ положеніемъ о зависимости между соціальной средой и преступностью мы уже находимъ установленіе и развитіе и другого основнаго положенія соціологической школы: о необходимости бороться съ преступностью путемъ соціальныхъ реформъ.

Выясненіе этой стороны ученія указанныхъ выше предшественниковъ соціологической школы науки уголовнаго права представляется намъ небезъинтереснымъ и небезполезнымъ: оно познакомитъ насъ съ удивительнымъ явленіемъ какъ еще въ кровавый XVI вѣкъ знаменитый утопистъ Томасъ Морусъ высказалъ поразительные для его времени по своей гуманности и правильности взгляды о соціальныхъ причинахъ преступности и о средствахъ борьбы съ нею. Правда, ни въ «Утопіи», ни въ нѣкоторыхъ изъ другихъ произведеній, на которыхъ мы будемъ останавливаться въ настоящемъ очеркѣ, мы не найдемъ научныхъ доказательствъ соціальнаго происхожденія преступленія, но даже и бездоказательныя утвержденія этихъ авторовъ представляютъ для насъ то значеніе, что покажутъ когда и какъ зародилась основная идея соціологической школы о зависимости между средою и преступностью, какъ, постепенно развиваясь, она нашла себѣ блестящее подтвержденіе въ трудахъ статистиковъ Кетле, Герри, Эттингена и другихъ и, воспринятая въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ криминалистами, внесла новую струю въ науку уголовнаго права. Эта новая струя, вытекшая изъ такого чистаго, свѣтлаго источника, какимъ были эти «мечтатели» и «друзья человѣчества» Томасъ Морусъ, Фурье, Оуенъ и др.. смысла съ науки уголовнаго права вѣковую покрывавшую ее пыль и дала ей начала новой жизни.

Hector Denis считаетъ первымъ предшественникомъ соціологической школы науки уголовнаго права W. Godvin'а, писателя конца XVIII вѣка, и начала XIX вѣка. Но болѣе полное и

подробное выясненіе зависимости между соціальной средой и преступностью мы встрѣчаемъ много раньше Годуина, въ самомъ началѣ XVI столѣтія, когда появилась въ Англіи знаменитая «Утопія» Томаса Моруса [1]). Съ первыхъ же страницъ своего труда авторъ съ силой и страстью доказываетъ жестокость и безполезность смертной казни за воровство. Какъ на главныя причины воровства онъ указываетъ на существованіе класса богатыхъ, окруженныхъ многочисленной челядью, рядомъ съ нищетой и безработицей; самое ужасное наказаніе, говоритъ Морусъ, не удержитъ человѣка отъ воровства, разъ у него остается только это одно средство спасти себя отъ голодной смерти; поэтому смертная казнь за воровство столько же безполезна, сколько и жестока. Пока существуетъ классъ благородныхъ, питающихся отъ трудовъ работающихъ на нихъ въ потѣ лица своего бѣдняковъ, пока богачи окружены толпой слугъ, которыхъ они безжалостно разсчитываютъ, когда они состарятся или заболѣютъ, до тѣхъ поръ воровство не исчезнетъ. Что бы никто не былъ поставленъ въ необходимость сначала красть, а затѣмъ умирать на плахѣ, надо обезпечить всѣмъ членамъ общества средство къ существованію. Бросаютъ многихъ, какъ бродягъ, въ тюрьмы, но въ чемъ состоитъ ихъ преступленіе? Ни въ чемъ другомъ, какъ въ томъ, что они не могутъ найти никого, кто далъ бы имъ работу. Вылѣчите Англію, говоритъ Морусъ устами путешественника и разсказчика объ Утопіи, отъ этихъ язвъ, обуздайте алчный эгоизмъ богачей, отнимите у нихъ право накопленія и монополій, изгоните праздность и дайте всѣмъ средства къ существованію. Обращаясь къ вопросу о значеніи воспитанія, какъ средства борьбы съ преступностью, Морусъ сравниваетъ юстицію Англіи и другихъ странъ съ дурнымъ учителемъ, который охотнѣе бьетъ своихъ учениковъ нежели ихъ

[1]) De optimo Reipublicae statu, deque nova Insula Utopia. Van Kan въ историческомъ введеніи къ своей работѣ „Les causes économiques de la criminalité, Paris. 1903“ приводитъ выдержки о зависимости преступности отъ бѣдности, взятыя имъ изъ произведеній Платона, Аристотеля, Горація и др. древнихъ писателей, а также изъ трудовъ отцовъ церкви, но эти отдѣльныя и короткія фразы (на 20 страницахъ болѣе чѣмъ изъ 50 писателей) не являются характерными для названныхъ авторовъ, а потому мы и не считаемъ нужнымъ заходить такъ далеко, какъ это сдѣлалъ Van Kan.

воспитываетъ. Своимъ воспитаніемъ вы, говоритъ Морусъ, развращаете дѣтей, и когда они потомъ совершаютъ преступленіе, подготовленное вашимъ воспитаніемъ, вы ихъ наказываете. «Что вы дѣлаете? Воровъ вы дѣлаете, чтобы ихъ наказывать [1])».

Возраженія этого писателя XVI столѣтія противъ смертной казни за воровство повторяются теперь какъ доводы вообще противъ наказанія смертью. Въ своей карательной системѣ онъ выступилъ противникомъ абсолютныхъ теорій. На оправданіе смертной казни сторонниками этого наказанія требованіями справедливости, онъ отвѣчалъ, что такое право Summum jus-summa injuria [2]).

Въ наши цѣли не входитъ останавливаться на общественномъ и государственномъ строѣ Утопіи. Для насъ важно лишь отмѣтить, что по мысли Томаса Моруса въ этой странѣ безъ богатыхъ и бѣдныхъ, гдѣ золото и серебро можно видѣть лишь на оковахъ рабовъ, при общей трудовой жизни и отсутствіи праздныхъ, не только преступленія, но и гражданскія тяжбы являются являются рѣдкими исключеніями.

Черезъ сто лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ Утопіи Моруса появляется въ 1620 году другая знаменитая утопія «Городъ Солнца» Томаса Кампанеллы, крайняго коммуниста по своему направленію [3]). По его мнѣнію корень всякаго зла—имѣть соб-

[1]) Si quidem cum pessime sinitis educari et mores paulatim ab teneris annis corrumpi, puniendos videlicet tum demum, cum ea flagitia viri dessignent, quorum spem de se perpetuam a pueritia usque praebuerant: quid aliud quaeso quam facitis fures et eidem plectitis. Thomas Morus „Utopia“, herausgeben von Michels u. Ziegler. 1895, 21 стр.

[2]) Самъ Морусъ однако оставилъ это наказаніе въ своей Утопіи за нѣкоторыя изъ преступленій, напримѣръ, за повторное прелюбодѣяніе, за незаконныя сходки. Главное мѣсто въ его карательной системѣ занимаетъ уголовное рабство: преступники получаютъ все необходимое для жизни: они работаютъ на общество и имъ содержатся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они работаютъ и на частныхъ лицъ за плату меньшую обычной заработной платы; они отработываютъ стоимость даннаго имъ платья, всего ихъ содержанія; часть ихъ заработка идетъ въ государственную казну. На рабовъ возложена между прочимъ обязанность по убою скота; трудъ мясниковъ запрещенъ гражданамъ Утопіи изъ опасенія, что пролитіе крови животныхъ убьетъ въ нихъ чувство состраданія и разовьетъ опасную грубость нравовъ. T. Morus. Deutsch von H. Kothe. 27—29, 75 s. s.

[3]) См. Вѣчная Утопія А. Кирхенгейма. Спб. 1901 г., 71—86 стр.

ственное жилище, собственную жену, собственныхъ дѣтей... Въ «Городѣ Солнца» вычеркнута любовь къ себѣ, остается только любовь къ общинѣ. Результатомъ такого общественнаго и политическаго строя является полное отсутствіе гражданскихъ тяжбъ и уменьшеніе преступности. Но такъ какъ преступленія не исчезли вполнѣ и въ этой чудесной странѣ, то остались и наказанія преимущественно исправительнаго характера poenae medicinales, ходя на ряду съ ними и смертная казнь и членовредительныя наказанія.

Мысль Моруса и Кампанеллы о значеніи права частной собственности въ развитіи преступленій повторилъ во Франціи Jean Meslier (родился въ 1664 г. или 1675 г. и умеръ въ 1733 г. [1]). Въ правѣ частной собственности онъ видитъ причину какъ несчастій такъ и всѣхъ преступленій вообще, а въ особености причину «обмановъ, мошенничествъ, плутней, грабежей, воровства, убійствъ, разбойничества» [2]). Meslier считаетъ верхомъ несправедливости то, что одни богаты, другіе бѣдны, одни пресыщены, другіе умираютъ съ голоду и вѣритъ, что въ его идеальномъ строѣ ни у кого и мысли не будетъ о воровствѣ, грабежѣ и убійствѣ, чтобы завладѣть кошелькомъ другого и водворится спокойная и счастливая жизнь, совершенно непохожая на нынѣшнюю съ ея прокурорами, адвокатами, нотаріусами, приставами и другими «les gens de l'injustice» [3]).

Съ половины XVIII вѣка вопросы уголовнаго права привлекаютъ къ себѣ особенное вниманіе многихъ выдающихся писателей. Главныя свои усилія эти писатели направляли на борьбу съ жестокими наказаніями своего вѣка, но они также останавливались и на необходимости предупрежденія преступленія путемъ воздѣйствія на причины, вызывающія преступность. Мы можемъ указать здѣсь Монтескье, Руссо, Беккарію, Бентама и др.

Montesquieu развивалъ положеніе, высказанное еще до него, а послѣ него много разъ повторенное: «лучше предупреждать преступленія, нежели ихъ наказывать». Но что бы предупреждать преступленія, необходимо знать ихъ причины. Монтескье сдѣлалъ попытку объяснить нѣкоторыя преступленія вліяніемъ

---

[1]) Jean Meslier: „Le testament“ Amsterdam 1864, I—III v. v.

[2]) Ibid. II т. 215 стр.

[3]) Ibid. II v. 208.

на человѣка особыхъ соціальныхъ условій. Такъ, напримѣръ, онъ считалъ соціальными причинами противоестественныхъ преступленій дурное воспитаніе, многоженство однихъ и неимѣніе женъ другими, причиною государственныхъ преступленій—стѣсненіе свободы и пр. [1]).

Руссо въ неравенствѣ людей, въ подчиненности однихъ другимъ, видѣлъ причину «плутовства, завистничества, измѣнничества». Нападая на современный ему общественный строй Руссо говоритъ: «Я знаю, что все это не разъ было сказано философами, но все это они только возглашали, я же это доказываю; они только указывали на зло, я же обнаружилъ его причины и раскрылъ очень утѣшительную и полезную истину, а именно, что всѣ эти пороки не присущи человѣку, какъ таковому, а человѣку извращенному дурнымъ правительствомъ». «Прежде чѣмъ были придуманы эти страшныя слова, научившія людей отличать мое отъ твоего, прежде чѣмъ существовала та порода грубыхъ и жестокихъ людей, которыхъ называютъ господами и другая порода подлыхъ трусовъ и лжецовъ, которыхъ называютъ рабами, прежде чѣмъ народились тѣ презрѣнные люди, у которыхъ хватаетъ духу жить въ изобиліи благъ земныхъ, между тѣмъ какъ другіе умираютъ съ голоду, прежде чѣмъ взаимная зависимость сдѣлала ихъ плутами, завистниками и измѣнниками, прежде чѣмъ накопилось все это зло, я желалъ бы знать, въ чемъ могли заключаться тѣ пороки, тѣ преступленія, которыя съ такимъ пафосомъ приписываютъ людямъ». Такимъ образомъ Руссо причины всѣхъ преступленій и пороковъ видѣлъ въ несовершенствѣ общественной жизни и противопологалъ ей естественное состояніе и такой союзъ или государство, гдѣ всѣ люди были бы свободны и равны и подчинены *закону*, но не *людямъ* [2]).

---

[1]) Mantesquieu: Esprit des lois 1748. Oeuvres completes de Montesquien. Paris, 1892, 1 v. 382 p. См. М. П. Чубинскаго „Очерки угол. политики" стр. 236—246. Въ этомъ трудѣ проф. Чубинскаго—много цѣннаго матеріала по интересующему насъ вопросу о факторахъ преступности.

[2]) А. С. Алексѣевъ: Политическая доктрина Ж. Ж. Руссо въ ея отношеніи къ ученію Монтескье о равновѣсіи властей и въ освѣщеніи одного изъ ея новѣйшихъ истолкователей. Вѣст. Права 1905 г. № 2, 58 стр. См. Руссо. Du Contrat social 1760. А. С. Алексѣева. Этюды о Руссо. I—II т. Москва 1887 г., особенно т. II 73—85 стр.

У Беккаріи мы также паходимъ нѣсколько замѣчаній, изъ которыхъ видно, что онъ признавалъ связь между соціальною средою и преступностью [1]). Такъ, въ главѣ «о кражѣ» онъ говоритъ о значеніи для этого преступленія «ужаснаго и, быть можетъ, ненужнаго права собственности»: «преступленія этого рода совершаются большею частью бѣдными, несчастными и отчаянными людьми, которымъ право собственности (ужасное и можетъ быть не нужное право) оставило только голое существованіе» [2]). Причину преступленія мужеложства Беккарія видѣлъ также въ соціальной средѣ: «оно (мужеложство) беретъ свою силу не столько въ пресыщеніи удовольствіями, сколько въ воспитаніи, имѣющемъ цѣлью сдѣлать человѣка ненужнымъ самому себѣ и полезнымъ только для другихъ, въ этихъ заведеніяхъ, гдѣ замыкаютъ буйствующую молодежъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности имѣть другихъ болѣе правильныхъ между людьми отношеній и гдѣ вся сила развивающейся природы гибнетъ безъ всякой пользы для человѣчества и даже ускоряетъ приближеніе старости» [3]). Въ соціальной же средѣ лежитъ и причина дѣтоубійства: позоръ незаконнаго рожденія и нищета чаще всего бываютъ причинами этого преступленія: «я вовсе не хочу уменьшать справедливый ужасъ, возбуждаемый этими преступленіями, но указывая ихъ источники, считаю себя вправѣ извлечь изъ нихъ слѣдующій общій выводъ: нельзя назвать справедливымъ (т. е. необходимымъ) наказаніе преступленій до того времени, пока законъ не установитъ для ихъ предупрежденій лучшихъ и притомъ возможныхъ въ исполненіи средствъ въ данныхъ обстоятельствахъ государства» [4]).

Мысли названныхъ выше авторовъ о необходимости предупрежденія преступленій мы встрѣчаемъ и у Бентама, разработавшаго этотъ вопросъ подробно и широко. Онъ говорилъ

---

[1]) Beccaria: Dei delitti e delle pene 1764, рус. переводъ С. Заруднаго: Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ и русское. законодательство. Спб. 1879. Подробно у М. П. Чубинскаго ук. соч. 254—269 стр.

[2]) Зарудный: стр. 119.

[3]) Тамъ же 139

[4]) Тамъ же 140.

вообще о значеніи предупредительныхъ мѣръ въ борьбѣ со всею преступностью и о различныхъ спеціальныхъ мѣрахъ для предупрежденія отдѣльныхъ преступленій, напримѣръ, дѣтоубійства, нищенства, воровства, насилованія и пр. [1]).

Современникъ Бентама Brissot de Warville написалъ спеціальный трактатъ по вопросу о соотношеніи между правомъ частной собственности и воровствомъ «Recherches philopsophiques sur le droit de propriété et sur le vol, considérés dans la nature et dans la Société (1782). Имя Brissot de Warville, какъ криминалиста, издателя очень интересной «Bibliotheque philosophique» [2]) по вопросамъ уголовнаго права мало извѣстно, а между тѣмъ его взгляды, его научное направленіе представляютъ большой интересъ. Особое вниманіе онъ удѣлялъ вопросамъ предупрежденія преступленія путемъ организаціи различныхъ мѣръ общественнаго характера. Въ указанной же выше работѣ о частной собственности и воровствѣ онъ ставитъ вопросъ еще шире. Онъ различаетъ два вида собственности: 1) собственность естественную, границы которой опредѣляются потребностями индивида и 2) собственность, установленную властью въ обществѣ, для защиты которой существуютъ уголовные законы. «Мы далеко ушли отъ природы; въ естественномъ состояніи богачъ-воръ, т.-е. тотъ воръ, у кого имущества болѣе, чѣмъ требуютъ его потребности, а въ обществѣ воръ тотъ, кто крадетъ у этого богача». Далѣе, въ главѣ, названной «слѣдуетъ ли наказывать смертью или налагать другое безчестящее наказаніе на того, кого нужда приводитъ къ воровству» авторъ высказываетъ тѣ мысли, которыя послѣ повторилъ Прудонъ: «Не голодный бѣднякъ заслуживаетъ наказанія, но богачъ, отказывающій

---

[1]) См. Чубинскій: ук. соч. стр. 340 — 345. Bentham: Traités de legislation civile et pénale, 1802. Theorie des peines et récompenses, 1811.

[2]) Bibliotheque philosophique du legislateur, du politique, du jurisconsulte. Berlin MDCCLXXXII. Въ VI кн. напечатана работа Brissot de Warville: Moyens de prévenire les crimes en France, въ IX т. переводъ выдержекъ изъ Утопіи Т. Моруса по вопросамъ о борьбѣ съ преступностью, въ VII т.—работа Petion о средствахъ предупрежденія дѣтоубійства. Изъ перечня этихъ работъ уже можно видѣть какое большое значеніе придавалъ издатель Bibl. philos. вопросамъ о предупрежденіи преступленій.

безсердечно въ удовлетвореніи потребностей своего ближняго; Ce riche est le seul voleur» [1]). Онъ называетъ жестокими судей, неперестающихъ нарушать естественные законы и наказывать несчастныхъ, которыхъ голодъ заставляетъ бросаться на пищу другихъ, а она должна принадлежать имѣющимъ въ ней нужду. Необходимо вырвать зло съ корнемъ: справедливымъ распредѣленіемъ богатствъ уничтожить нищету и тогда не будетъ больше воровства [2]).

Въ другой большой своей работѣ «Théorie des lois criminelles» этотъ же авторъ высказывается еще яснѣе и подробнѣе о соціальныхъ факторахъ преступности: человѣкъ не родится врагомъ общества, это обстоятельства дѣлаютъ его такимъ, его бѣдность и несчастія. Въ главѣ о средствахъ предупрежденія преступленія онъ предлагаетъ постройку рабочихъ домовъ, организованныхъ на началахъ гуманности, и въ нихъ видитъ одно изъ средствъ борьбы съ нищенствомъ; въ устройствѣ воспитательныхъ домовъ и родильныхъ пріютовъ, гдѣ сохранялось бы въ тайнѣ имя рожениць, онъ видитъ средство успѣшной борьбы съ дѣтоубійствомъ; въ улучшеніи политическихъ условій страны условіе уменьшенія заговоровъ и возстаній; въ воспитаніи народа онъ видитъ путь къ борьбѣ съ пороками и преступленіями [3]).

Современникъ Brissot de Warville англичанинъ Godvin, котораго Менгеръ считаетъ первымъ представителемъ научнаго соціализма, также пришелъ къ выводу, что причины бѣдности и воровства лежатъ въ самомъ строѣ государствъ: къ воровству и обману побуждаетъ преступника нищета, тираннія богатства и только

---

[1]) Brissot de Warville „Sur le droit de propriété et sur le vol" (Bibl. philos. 1782. VI v. 334 p.).

[2]) Ibid 338 p.

[3]) Théorie des lois criminelles. Neuchatel MDCCLXXXI, 1 — 2 v. v. Въ этой работѣ авторъ задался цѣлью написать планъ кодекса, годнаго для всѣхъ народовъ и полагалъ достаточнымъ для достиженія этой цѣли слѣдовать тому, что диктуетъ разумъ: „pour attendre ce but c'est la raison seule quil faut écouter" 11 p. Многіе изъ выводовъ автора, бывшіе парадоксальными для его времени, остаются такими и для нашихъ дней, но нѣкоторыя изъ его положеній вошли въ современные кодексы (напримѣръ исключеніе изъ числа преступленій скотоложества и адультера).

послѣ радикальной реформы общества, когда каждый будетъ владѣть лишь тѣмъ, что необходимо для удовлетворенія его потребностей, исчезнетъ большая часть причинъ преступленій [1]).

Почти одновременно съ работою Brissot de Warville появилась въ Швейцаріи первымъ изданіемъ, а черезъ десять лѣтъ вторымъ въ Парижѣ, работа другого знаменитаго политическаго дѣятеля—Marat'a: Plan de legislation criminelle [2]).

Авторъ начинаетъ свою работу съ критики современныхъ ему законодательствъ и находитъ, что какъ не ужасны бываютъ иногда преступленія, все же дѣйствующія карательныя системы еще болѣе жестоки и несправедливы: находясь въ полномъ противорѣчіи съ естественными законами природы онѣ заботятся не объ общемъ благѣ всѣхъ членовъ общества, а лишь о немногихъ. Въ такомъ несправедливомъ устройствѣ общества лежитъ причина преступности и чтобы побороть ее нужно прежде всего позаботиться объ устраненіи этихъ несправедливостей: всѣмъ должны быть даны средства существованія, приличное платье, защита закона, помощь въ болѣзняхъ и въ старости. Критику соціальнаго строя Маратъ влагаетъ въ уста обвиняемаго въ воровствѣ: вся эта рѣчь передъ судомъ—оправданіе преступленія вызвавшими его соціальными причинами [3]). Какъ средства борьбы

---

[1]) Anton Menger: Le droit au produit intégral du travail (traduction Paris. 1900) p. 58. Работа Godvin'a: Enquiri concerning political justice London. 1796.

[2]) Полное заглавіе: Plan de législation criminelle, ouvrage dans lequel on traite des délits et des peines, de la force des preuves et des présomptions, et de la maniere d'aquerir ces preuves et ces présomptions durant l'instriction de la procédure de manière à ne blesser ni la justice, ni la liberté, et à concilier la douceur avec la certitude des châtiments et l'humanité avec la sûreté de la société civille par M. Marat. Paris 1790.

См. также Günther: Jan Paul Marat, der „Ami du peuple" als Kriminalist (Gerichtsaall 1902, 61 B. 161—252 s.s. u. 321—388 s.s.). Изъ предисловія къ работѣ Марата видно, что она была представлена авторомъ въ 1778 г. одному Швейцарскому обществу, пожелавшему имѣть планъ уголовнаго кодекса; издана впервые въ Neuchâtel въ 1780 г. см. Thonissen Mélanges d'histoire de droit et de l'economie politique. Louvain. 1873: „Marat jurisconsulte".

[3]) Suis je coupable? je l'ignore; mais ce que je n'ignore pas c'est que je n'ai rien fait que je n'ai du faire. Le soin de sa propre conservation est le

съ преступностью Маратъ предлагалъ различныя мѣры предупредительнаго характера и соціальной роформы: устройство общественныхъ мастерскихъ, конфискацію монастырскихъ имѣній и раздѣлъ ихъ между бѣдными и пр.; для борьбы съ фальсификаціей съѣстныхъ продуктовъ онъ предлагалъ конфискацію въ пользу потерпѣвшаго части имущества продавца фальсифицированныхъ продуктовъ и помѣщеніе на его магазинѣ вывѣски: «покупатель рискуетъ быть здѣсь отравленнымъ» [1]) и пр.

Мы переходимъ теперь къ писателю и общественному дѣятелю особенно интересному для криминалиста соціолога—къ Оуену: его двадцатилѣтняя дѣятельность въ Невъ Ланаркѣ служитъ подтвержденіемъ огромнаго вліянія соціальной среды на преступность.

Интересующая насъ дѣятельность Оуена начинается съ 1 января 1800 г. когда имъ въ компаніи съ другими лицами была куплена одна изъ большихъ англійскихъ фабрикъ въ Невъ-Ланаркѣ, мѣстечкѣ въ графствѣ Ланаркъ [2]). Еще въ 1785 и 1789 годахъ здѣсь были выстроены фабрики. Вслѣдствіе недостатка въ рабочихъ рукахъ, прежній владѣлецъ фабрики прибѣгъ къ двумъ средствамъ. Во первыхъ получилъ для работъ на фабрикѣ дѣтей изъ различныхъ воспитательныхъ домовъ и благотворительныхъ учрежденій. Такія мѣры были въ то время обычнымъ явленіемъ: «дѣти, обучавшіяся ремеслу, подобно рабамъ, массами пересылались попечителями о бѣдныхъ изъ южныхъ городовъ къ сѣвернымъ фабрикантамъ, которые держали ихъ въ переполненныхъ помѣщеніяхъ, прилегающихъ къ фабрикѣ, и заставляли работать по днямъ и ночамъ, совершенно пренебрегая всякими соображеніями относительно физическаго и нравственнаго здоровья» [3]).

---

premier des devoirs de l'homme... qui vole pour vivre, tant qu'il ne peut faire autrement, ne fait qu'user de ses droits. Vous m'imputer d'avoir troublé l'ordre de la société. Hé, que m'importe cet ordre prétendu qui toujours me fut si funesté (19).

[1]) Ibid. 65 p.

[2]) Examen impartial des nouvelles vues de M. R. Owen et de ses établissements etc. par Macnab. Paris 1821.

[3]) Гобсонъ: Проблемы бѣдности и безработицы. Перев. Зака и Франка. Спб. 1900 г. 164 стр:

Дѣти не выносили ужасныхъ условій жизни и умирали въ громадномъ количествѣ. Другое средство, къ которому прибѣгъ предшественникъ Оуена, было приглашеніе семей взрослыхъ рабочихъ изъ другихъ мѣстностей страны съ предоставленіемъ имъ права жить при фабрикѣ. Явившіеся рабочіе были подонками общества; безнравственность и всѣ пороки были распространены среди нихъ; они платили дань всѣмъ видамъ преступности, и постоянные среди нихъ раздоры религіознаго характера не давали покоя администраціи.

Въ такомъ видѣ засталъ фабрику Оуенъ въ годъ ея покупки. По его собственнымъ словамъ, воровство было профессіей фабричныхъ рабочихъ, пьянство привычкой, обманы обычаемъ; всюду было недовѣріе, разобщенность, безпорядокъ, и ихъ мѣсто должны были занять довѣріе, порядокъ и гармонія.

Свою борьбу съ воровствомъ Оуенъ началъ очень оригинально: онъ отдалъ приказаніе не возбуждать ни одного обвинительнаго дѣла за кражи съ фабрики; отнынѣ ни одинъ человѣкъ ни на одинъ часъ не былъ лишаемъ свободы, но за то были приняты самыя усиленныя мѣры надзора, предупрежденія воровства, охраны фабричнаго имущества. Въ то же время онъ увеличилъ поденную плату рабочимъ и уменьшилъ съ 16 до 10 1/2 число рабочихъ часовъ въ сутки. Дѣтямъ моложе 10 лѣтъ была запрещена всякая работа на фабрикѣ и сдѣлано обязательнымъ посѣщеніе съ 4-хъ лѣтняго возраста школы, для которой Оуенъ построилъ прекрасное зданіе съ залами для танцевъ, игръ и гимнастики. Старшихъ дѣтей обучали кромѣ чтенія и письма, музыкѣ и пѣнію. Принципомъ воспитанія было отсутствіе всякаго наказанія. Была устроена библіотека и вечерніе курсы для взрослыхъ; по праздникамъ устраивали концерты и танцы. Были свои общественные магазины, гдѣ рабочіе за цѣну дешевле на 20% рыночной покупали лучшіе продукты. Пищу приготовляли въ обширной общественной кухнѣ. При фабрикѣ былъ свой докторъ, и 1/60 своего заработка рабочіе отдавали на образованіе капитала въ помощь больнымъ и старикамъ—товарищамъ.

Такова была въ самыхъ общихъ чертахъ дѣятельность Оуена. Она привела къ поразительнымъ результатамъ: мало по малу совершенно исчезло пьянство, прекратились раздоры и дружно ра-

ботали за однимъ станкомъ люди, не выносившіе другъ друга ранѣе только изъ-за различія вѣроисповѣданія. О преступленіяхъ совершенно забыли; за 16 лѣтъ не было совершено ни одного преступленія на этой фабрикѣ съ населеніемъ выше 2400 человѣкъ и за 9 лѣтъ съ 1800 по 1810 было всего 8 незаконнорожденныхъ. Въ колоніи вмѣстѣ съ матеріальнымъ благосостояніемъ водворилась спокойная, счастливая жизнь; чувство солидарности воспиталось въ людяхъ, бывшихъ ранѣе эгоистами; они уже понимали и высоко цѣнили общее благо. «Приходите и смотрите» говорилъ Оуенъ своимъ противникамъ. Они пріѣзжали со всѣхъ концовъ Англіи и изъ другихъ странъ и уходили пораженные достигнутыми результатами.

Эта практическая дѣятельность привела Оуена къ слѣдующимъ интереснымъ для насъ выводамъ. Вину и причины современной преступности надо искать не въ личности, не въ самомъ преступникѣ, но въ той системѣ, въ которой онъ былъ воспитанъ. Удалите, говорилъ Оуенъ обстоятельства, влекущія къ преступленію, и преступленіе исчезнетъ, или замѣните ихъ такими другими, чтобы они могли развить привычки порядка, правильности, умѣренности и труда. Усвойте мѣры справедливости и правосудія, и вы безъ труда пріобрѣтете полное и глубокое довѣріе низшихъ классовъ. Настойчиво и систематически проводите принципы лучшаго благосостоянія, прибѣгайте къ мѣрамъ возможно меньшей суровости для огражденія общественаго порядка противъ преступленій, и мало по малу они исчезнутъ, такъ какъ даже наиболѣе порочныя и сформировавшіяся наклонности не смогутъ долго бороться съ настойчивой благожелательностью. Такой образъ дѣйствія вездѣ, гдѣ онъ будетъ примѣненъ, будетъ наиболѣе могущественнымъ, наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ предупредить преступленіе и исправить всѣ порочныя и скверныя наклонности [1]).

На фабрикѣ Оуена были произведены интересные для насъ опыты исправленія преступниковъ. Властями сюда были присланы 5 человѣкъ, совершившихъ различные проступки; двое изъ нихъ почти тотчасъ бѣжали. а трое сдѣлались аккуратными, трудолюбивыми работниками.

---

[1]) Macnab., op. cit., 77—78 pp.

Извѣстно, что дѣятельностью Оуена заинтересовались его современники, и одинъ изъ его соотечественниковъ, присутствовшій на митингахъ Оуена, помѣщикъ сэръ Ванделеръ, рѣшилъ «попытаться пьяное и дикое населеніе Ралахайна превратить въ трезвое и честное рабочее населеніе» [1]. Его имѣніе было въ графствѣ Клэръ, гдѣ, по словамъ современныхъ источниковъ, «не существовало закона», а полиція была безсильна бороться съ убійствами, грабежами, вооруженными нападеніями и проч. Въ теченіе 1830 и 1831 гг. Ванделеръ выстроилъ зданія для аудиторіи, большой столовой, школы, лавки, домики для семейныхъ рабочихъ. Въ ноябрѣ 1831 года Ванделеръ предложилъ рабочимъ основать «Ралахайнскую земледѣльческую и промышленную кооперацію» въ цѣляхъ улучшенія экономическаго положенія членовъ, умственнаго и нравственнаго совершенствованія. Рабочіе отнынѣ работали не на помѣщика, но для общества своей маленькой коммуны. И здѣсь произошло то же, что и на фабрикахъ Оуэна; «видѣвшіе Ралахайнъ,—пишетъ г. Булгаковъ, утверждаютъ, что въ нравахъ жителей произошло большое смягченіе подъ совокупнымъ усиліемъ трезвости, лучшихъ условій жизни, болѣе независимаго положенія женщинъ» [2]. «Ралахайнъ посѣщали въ эпоху его расцвѣта различныя лица, и всѣ удивлялись образцовому порядку и трудолюбію жителей, достигаемому безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ»; и самъ Оуенъ, посѣтившій Ралахайнъ, писалъ объ этомъ посѣщеніи: «народъ показался мнѣ здѣсь болѣе счастливымъ, чѣмъ кто бы ни былъ изъ этого класса въ Ирландіи, которую я посѣщалъ въ различныя времена» [3].

Ученіе о вліяніи среды на преступность мы находимъ также у учениковъ Сенъ-Симона. Въ 1826 году послѣ смерти С.-Симона его послѣдователи приступили къ пропагандѣ его доктрины путемъ изданія газетъ (Producteur, Glob, Observateur), и чтенія лекцій [4].

---

[1] „Ралахаинскій экспериментъ", статья С. Булгакова въ „Мірѣ Бож." 1900 г., № 2, стр. 218—233.

[2] Ibid., 229 стр.

[3] Ibid., 232 стр.

[4] „Doctrine de Saint-Simon". Exposition première, année 1829. Seconde édition. Paris, 1830.

Одна изъ этихъ лекцій, двѣнадцатая, была посвящена интересующему насъ вопросу. «Въ дѣйствующихъ законодательствахъ,— говорили сенъ-симонисты [1]),—нѣтъ демаркаціонной линіи между добромъ и зломъ, оно не считается съ внѣшними обстоятельствами, которыя одни могутъ опредѣлить дѣйствительную цѣнность совершенныхъ актовъ, оно далеко отъ жизни, отъ реальности; судья—это какая-то машина, статьи закона—мертвыя строки на бумагѣ. Оно думаетъ перевоспитать человѣчество каторжными работами, но пока думаютъ достичь воспитанія соціальныхъ чувствъ одной репрессіей, пока палачъ—одинъ привилегированный учитель морали, до тѣхъ поръ общество будетъ страдать въ унизительнѣйшемъ рабствѣ. Забываютъ, что наказанные вышли изъ городовъ, гдѣ остались толпы такихъ же слабыхъ, какъ они, и что они тоже пойдутъ за ними гибнуть морально въ тюрьмахъ и, можетъ быть, скажутъ послѣднее прости землѣ съ эшафота» [2]). Причины преступленій и всѣхъ неурядицъ, — учили санъ-симонисты, — надо искать въ эксплуатаціи человѣкомъ человѣка, въ существованіи рядомъ класса ничего не дѣлающихъ и тружениковъ не имѣющихъ времени на развитіе своихъ интеллектуальныхъ и моральныхъ способностей. Но празднымъ людямъ не должно быть мѣста въ обществѣ; только съ ихъ исчезновеніемъ воскреснетъ матеріально и морально самый многочисленный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый бѣдный классъ. Эта лучшая нравственная жизнь настанетъ тогда, когда общество преобразуется въ огромную ассоціацію рабочихъ, равныхъ между собой, гдѣ не будетъ никакихъ привилегій по рожденію, гдѣ будетъ проведенъ принципъ à chacun selon sa capacité, á chaque capacité suivant ses oeuvres. Нужно правильно поставить дѣло воспитанія. Древнія націи, предназначенныя проводить жизнь въ войнѣ, имѣли прекрасно поставленное военное воспитаніе, а мы, — говорили санъ-симонисты предназначенные для жизни въ мірѣ и трудѣ, не имѣемъ его: нужно изъ каждаго изъ насъ сдѣлать «человѣка» и «работника». Тогда настанетъ славный день, и люди, воспитанные въ братствѣ и гуманности, «pouront prétendre à une nouvelle couronne de sainteté», тогда порокъ будетъ наказываться

[1]) *Sebastien Charléty*: „Histoire de saintisimontsme“ (1825—1864), 1896, 69 p.

[2]) „Doctrine de Saint-Simon“. Exposition, p. 309, 314.

уже однимъ печальнымъ видомъ причиненныхъ имъ страданій. Пока этотъ идеалъ не достигнутъ, на ряду съ уголовнымъ или «отрицательнымъ» законодательствомъ la legislation negative ou penale должно существовать и «положительное» или награждающее за добродѣтель (legislation positive ou rénouméralaire). Преступленіемъ будетъ всякое дѣйствіе съ ретроградной тенденціей, т.-е. возвращеніе къ привычкамъ прошлаго съ его характернѣйшей чертой—эксплуатаціей человѣкомъ человѣка [1]). Преступникъ для насъ,—учили сенъ-симонисты,—только «un fils du passé» — сынъ прошлаго, и мы должны направить всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать изъ него сына будущаго. Судьей въ этомъ новомъ строѣ будетъ лучшій человѣкъ, лучше другихъ знающій соціальный порядокъ и любящій его больше другихъ; онъ будетъ говорить: «Вы хорошо, а вы дурно поступили» и этого будетъ достаточно [2]).

Изъ этого изложенія ученія сенъ-симонистовъ мы видимъ, во-первыхъ, что они относили преступленіе не къ злой волѣ преступника, но смотрѣли на него, какъ на необходимое послѣдствіе всего политическаго и соціальнаго устройства государства; во-вторыхъ, подвергали безпощадной критикѣ дѣйствовавшія уголовныя законодательства и борьбу съ преступленіями только наказаніями; въ-третьихъ, придавали рѣшающее значеніе въ борьбѣ съ пороками и преступленіями реформамъ соціальнаго характера и особенно останавливались въ значеніи мѣръ воспитательнаго характера.

Въ одно время съ трудами С.-Симона появлялись во Франціи же работы Фурье. Первая его работа: «Theorie des quatre mouvements», появилась въ 1808 году [3]). Первое изъ этихъ quatre mouvements онъ называетъ mouvement social, второе — animal, третье—organique и четвертое—matériel. Mouvement social—объясненіе законовъ Божескаго управленія соціальными организмами, mouvement animal—объясненіе законовъ, по которымъ Богъ распредѣляетъ страсти, инстинкты всѣмъ существамъ мірозданія.

---

[1]) Ibid., 316 p.

[2]) Seb. Charléty, ук. соч., стр. 70.

[3]) *Ch. Fourier*: „Oeuvres complètes". 2 édit. Paris, 1841. Pellarin: Fourier, sa vie et sa theorie 4 édit. 1850.

Раскрытіе этихъ законовъ и ихъ изученіе привело Фурье къ его знаменитой теоріи фаланстеры или фаланги. Фалангой назывался тотъ военный строй, благодаря особенностямъ котораго Александръ Македонскій завоевалъ большую часть міра. Фурье назвалъ фалангой тотъ свой новый соціальный строй, которымъ онъ думалъ побѣдить все міровое зло, всѣ пороки, всѣ преступленія и дать страждущему человѣчеству счастіе въ т.-н. фаланстерахъ, т.-е. огромныхъ зданіяхъ, предназначенныхъ для общей жизни въ нихъ 2.000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Здѣсь общія столовыя, кухни, но отдѣльныя и притомъ различныя квартиры. Работники получають здѣсь $^{5}/_{12}$ продукта труда, представители капитала — $^{4}/_{12}$ и представители таланта—$^{3}/_{12}$. «Это не коммунистическій строй,— говоритъ Considerant въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, посвященныхъ изложенію доктрины Фурье [1], — гдѣ однообразно звучитъ все одна и та же нота, гдѣ нѣтъ никакого мѣста индивидуальному развитію, но музыка, гдѣ множество голосовъ согласованы въ чудную гармонію». Въ своихъ лекціяхъ Considerant подробно останавливался на доказательствахъ невозможности въ фаланстерѣ воровства, этого наиболѣе часто совершаемаго преступленія. Оно будетъ невозможно прежде всего потому, что никто не будетъ страдать отъ бѣдности,—мы не будемъ тамъ видѣть человѣка, этого царя мірозданія, какъ теперь, въ рубищѣ, голоднаго и больного. Но кража будетъ невозможна и потому, что не будетъ мѣста для сбыта краденаго: въ фаланстерѣ жизнь у всѣхъ на виду и продать никому нельзя, такъ какъ право продажи и покупки остается только за фалангами.

Фурье страстно хотѣлъ на опытѣ доказать правильность своей основной идеи, ручался за успѣхъ и, нуждаясь въ средствахъ для постройки фаланстеры, объявилъ, что лицо, желающее дать средства на опытъ, можетъ видѣть его ежедневно въ опредѣленный часъ. Десять лѣтъ, изо дня въ день, онъ ждалъ этого прихода и умеръ въ 1831 году, не дождавшись. А нѣсколько лѣтъ спустя другой энтузіастъ, Cabet, можетъ быть отчасти изъ желанія видѣть хоть немного приближенными къ живой дѣйстви-

---

[1]) *Victor Considerant*: „Exposition abregée du système phalansterien de Fourier“. 3 édit. Paris, 1845. 27—28 pp.

тельности, свои утопическія мечтанія, облекъ свои общественные и политическіе взгляды въ форму романа «Voyage en Icarie» 1845 г. Основная тенденція этого романа выражена въ словахъ, напечатанныхъ на первой заглавной страницѣ: «tous pour chacun, chacun pour tous. A chacun suivant ses besoions, de chacun suivant ses forces» [1]) etc. Авторъ рисуетъ счастливую страну Икарію, гдѣ будто бы уже проведены въ жизнь эти принципы. Жизнь икарійцевъ—полная противоположность нашей: «для насъ,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—чѣмъ болѣе мы изучаемъ исторію, тѣмъ мы глубже убѣждаемся, что неравенство есть причина бѣдности и богатства, всѣхъ пороковъ, рождающихся одинъ изъ другого, жадности и честолюбія, зависти и злобы, несогласій и всякихъ войнъ, однимъ словомъ,—всѣхъ золъ, тяготѣющихъ надъ отдѣльными лицами и народами» [2]).

Въ нашу задачу не входитъ передача подробностей новаго строя Cabet, гдѣ онъ предусматриваетъ все, начиная отъ одинаковаго у всѣхъ платья, для избѣжанія зависти и кокетства, и кончая подробностями демократическаго правленія страны. Для насъ только важно отмѣтить, что въ этомъ новомъ обществѣ должны, въ силу самаго соціальнаго строя, по убѣжденію Cabet, исчезнуть не только преступленія, но и дѣтскія ссоры: «vol—impossible! Banqueroute, fausse monnaie—impossible! Point d'intéret pour le meurtre! Point de motifs pour l'incendie, les violences, les injures même! Point de cause pour les conspirations!» Великими преступленіями, grands crimes, оставшимися въ этой странѣ, считаются нерадѣніе въ работѣ, замедленіе въ ея исполненіи и клевета. У икарійцевъ нѣтъ надобности,—говоритъ Кабэ,—въ судѣ въ томъ его видѣ, какъ онъ существуетъ у насъ; у нихъ нѣтъ «этихъ палачей-судей въ красныхъ мантіяхъ, чтобы скрыть пятна крови, которой они забрызганы». Судьями икарійцевъ является само общество. Если совершено преступленіе въ мастерской, судятъ работающіе въ ней; совершено оно въ столовой, судятъ

---

[1]) На этой же заглавной страницѣ мы читаемъ: „главное право — жить; главная обязанность—трудиться. Равенство. Свобода. Избирательное начало и проч.".

[2]) *Cabet*: „Voyage en Icarie". 1845, préface, II.

обѣдающіе въ ней. Самое позорное преступленіе —клевета, но, благодаря воспитанію, чувству братства въ гражданахъ, она — рѣдкое явленіе въ жизни икарійцевъ, и за послѣднія 20 лѣтъ не было ея случаевъ. Наказанія въ Икаріи «ужасны»: опубликованіе отчета о разборѣ дѣла въ общегосударственной или мѣстныхъ правительственныхъ газетахъ съ указаніемъ или безъ указанія полностью фамиліи преступника, исключеніе изъ общественныхъ мѣстъ, лишеніе нѣкоторыхъ правъ въ мастерской, но нѣтъ тюремъ [1]).

Уже эта краткая передача взглядовъ Кабэ по вопросу о происхожденіи преступленій и борьбѣ съ ними убѣждаетъ насъ, что авторъ видѣлъ корни, причины преступности въ той же самой соціальной средѣ, въ которой ихъ ищетъ соціологическая школа.

Въ соціальной же средѣ видѣлъ причины преступности и Прудонъ, требовавшій ломки всего строя для водворенія въ мірѣ справедливости. Въ интересующемъ насъ отношеніи онъ не ска-

---

[1]) Кабэ приводитъ образчикъ приговора икарійскаго суда. Этотъ приговоръ выясняетъ взгляды автора на недостатки современнаго ему судопроизводства и не лишенъ интереса. Мы приводимъ его. „Докладчикъ цензурнаго комитета (Comité de censure) докладываетъ, что Т., уже разъ осужденный собраніемъ за проступокъ, въ которомъ онъ сознался и о которомъ донесъ Д., обвинилъ послѣдняго въ его отсутствіе въ томъ, что онъ донесъ на него по злости. Такое обвиненіе было бы позорно для Д., если было бы справедливо. Но собраніе можетъ припомнить поведеніе Д., никто не обвинялъ его тогда въ донесеніи по злости, и потому обвиненіе Т. кажется ложнымъ и клеветническимъ“. Докладчикъ вызываетъ затѣмъ обвинителя и свидѣтелей, и они подтверждаютъ обвиненіе. Обвиняемый признается въ клеветѣ и высказываетъ свое сожалѣніе. Многіе присутствующіе принимаютъ участіе въ защитѣ обвиняемаго, не оправдывая его, однако, вполнѣ. По окончаніи преній председатель ставитъ вопросъ о виновности Т. въ клеветѣ, и собраніе отвѣчаетъ единогласно „да“ и большинство голосовъ признаетъ наличность смягчающихъ вину обстоятельствъ. Докладчикъ и два члена комитета опредѣляютъ въ видѣ наказанія публикацію отчета о засѣданіи суда въ газетѣ безъ упоминанія фамилій. Это предложеніе и принято собраніемъ“ (стр. 132—133).

Кабэ удалось привести свои утопическія мечтанія въ дѣйствительность и основать колонію въ Техасѣ, а потомъ въ Иллинойсѣ, но онѣ вполнѣ разрушились еще при его жизни и „отъ всего этого обширнаго идейнаго замысла осталось въ настоящее время не болѣе какой-нибудь дюжины домиковъ—небольшая деревенька Икарія въ штатѣ Іова“ (Кирхенгеймъ ук. соч. 262 стр.).

залъ новаго, а потому мы и не останавливаемся на немъ подробно [1]).

Всѣ разсмотрѣнныя выше работы были плодомъ философской мысли или даже фантазіи авторовъ, недовольныхъ строемъ ихъ политической и общественной жизни страны и противополагавшихъ этому строю свои идеалы, часто съ современною имъ жизнью ничѣмъ не связанные. Но дѣятельность Оуена и его послѣдователя Ванделера представляла въ этомъ отношеніи нѣкоторыя особенности: свою систему Оуенъ построилъ на основаніи произведенныхъ имъ опытовъ, особенно интересныхъ для криминалиста въ той ихъ части, которой они касаются борьбы съ преступленіемъ путемъ улучшенія условій жизни населенія. Дальнѣйшее развитіе этой идеи и научное обоснованіе ей дали представители моральной статистики.

Статистическое изученіе преступленія и научное раскрытіе зависимости между преступностью и соціальнымъ устройствомъ государствъ стало возможнымъ лишь съ самаго конца двадцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія, когда начали собирать въ извѣстной системѣ статистическія свѣдѣнія о движеніи преступности сначала во Франціи, потомъ въ Бельгіи и въ др. государствахъ. И первые статистики, удѣлившіе свое вниманіе вопросамъ статистическаго изученія преступленія, принадлежали по своей національности къ этимъ двумъ государствамъ. Это были бельгійцы Ducpetiaux и Quetelet и французъ Guerry.

Имя перваго изъ нихъ далеко не пользуется тою извѣстностью, какую получили два послѣднихъ, но работы его представляютъ выдающійся интересъ для криминалиста. Онъ занималъ должность главнаго начальника бельгійскихъ тюремъ и во всѣхъ своихъ многочисленныхъ работахъ по вопросамъ уголовнаго права проявилъ себя сторонникомъ гуманныхъ мѣръ въ борьбѣ съ преступностью, убѣжденнымъ противникомъ смертной казни и проводникомъ того направленія въ наукѣ уголовнаго права, развиться которому суждено было много позднѣе, между прочимъ въ тру-

---

[1]) Proudhon: De la justice dans la Revolution et dans l'Eglise. О Прудонѣ см. Чубинскій: Очерки угол. полит. 451 — 452 стр., van Kan.: les causes écon. 213—215.

дахъ другого бельгійскаго начальника тюремъ Prins'а, ставшаго однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей новой школы.

Первая работа Ducpetiaux появилась ранѣе работы Кетле и Герри; она выясняла вліяніе бѣдности и невѣжества на преступность и вышла въ 1827 г. подъ заглавіемъ: De la justice de prévoyance et particulièrement de l'influence de la misère et de l'aisance, de l'ignorance et de l'instruction sur le nombre des crimes» [1]). Основная мысль автора о громадномъ вліяніи на преступность бѣдности и невѣжества подтверждается здѣсь цифрами; онъ отмѣчаетъ паралельный ростъ преступности и бродяжничества въ Англіи, ставитъ оба эти явленія въ связь съ экономическими условіями и приходитъ къ убѣжденію, что степень нравственности народа и его безопасности зависятъ отъ степени распространенія въ народѣ образованія [2]). Въ другой своей работѣ «Des moyens de soulager et de prévenir l'indigence et d'éteindre la mendicité (1832) авторъ совершенно послѣдовательно со своимъ ученіемъ о соціальномъ происхожденіи преступленія, обращаетъ вниманіе на необходимость считаться съ обстоятельствами, дѣлающими изъ человѣка преступника: удивительно хороши законы, иронизируетъ онъ, неразличающіе порока отъ несчастія и безжалостно поражающіе невиннаго изъ боязни, чтобы не оставить безъ наказанія виновнаго. Противодѣйствуйте лѣнности, боритесь съ обманщиками, но считайтесь съ обстоятельствами, въ которыхъ можетъ находиться честный человѣкъ, принужденный нищенствовать; хорошенько поразмыслите, прежде чѣмъ превратить несчастіе въ преступленіе и къ тягостямъ судьбы прибавить еще тягости осужденія» [3]).

[1]) Работы Ducpetiaux: 1) De la peine de mort. Brux. 1827; 2) De la justice de repression et particulièrement de l'inutilité et des effets pernicieux de la peine de mort 1827; 3) De moyens de soulager et de prévenir l'indigence et d'éteindre la mendicité 1832; 4) Rapport sur l'état des prisons en Belgique 1833; 5) Statistique de la peine de mort en Belgique, en France, en Angleterre 1833; 6) Compte de l'administration de la justice crim. en Belg. 1831—34—36; 6) Des progrès et de l'état actuel de la reforme penitantiaire et des institutions préventives aux Etats Unis, en France, en Suisse, en Angleterre et en Belgique 1837; 7) Le paupérisme dans les deux Flandres 1850 и др.

[2]) Указ. соч. стр. 38.

[3]) Ducpetiaux: les moyens de soulager et de prévenir l'indigence p. 29—30

Въ одной изъ своихъ болѣе позднихъ работъ «Le paupérisme dans les deux Flandres» Ducpetiaux описываетъ нищету этихъ двухъ провинцій и связываетъ ихъ преступность съ ихъ пауперизмомъ, какъ производящей причиною. Оказывается, что въ то время какъ въ другихъ провинціяхъ приходился одинъ заключенный въ центральныхъ тюрьмахъ на 227 жителей, въ двухъ Фландріяхъ онъ приходился всего на 139 жителей. Наибольшее число осужденныхъ въ обѣихъ Фландріяхъ выпало на годы 1846—1847 г.г., когда страну постигли неурожаи. Выясненіе зависимости между неурожаями страны и ея преступностью было сдѣлано Ducpetiaux подробно и обстоятельно.

Еще болѣе полное, чѣмъ у Ducpetiaux обоснованіе ученія о соціальномъ происхожденіи преступленія, мы находимъ въ многочисленныхъ трудахъ знаменитаго отца моральной статистики Кетле. Изъ его работъ главный интересъ представляетъ его «опытъ соціальной физики», гдѣ онъ обработалъ, между прочимъ, результаты своихъ предшествующихъ трудовъ по статистикѣ преступности. Взявъ эпиграфомъ слова Лапласа о необходимости примѣненія къ наукамъ политическимъ и нравственнымъ метода опыта и наблюденія, принесшаго столько пользы при изученіи естественныхъ наукъ, Кетле посвятилъ свое изслѣдованіе доказательству подчиненности человѣческихъ дѣйствій опредѣленнымъ законамъ.

Среди этихъ дѣйствій онъ съ первыхъ же страницъ своего труда удѣляетъ особенное вниманіе тѣмъ дѣяніямъ, которыя квалифицируются законодательствомъ преступными. Въ нихъ онъ видитъ удивительное постоянство: не только число ихъ изъ года въ годъ одно и тоже, но и орудія, которыми они совершаются, употребляются въ однихъ и тѣхъ же пропорціяхъ. «Общество, говоритъ онъ, заключаетъ въ себѣ зародыши всѣхъ

---

[1]) Quetlet: Recherches statistiques sur le royaume des Pays-Bas. Bruxelles 1829.—Recherches sur le peuchant au crime (Memoires de l'Academie de Bruxelles t VII—1831 и отдѣльное изданіе 1833 г.)—Sur la possibilité de misurer l'influence des causes qui modificent les élements sociaux, Brux. 1832.—Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou essai de physique sociale. Brux. 1835 1-u édition Paris chez Bachelier (1-я часть переведена на русскій языкъ: Человѣкъ и развитіе его способностей или опытъ общественной физики. Изд. О. И. Бакста СПБ. 1865 г.).

имѣющихъ совершиться преступленій, потому что въ немъ заключаются условія, способствующія ихъ развитію; оно, такъ сказать, подготовляетъ преступленія, а преступникъ есть только орудіе. Всякое соціальное состояніе предполагаетъ, слѣдовательно, извѣстное число и извѣстный порядокъ проступковъ, которые являются, какъ необходимое слѣдствіе его организаціи. Это наблюденіе, которое на первый взглядъ можетъ показаться безотраднымъ, напротивъ очень утѣшительно, если ближе всмотрѣться въ него. Оно указываетъ на возможность улучшенія людей посредствомъ измѣненія учрежденій, привычекъ, состоянія образованности и, вообще, всего что имѣетъ вліяніе на ихъ бытъ». Борьба съ преступленіемъ посредствомъ соотвѣтствующаго измѣненія соціальныхъ условій должна, согласно ученія Кетле, занять важное мѣсто. Не смотря на казни, тюрьмы и каторгу преступленія не уменьшаются, бюджетъ эшафотовъ оплачивается съ удивительною точностью «съ большею правильностью, чѣмъ дань природѣ или государственной казнѣ»; на уменьшеніе этого бюджета и должны быть направлены всѣ силы, а пока существуютъ однѣ и тѣже причины, всегда нужно ждать однихъ и тѣхъ же послѣдствій [1]).

Въ III части второго тома Кетле обращается къ выясненію законовъ развитія преступности или, какъ онъ говоритъ, къ выясненію penchant au crime [2]) и приходитъ къ выводу, что такое влеченіе къ преступности находится въ зависимости отъ возраста, пола человѣка, его профессіи, степени образованія, временъ года и пр. При выясненіи степени важности каждой изъ этихъ причинъ автору пришлось, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтиться съ большими трудностями: причины, вызывающія преступленія, говоритъ онъ, такъ многочисленны и разнообразны, что становится почти невозможно опредѣлить степень важности каждой; случается, часто, что причины, казавшіяся очень вліятельными, сглаживаются передъ другими, о которыхъ вначалѣ не думали [3]).

---

[1]) Кетле: Человѣкъ и развитіе его способностей Спб. 1865 г. 7—8 стр.

[2]) Je nomme „penchant au crime“ la probabilité plus ou moins grande de commetre un crime (Quetelet: Phisique sociale 1869).

[3]) Ibid 278 p. II v.

Среди причинъ, которымъ по мнѣнію Кетле, приписываютъ ошибочно большее значеніе, находится между прочимъ степень образованности или вѣрнѣе грамотности: умѣніе читать и писать, безъ соотвѣтствующаго моральнаго развитія не только не удерживаетъ, но даже способствуетъ совершенію преступленія. Указывая въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительныя причины преступности съ замѣчательною правильностью особенно удивительною, если принять во вниманіе, что моральная статистика дѣлала въ то время еще только свои первые шаги, Кетле упускалъ иногда изъ вниманія другія причины этой преступности. Такъ, вѣрно оцѣнивъ значеніе мужского и женскаго пола, какъ факторовъ преступности, сумѣвъ дать объясненіе женской преступности большею физическою слабостью женщины, ея отрѣшенностью отъ общественной жизни и замкнутостью въ кругу семейственныхъ обязанностей, Кетле совершенно упустилъ изъ вниманія значеніе соціальныхъ и экономическихъ условій при выясненіи вліянія на преступность временъ года: для него какъ будто совсѣмъ не возникало вопроса почему констатируемое имъ повышеніе числа преступленій противъ собственности выпадаетъ на зимнее время: сказывается ли здѣсь только вліяніе холода или также и бѣдности, немогущей укрыться отъ холода?

Вопросъ о вліяніи на преступность богатства и бѣдности также привлекъ вниманіе Кетле, но недостатокъ необходимаго цифрового матеріала не позволилъ ему разрѣшить этотъ важный и интересный вопросъ съ должною полнотою. Тѣмъ не менѣе онъ нашелъ, что неравенство богатствъ тамъ, гдѣ оно чувствуется сильнѣе, приводитъ къ бо́льшему числу преступленій, но не бѣдность сама по себѣ, а быстрый переходъ отъ достатка къ бѣдности, къ невозможности удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей ведетъ къ преступленію. Не вдаваясь теперь въ подробную оцѣнку правильностей этого основного положенія Кетле, мы не можемъ не замѣтить, что его методъ доказательствъ этого положенія едва ли можетъ быть признанъ правильнымъ: сравненіе преступности богатыхъ департаментовъ Франціи съ преступностью бѣдныхъ покоится на совершенно ошибочномъ разнесеніи департаментовъ Франціи на двѣ группы богатыхъ и бѣдныхъ, независимо отъ дѣйствительнаго числа въ нихъ богатыхъ и бѣдныхъ.

Свои окончательные выводы о факторахъ развитія преступно-ступности Кетле формулировалъ въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Факты моральнаго характера существенно отличаются отъ физическихъ фактовъ привходящею въ нихъ особою причиною, кажущеюся при первомъ взглядѣ ускользающею отъ всякаго нашего предвидѣнія: это свободная воля человѣка. Но опытъ показываетъ намъ, что эта свободная воля оказываетъ свое вліяніе въ ограниченной области и весьма чувствительная для индивида она не имѣетъ опредѣляющаго вліянія на общество, гдѣ всѣ особенности взаимно нейтрализируются. Когда разсматриваются человѣческія дѣйствія, то факты моральные и физическіе должны быть подвергнуты одинаковымъ принципамъ наблюденія. И такъ какъ причины, вліяющія на нашу общественную систему подвергаются лишь медленному измѣненію, можно сказать вѣковому, то отсюда удивительное постоянство господствующее въ общественныхъ фактахъ таковыхъ какъ браки, преступленія, самоубійства и пр.

Въ томъ же направленіи, какъ Кетле, работалъ Guerry, напечатавшій нѣсколько статистическихъ работъ. Главнѣйшіе труды его по моральной статистикѣ Франціи и Англіи вышли первый въ 1833 г. и второй 1864 году [1]). Обѣ эти работы состоятъ главнымъ образомъ изъ прекрасно исполненныхъ картограммъ и чертежей и сравнительно краткаго текста къ нимъ.

Въ основаніе вычисленій Essai sur la statist. morale de la France легли цифры о числѣ обвиняемыхъ во Франціи за первые шесть лѣтъ французской уголовной статистики (за 1825 — 1830 г.г.) Герри полагаетъ, что цифры о числѣ обвиняемыхъ представляются болѣе цѣннымъ и точнымъ матеріаломъ, нежели свѣдѣнія о количествѣ осужденныхъ, такъ какъ, по его мнѣнію, условія попасть на скамью подсудимыхъ во всей Франціи одни и тѣже, а на осужденіе и оправданіе судомъ присяжныхъ будто бы часто вліяютъ обстоятельства ничего общаго съ виновностью не имѣющія. Но такой взглядъ не можетъ быть признанъ правильнымъ: постоянство процента оправданій и осужденій на каждую сотню обвиняемыхъ въ судѣ присяжныхъ доказываетъ, что и въ данныхъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи о случайныхъ вліяніяхъ на рѣшенія присяжныхъ; такія вліянія возможныя въ отдѣльныхъ

случаяхъ пропадаютъ въ общей массѣ вердиктовъ. Но кромѣ того несомнѣнно, что обвиняемый въ преступленіи еще не есть доказанный преступникъ: его дѣяніе, пока оно не установлено точно судомъ, не можетъ представлять рѣшающаго значенія для выясненія или характеристики преступности страны и, если за этими цифрами возможно признать какое нибудь значеніе, то лишь вспомогательное: они дополняютъ картину преступности какую даютъ числа осужденныхъ. Оперируя съ числами обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, Герри раздѣляетъ ихъ на двѣ группы: преступленія противъ личности и противъ собственности и выясняетъ вліяніе пола, возраста, временъ года, распредѣленіе преступленій по департаментамъ и пр. Дѣленіе преступленій на эти двѣ группы должно быть поставлено Герри въ заслугу тѣмъ большую, что оно нерѣдко забывается и въ наши дни, несмотря на все выяснившееся различіе преступленій этихъ двухъ категорій. Но многіе и другіе изъ выводовъ автора стали теперь общепризнанными истинами: таково утвержденіе его объ особенной склонности старческаго возраста къ любострастнымъ дѣйствіямъ надъ дѣтьми, о большей преступности противъ половой нравственности лѣтомъ, о значительной преступности большихъ городовъ и пр. Что касается, въ частности, вліянія на преступность богатства и бѣдности, то Герри, указывая на значительную преступность богатыхъ департаментовъ и, наоборотъ, небольшую бѣдныхъ, основательно отмѣтилъ невозможность сдѣлать въ данномъ случаѣ твердые выводы по недостатку необходимаго матеріала, по неизвѣстности дѣйствительнаго числа богатыхъ и бѣдныхъ по департаментамъ Франціи. Съ большею рѣшительностью Герри, какъ и Кетле, отвергнулъ уменьшеніе преступности съ распространеніемъ грамотности.

Герри предполагалъ слѣлать свою работу въ болѣе широкомъ объемѣ, чѣмъ онъ сдѣлалъ, но недостатокъ матерьяла не позволилъ ему выяснить такіе важные намѣченные имъ вопросы, какъ вліяніе на преступность развитія торговли, промышленности, путей сообщенія и пр.

Вторая работа Герри: «Statist. morale de l'Angleterre comparée avec la stat. mor. de la France» по плану своего содержанія напоминаетъ первую такъ же какъ и по своимъ выводамъ и потому мы не будемъ на ней останавливаться.

Современникъ первыхъ представителей моральной статистики знаменитый итальянскій криминалистъ Romagnosi въ своемъ капитальномъ трудѣ «Genesi del diritto penale» неоднократно обращается къ выясненію причинъ преступности. Мы находимъ у него, какъ было указано выше, уже и классификацію этихъ причинъ, сводящихся: 1) къ недостатку средствъ существованія, 2) къ недостаточности воспитанія, 3) къ недостаточности заботливости и 4) къ недостаткамъ юстиціи [2]). Для Romagnosi наказаніе — крайнее средство борьбы съ преступленіемъ; къ нему можно обращаться лишь тогда, когда исчерпаны средства предупрежденія преступленія. Говоря о вліяніи на преступность недостатка средствъ существованія difetto di susitenza авторъ правильно различаетъ кромѣ прямого вліянія бѣдности еще и непрямое и отмѣчаетъ особенное значеніе мѣръ предупрежденія для преступленій, вызываемыхъ причинами экономическаго свойства, но «заботиться о поддержаніи существованія, говоритъ онъ, не означаетъ только распредѣленіе правительствомъ ежедневно гражданамъ хлѣба, но всяческое облегченіе развитія личной дѣятельности». Romagnosi не упускалъ также случаевъ пользоваться опытными доказательствами и въ частности цитируя Бентама, указывалъ, что съ отмѣною въ Великомъ Герцогствѣ Тосканскомъ привилегій, съ поднятіемъ народной морали, обезпеченіемъ бѣдняковъ и улучшеніемъ воспитанія, которое должно дѣлать людей трудолюбивыми и сердечными, преступленія уменьшились въ значительной прогрессіи.

Т. о. Romagnosi вмѣстѣ съ Brissot de Warville и Ducpetiaux были первыми криминалистами подробно остановившимися въ своихъ работахъ по уголовному праву на выясненіи роли соціальныхъ факторовъ преступности и эта ихъ заслуга не должна быть забыта.

Начиная съ 40-ыхъ годовъ вопросъ о причинахъ преступности привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе статистиковъ,

---

[1]) Guerry: Essai sur la statistique morale de la France 1833. A. M. Guerry: Statistique morale de l'Angleterre comparée avec la statistique morale de la France d'après les comptes de l'administratioin de la justice criminelle en Angleterre et en France etc. Paris. 1864.

[2]) Romagnosi: Genesi del diritto penale. Firenze. Quinta edizione 1834 § 1021

появляются на эту тему статьи и отдѣльныя монографіи Fayet Guillard, Corne, Wappäus, Vallentini, Oettingen, Mayer, Fuld, Starke, Wagner и др.[1]). Мы не будемъ останавливаться на этихъ авторахъ. Общая имъ всѣмъ — та черта, что они пошли по пути, указанному Кетле, Дюкпетьо, Герри; воспользовавшись статистическимъ методомъ изученія преступленія они пришли и не могли не прійти къ одному общему имъ всѣмъ выводу о законосообразности всѣхъ человѣческихъ дѣйствій и въ томъ числѣ преступленій и при этомъ очень часто правильно отмѣтили внѣшнія причины различныхъ преступленій. Но несмотря на свое сравнительное обиліе эти работы остались въ большинствѣ случаевъ совершенно незамѣченными современными криминалистами и только съ начала восьмидесятыхъ годовъ онѣ получають должную оцѣнку. Напомнилъ о нихъ криминалистамъ авторъ труда о «преступномъ человѣкѣ» Цезаръ Ломброзо.

Существуетъ мнѣніе, что Ломброзо и его послѣдователи совершенно игнорируютъ общественные и всѣ другіе, кромѣ антропологическихъ, факторы преступности. Этому обвиненію особенно посчастливилось: оно распространилось, укрѣпилось и въ наши дни стало почти общимъ. Самъ Ломброзо считаетъ такое обвиненіе своей школы совершенно невѣрнымъ: «среди обвиненій,,

---

[1]) Fayet: sur le progrès de la criminalité en France. Jour. des économistes 1846 janvier.

Guillard Eléments de statistique humaine Paris 1855.

Corne: Essai sur la criminalité, sur ses causes, sur les moyens d'yremédier (Jour des Econ. 1868).

Wappäus: Allgemeine Bevolkerungsstatistik, Leipsig 1859—1861.

Valentini: Das Verbrechertum im Preusischen Staate. Leipsig 1869.

Oettingen: Die Moralstatistik u. Die christliche Sittenlehre, Erlangen 1874.

Mayr: Die Gesetzmässigkeit in Gesellschaftsleben München 1877.

Fuld: Einfluss der Lebensmittelpreise auf die Bewegung der strafbaren Handlungen. 1881.

Starke: Verbrechen und Verbrecher in Preussen 1856—1878. Ber. 1884.

Wagner: Die gesetsmässigkcit in den scheinbar willkührlichen menschlichen Handlungen 1864.

Неклюдовъ: Уголовно-статист. этюды Спб. 1865.

Van Kan, O. C., VIII chap., 373—443 pp. подробно останавливается на трудахъ статистиковъ.

болѣе или менѣе ложныхъ, распространенныхъ противъ новой уголовно-антропологической школы, говоритъ онъ, въ своемъ предисловіи къ труду Fornasari di Verce, одно много старѣе другихъ и до сихъ поръ все еще держится: это обвиненіе насъ въ отрицаніи экономическихъ вліяній, вліянія среды». Ломброзо признаетъ, что его школа не занималась выясненіемъ соціальныхъ условій преступности въ той степени, въ какой занялась индивидуальными факторами, но свое оправданіе онъ видитъ въ стремленіи школы внести въ науку если не новые выводы, то по крайней мѣрѣ менѣе признанные; новая антропологическая школа не считала нужнымъ распространяться о фактахъ всѣмъ извѣстныхъ (notissimi), какими были факты экономическаго вліянія [1]).

Въ этомъ же смыслѣ оправдывался Ломброзо и ранѣе на второмъ конгрессѣ уголовной антропологіи въ Парижѣ въ 1889 году [2]).

Дѣйствительно, упреки школѣ Ломброзо въ игнорированіи соціальныхъ факторовъ преступности не могутъ быть признаны правильными. Правда, что антропологическая школа въ громадномъ большинствѣ случаевъ не признаетъ за этими факторами рѣшающаго значенія, но съ первыхъ же шаговъ своего появленія она обратила свое вниманіе и на нихъ, а по мѣрѣ своего дальнѣйшаго развитія обнаружила несомнѣнную склонность придавать имъ все большее и большее значеніе: такова была эволюція взглядовъ самаго Ломброзо и виднѣйшихъ его послѣдователей.

Уже въ первомъ изданіи своего труда «l'Uomo delinquente» Ломброзо не обошелъ молчаніемъ соціальныхъ факторовъ, а во второмъ изданіи онъ помѣстилъ спеціальную главу «Terapia del delitto», гдѣ говорилъ о различныхъ предупредительныхъ средствахъ противъ преступленій. Въ главѣ XIV этого же изданія онъ отмѣтилъ вліяніе на преступность

---

[1]) Fornasari di Verce: La criminalita e le vicende economiche d'Italia. Torino 1894 p. V.

[2]) „On n'écrit pas des ouvrages pour demontrer que le soleil nous éclaire“ говорилъ тогда Ломброзо, указывая на несомнѣнное вліяніе общественной среды (318 p. Actes du 2-me congrés Int. d'anthr. crim. Paris, 1890).

цивилизаціи, создающей свою преступность; здѣсь же онъ пытался выяснить роль періодической прессы съ ея пространными отдѣлами скандальной хроники; онъ призналъ также, что съ уменьшеніемъ цѣнъ на съѣстные припасы уменьшается преступность противъ собственности, но нашелъ что такое уменьшеніе сопровождается увеличеніемъ преступленій противъ личности [1]).

Въ небольшой книгѣ выпущенной черезъ годъ послѣ второго изданія l'Uomo delinquente т.-е. въ 1879 г.: «Incremento del delitto in Italia» Ломброзо подробно разсмотрѣлъ многіе изъ соціальныхъ факторовъ преступности, въ томъ числѣ бѣдность и, особенно, состояніе юстиціи.

Наконецъ, въ 1897 г. Ломброзо опубликовалъ третій томъ своего пятаго изданія l'Uomo delinquente и значительную часть этого тома посвятилъ ученію о соціальныхъ факторахъ преступности. Такъ, имъ были разсмотрѣны вліяніе на преступность цивилизаціи, голодовокъ, цѣнъ хлѣба, образованія, воспитанія, экономическаго положенія, стачекъ рабочихъ, эмиграціи, иммиграціи и пр.

Въ главѣ XVIII этого изданія авторъ выясняетъ причины политическихъ преступленій и останавливается здѣсь на развитіи революціоннаго духа въ промышленныхъ густонаселенныхъ центрахъ сравнительно съ земледѣльческими, являющимися, по его изысканіямъ, болѣе консервативными, на значеніи системы правленія, на различіи классовъ въ государствѣ, на экономическихъ причинахъ и пр. Во второй части 3-го тома Ломброзо предлагаетъ различныя средства предупредительнаго характера въ борьбѣ съ преступностью: 1) для устраненія тягостей нужды рекомендуетъ экспропріацію латифундій, дающихъ благосостояніе единичнымъ личностямъ на счетъ бѣдноты массы; 2) улучшеніе путей сообщенія; 3) отмѣну многихъ налоговъ и пониженіе другихъ; 4) ограниченіе рабочаго времени, запрещеніе ночной работы женщинамъ и др. мѣры [2]).

[1]) C. Lombroso: L'uomo delinquente in rapporto all' antropologia, gurisprudenza e alle discipline carcerarie. Roma 1878—252, 257, 260 pp.

[2]) C. Lombroso: L' Uomo delinquente in rapporto all' antropologia, alla gurisprudenza ed alla psichiatria. Quinta edizione, Volume térzo, Torino, 1897. Есть нѣмецкое изданіе: Hans Kurella und Jenitsch: die Ursachen u. Bekämpfung des Verbrechens. Berl. 1902. Часть 3-го тома переведена на русскій языкъ: „Преступленіе“ перев. Гордона СПБ. 1900.

Подробнѣе, чѣмъ самъ Ломброзо остановились на выясненіи значенія соціальныхъ факторовъ его послѣдователи. Такъ Enrico Ferri уже въ 1880 г. напечаталъ свою работу о движеніи преступности во Франціи и установилъ зависимость между числомъ преступленій и экономическими условіями страны [1]). Раздѣливъ причины, производящія преступность, на три группы (факторы антропологическіе, физическіе и соціальные), Ферри объяснилъ значительное увеличеніе преступности во Франціи вліяніемъ измѣнившихся соціальныхъ условій, такъ какъ за изслѣдуемый имъ короткій промежутокъ времени въ 50 лѣтъ представляется «немыслимымъ измѣненіе въ антропологическихъ и физическихъ факторахъ т.-е. измѣненія въ природѣ и въ самомъ человѣкѣ» [2]). Объясняя ростъ преступности Франціи большимъ потребленіемъ алкоголя и другими причинами соціальнаго характера, Ферри съ полнымъ правомъ могъ указывать наэту свою работу тѣмъ противникамъ школы Ломброзо, которые обвиняли ее въ игнорированіи соціальныхъ условій [3]).

Въ другой своей работѣ: «La sociologia criminale» Ферри разработалъ теорію такъ называемыхъ уголовныхъ замѣстителей «sustitutivi penali» [4]). Такъ назвалъ онъ мѣры соціальнаго предупрежденія преступленія, которыя, по его убѣжденію, являются болѣе дѣйствительными средствами борьбы съ преступленіемъ, чѣмъ наказанія. Законодатель, изучая происхожденіе, условія и слѣдствія индивидуальной и коллективной дѣятельности, приходитъ къ познанію психологическихъ и соціальныхъ законовъ и при ихъ по-

---

[1]) Archivio di Psich. i Scienze Penali 1880 „Dei sustitutivi penali". Annali di statistica Roma 1881 Serie 2, vol. 21, также въ Biblioteca Anti-giuridica serie 1 vol. XXXI, Ferri: Studi sulla criminalita ed altri saggi. Torino. 1901, 17—60 p.p: Studi sulla criminalita in Francia dal 1826 al 1878.

[2]) Studi sulla criminalita p. 35.

[3]) „Cio serve di risposta... á quelli che in Italia ed in Francia rimproverarano alla scuola criminale positiva di preocuperarsi esculisivamente dei fattori antropologici del delitto, transcurandole le cause sociali" (ibid. 19 p. nota).

[4]) Первое изданіе 1881 г.—Bologna (150 стр.) и второе 1884 г. подъ заглавіемъ „Nuovi orizzonti di diritto e della procedura penale", третье на франц. яз. 1893 г. — La sociologie criminelle. Въ 1900 г. — четвертое итальянское изданіе: Sociologia criminale. Torino (1000 стр.).

Объ уголовно-антропологической теоріи Ферри см. Вульфертъ: Антропологопозитивная школа уголовнаго права въ Италіи. I вып. 1887, 152—370 стр.

мощи можетъ вліять на факторы преступности, особенно на соціальные. Въ видѣ примѣра Ферри разсматриваетъ нѣкоторые изъ этихъ замѣстителей, разбивая ихъ на семь группъ: замѣстители экономическаго свойства, политическаго, научнаго, законодательнаго и административнаго, религіознаго, воспитательнаго и замѣстители въ области семейнаго права. Къ числу экономическихъ замѣстителей авторомъ отнесены свободный обмѣнъ, который понижаетъ цѣны съѣстныхъ припасовъ, а съ ними и преступность, особенно противъ собственности; свобода эмиграціи (освободитъ страну отъ людей неуравновѣшанныхъ, толкаемыхъ на преступленія нищетою); уменьшеніе ввозной пошлины (приведетъ къ уменьшенію контробанды); болѣе правильная система налоговъ (уменьшитъ число обмановъ, мятежей и пр.); организація публичныхъ работъ въ голодныя и суровыя зимы (уменьшитъ число преступленій противъ личности, имущества и общественнаго порядка). Огромное значеніе придаетъ авторъ и мѣрамъ ограниченія производства и продажи алкоголя. Замѣна бумажныхъ денегъ металлическою монетою затруднитъ поддѣлку и сбытъ фальшивыхъ денегъ. Далѣе Ферри рекомендуетъ развитіе учрежденій народнаго кредита, увеличеніе жалованья чиновникамъ, какъ мѣру борьбы съ подкупами, уменьшеніе часовъ работы для тѣхъ профессій, отъ исправнаго отправленія которыхъ зависитъ безопасность гражданъ (напримѣръ, желѣзно-дорожная служба), улучшеніе путей сообщенія, освѣщеніе улицъ, наблюденіе за постройкою домовъ, дешевыя жилища для рабочихъ, развитіе обществъ самопомощи, страхованіе отъ несчастій, болѣзней, старости, развитіе благотворительныхъ учрежденій, гражданская отвѣтственность предпринимателей и пр. [1]). Политическіе уголовные замѣстители служатъ, по ученію Ферри, лучшими средствами для борьбы съ политическими преступленіями—заговорами, возстаніями, политическими убійствами и пр. Такими замѣстителями являются свобода убѣжденій, политическія реформы, отвѣчающія народнымъ желаніямъ и т. п. Авторъ ссылается на краснорѣчивый примѣръ Италіи: въ ней во время господства иностранцевъ ни эшафоты, ни каторжныя работы не могли остановить полити-

[1]) Ferri. Sociologia criminale 1900 г. 394—452 p.p.

ческихъ посягательствъ, исчезнувшихъ съ установленіемъ національной независимости [1]).

Научный прогрессъ, дающій новыя средства для совершенія преступленій—гипнотизмъ, электричество, динамитъ, новые яды и пр. приноситъ съ собою новыя средства борьбы съ преступностью и при томъ болѣе дѣйствительныя, чѣмъ уголовная репрессія. Печать, фотографированіе и антропометрическое измѣреніе преступниковъ, телеграфъ, микроскопическія изслѣдованія—могучіе союзники въ борьбѣ противъ преступниковъ. Такъ, пиратство, непобѣжденное жестокими наказаніями, исчезло съ примѣненіемъ къ движенію по морямъ пара. Именные чеки, устранившіе необходимость частыхъ пересылокъ денегъ, помѣшали грабежамъ болѣе, чѣмъ какое-либо наказаніе [2]). Говоря о замѣстителяхъ законодательныхъ и административныхъ, Ферри отмѣчаетъ благопріятное вліяніе на движеніе преступности различныхъ законовъ: такъ, доступность гражданскихъ судовъ предупреждаетъ преступленія противъ общественнаго порядка, личности и собственности; законъ, дозволяющій отысканіе средствъ содержанія съ родителей на внѣбрачныхъ дѣтей, предупреждаетъ дѣтоубійства, совершаемыя покинутыми матерями-дѣвушками; упрощеніе законодательства ведетъ къ уменьшенію обмановъ, «т.-к. вопреки метафизической и иронической презумпціи, что незнаніе закона никого не извиняетъ, въ дѣйствительности лѣсъ кодексовъ, законовъ, декретовъ, регламентовъ приводитъ къ безчисленнымъ ошибкамъ, правонарушеніямъ и проступкамъ». Далѣе, суды чести, признанные законами, могутъ помѣшать дуэлямъ. Обвинительная и устная форма процесса предотвращаетъ ложные доносы и показанія. Общества помощи освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія также полезны, но менѣе, чѣмъ принято думать: предпочтительнѣе помогать рабочимъ, остающимся честными, несмотря на ихъ бѣдность. Учрежденія помощи матерямъ-дѣвушкамъ, убѣжища для покинутыхъ дѣтей—могущественныя средства борьбы съ преступностью [3]). Въ области религіи должны быть также приняты нѣкоторыя реформы,

---

[1]) Ibid 426 p.
[2]) Ibid 430 p.
[3]) Ibid 430—436 p.

которыя приведутъ къ уменьшенію преступности: запрещеніе публичныхъ процессій будетъ имѣть слѣдствіемъ уменьшеніе уличныхъ безпорядковъ и стычекъ; уменьшеніе роскоши церковнаго убранства повліяетъ на уменьшеніе церковныхъ кражъ, запрещеніе нѣкоторыхъ религіозныхъ пелигримствъ уменьшитъ число преступленій противъ нравственности и сократитъ число оргій, происходящихъ во время этихъ пелигримствъ. Измѣненія въ области семейнаго порядка и прежде всего облегченіе разводовъ уменьшатъ преступленія въ семьѣ, уменьшатъ супружескія измѣны и убійства; затрудненіе условій брака для нѣкоторыхъ лицъ остановитъ наслѣдственную передачу преступныхъ наклонностей. Регламентація проституціи имѣетъ, по мнѣнію Ферри, также благопріятное вліяніе на преступность [1].

Въ отношеніи воспитанія народныхъ массъ авторъ проэктируетъ отмѣну нѣкоторыхъ народныхъ праздниковъ, устройство здоровыхъ развлеченій, закрытіе игорныхъ домовъ, ограниченіе доступа на засѣданія суда, обращеніе большаго вниманія на физическое воспитаніе дѣтей и пр.

Аналогичныя мысли развивалъ Ферри и на уголовно антропологическихъ конгрессахъ. Такъ, на второмъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1889 г. онъ дѣлалъ докладъ объ относительномъ значеніи индивидуальныхъ, физическихъ и соціальныхъ условій, опредѣляющихъ преступленіе [2]. Каждое преступленіе является для докладчика результатомъ взаимодѣйствія трехъ условій и невозможно дать общій отвѣтъ на вопросъ объ относительной силѣ дѣйствія каждаго изъ трехъ факторовъ. Соціальныя и, особенно, экономическія причины оказываютъ свое вліяніе преимущественно на воровство и менѣе на убійства и насилованія, но несомнѣнно, что нѣкоторая часть убійствъ вызывается соціальными причинами (игра, алкоголизмъ, общественное мнѣніе и пр.); причинами этого же порядка часто объясняются насилованія (особенно вліяніемъ дурныхъ жилищъ). Но съ другой стороны, не всякое воровство вызывается соціальными причинами; въ то время, какъ случайное

---

[1]) Ibid 437—445 p.

[2]) Ferri: Sur la valeur relative des conditions individuelles, phisiques et sociales qui determinent le crime. Actes du 2 congrès internat. d'anthrop. crimin. p.p. 42—48.

простое воровство вызывается скорѣе всего соціальными причинами, воровство съ насиліемъ, съ убійствами является скорѣе всего продуктомъ личныхъ особенностей преступника. Въ отличіе отъ господствующаго мнѣнія соціологической школы криминалистъ-антропологъ Ферри не допускаетъ возможности совершенія преступленія въ силу однихъ соціальныхъ условій, безъ вліянія антропологическихъ факторовъ. Возражая Лакассаню, сравнивавшему преступника съ микробомъ, развивающимся лишь въ подходящей средѣ-обществѣ, Ферри говоритъ, что среда не въ силахъ породить преступленіе, если нѣтъ микроба [1]). Этимъ микробомъ Ферри, въ согласіи съ Ломброзо, считаетъ ненормальности въ физической и психической организаціи преступника; безъ такой ненормальности для него немыслимъ не только прирожденный и привычный, но даже и случайный преступникъ, а такъ какъ ненормальности являются результатомъ не только соціальныхъ условій, но и наслѣдственности, то даже полное преобразованіе современныхъ государствъ въ соціалистическія общества приведетъ не къ совершенному исчезновенію преступности, а лишь къ значительнѣйшему ея уменьшенію [2]). Впрочемъ, въ болѣе поздней своей работѣ Ферри высказался нѣсколько иначе и полагалъ, что въ соціалистическомъ строѣ случайные и привычные преступники, являющіеся продуктомъ соціальной среды, должны необходимо исчезнуть [3]). Какъ Ломброзо удѣляетъ въ настоящее время общественной средѣ вниманія болѣе, чѣмъ ранѣе, такъ и Ферри склоненъ придавать ей, повидимому, болѣе

---

[1]) „De sorte que microbe et bouillon, côté biologique et côté sociale, sont les deux aspects fondamentaux de la criminalité et complètent, comme je le disais, les donnèes essentielles de l'anthr. criminelle“ (ibid. 174).

[2]) Actes de 1-er Congrés Int. d'anthr. crim. p. 171.

О преступности въ соціалистическомъ строѣ см. Ferri: socialisme et science positive Paris 1896, 195—200 p. итальян. изд. 1894 г. p.p. 40—42, также Ferri: Socialismo e Criminalita Torino 1883. A. Menger: Létat Socialiste. Paris. 1904, 208—216 p. Rostand: Criminalité et Socialisme Paris. Colajanni: Socialismo e criminalita. Rivista Popolare di politica, lettere e scienze sociali № 1, 2, 4 — 904. De Felice: Principii di Social. crim. 1902, Socialismo e la delinquenza (124—137).

[3]) Neue Zeit XIV, 355 s. Ferri: Kriminalle Anthropologie und Socialismus. Rosenfeld приписываетъ это развитіе научныхъ взглядовъ Ферри вліянію на него соціологической школы (Rosenfeld: Die dritte Schulle Mitt. d. kr. Ver. 1894).

значенія, чѣмъ онъ признавалъ его въ началѣ своей научной и политической дѣятельности, когда еще не принадлежалъ къ соціалистической партіи, виднымъ представителемъ которой теперь онъ является.

Третій виднѣйшій сторонникъ уголовно-антропологической школы баронъ Гарофало (Garofalo) посвятилъ себя юридической сторонѣ изученія новой школы, но и онъ не пренебрегъ изученіемъ также и соціальныхъ факторовъ преступности, хотя и пришелъ въ данномъ случаѣ къ рѣшеніямъ почти всегда прямо противоположнымъ результатамъ изысканій криминалистовъ соціологической школы.

Свой трудъ Гарофало назвалъ криминологіей (La Criminologie) [1]. Это учебникъ уголовнаго права, гдѣ на ряду съ юридическимъ изученіемъ преступленія и наказанія въ свѣтѣ новой школы вошли также вопросы объ особенностяхъ преступника и о вліяніи на преступность бѣдности, цивилизаціи, воспитанія и пр.

Гарофало начинаетъ изложеніе своей теоріи съ выраженія увѣренности въ преувеличенности мнѣнія о тяжестяхъ бѣдноты и особенно ея голодной нужды. Онъ не отрицаетъ, что пролетарій болѣе, чѣмъ кто либо другой подвергается опасности голода вслѣдствіе того, что все его существованіе зависитъ отъ поденнаго заработка, но полагаетъ, что при современномъ состояніи нашей цивилизаціи почти всѣ желающіе находятъ работу кромѣ случаевъ кризисовъ и, если, по несчастію, они не находятъ ее, къ нимъ всегда протягивается чья нибудь благотворительная рука. Несомнѣнно существуетъ бѣдность, но, такъ какъ причина ея, по мнѣнію Гарофало, почти всегда недостатокъ энергіи, дѣятельности, то она сопровождается апатіей и довольствуется тѣмъ, что влачитъ чисто животное существованіе. Огромная часть рабочаго класса страдаетъ не отъ голода, но скорѣе отъ невозможности доставить себѣ столько удовольствій, сколькими пользуются на его глазахъ болѣе состоятельные классы. Жажда удовольствій это своего рода танталовская жажда, но испытываетъ ее не только пролетаріатъ, а всѣ: работающій за поденную плату считаетъ

---

[1] Garofalo, baron: La criminologie. Paris. 1895. Первое итальянское изданіе 1885 года: La Criminologia. О Гарофаго см. Вульфертъ: Антропологопозитивная школа угол. права въ Италіи, вып. I, 1887, 371—500 стр.

себя бѣднякомъ передъ хозяиномъ, мелкій собственникъ передъ большимъ, служащій передъ начальникомъ и т. д. Не особое экономическое положеніе приводитъ къ преступленію, а совершенно особое психическое состояніе, характеризующееся полнымъ отсутствіемъ или уменьшеніемъ чувства честности. Гарофало увѣренъ, что преступленія не могли бы исчезнуть даже въ томъ строѣ, гдѣ совершенно не было бы бѣдныхъ, «такъ какъ безчестные люди не могутъ исчезнуть и раса лѣнтяевъ и праздношатающихся не умретъ никогда даже въ фалангахъ Фурье».

Но главныя возраженія Гарофало противъ значенія бѣдности какъ фактора преступности состоятъ въ слѣдующемъ. Пролетаріатъ характеризуется полнымъ отсутствіемъ капитала, но такое экономическое состояніе, если не считать случаевъ исключительной нужды въ необходимомъ т. е. жилищѣ, пищѣ и отопленіи, не представляетъ ничего ненормальнаго для тѣхъ, кто привыкъ къ нему. Оно составляетъ затрудненіе только для тѣхъ, кто имѣетъ желанія и потребности, но не можетъ удовлетворить ихъ при помощи своего заработка. Но подобное экономическое затрудненіе можетъ испытывать по аналогичнымъ основаніямъ и классъ капиталистовъ, если слово заработокъ мы замѣнимъ словомъ доходъ. Ничто не говоритъ намъ, что это соотношеніе между желаніями и возможностью ихъ удовлетворенія болѣе велико въ низшихъ классахъ. Наоборотъ, у богатаго класса, знающаго комфортъ и роскошь, потребностей больше и онѣ разнообразнѣе, а потому здѣсь чаще должны быть случаи страданія, испытываемаго отъ неудовлетворенныхъ желаній. Отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ, что бѣдность не должна приводить къ преступленію скорѣе богатства. Переходя отъ этихъ соображеній къ доказательствамъ, онъ признается, что у него нѣтъ прямыхъ статистическихъ данныхъ, которыя могли бы подтвердить правильность его выводовъ, и потому обращается къ сложнымъ выкладкамъ и на основаніи ихъ пытается показать, что классъ богатыхъ даетъ столькоже преступниковъ, сколько и бѣдный.

Онъ беретъ отчетъ по уголовной статистикѣ Италіи за 1889 годъ и предполагаетъ, что 72 кражи вооруженныхъ или сопровождавшихся убійствомъ, 485 кражъ съ насиліемъ и покушеній на нихъ и наконецъ 8444 квалифицированныхъ воров-

ства, (считая въ этомъ же числѣ покушенія на квалифицированныя кражи и укрывательство похищенныхъ вещей), а всего 9001 преступленіе совершены пролетаріями. Этому числу онъ противопоставляетъ: 370 похищеній, подкуповъ и взяточничествъ чиновниковъ, 1148 поддѣлокъ монеты, бумагъ, государственныхъ облигацій, печатей и марокъ, подлоговъ въ публичныхъ актахъ и пр. 433 банкротства и торговыхъ обмана, а всего 1951 преступленіе; это послѣднее число авторъ относитъ къ преступности состоятельныхъ классовъ, имѣющихъ ту или другую собственность. Отношеніе этихъ двухъ цифръ (9001:1951=100:83) показываетъ отношеніе преступности пролетаріата и класса собственниковъ. Но таково же, по мнѣнію Гарофало, отношеніе числа пролетаріевъ въ Италіи къ числу собственниковъ (86 бѣдныхъ на сто жителей). Отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ, что пролетаріатъ не даетъ большей преступности въ сравненіи съ другими классами и что, слѣдовательно, нищета, не является факторомъ преступности. Но отрицая за бѣдностью значеніе фактора преступности, Гарофало призналъ, что рѣзкія общественныя измѣненія—«les troubles anormaux»—производимыя напримѣръ, голодомъ, революціей, коммерческими кризисами и войною, могутъ привести къ увеличенію тяжкой преступности. Впрочемъ, и въ данномъ случаѣ Гарофало остается вѣрнымъ своей основной точкѣ зрѣнія, что только безчестный становится преступникомъ и полагаетъ, что эти кризисы и перевороты лишь превращаютъ одинъ видъ преступности въ другой, дѣлая изъ вора разбойника, изъ менѣе опаснаго преступника болѣе опаснаго [1]).

Не останавливаясь въ настоящее время на критикѣ теоріи Гарофало, мы лишь отмѣчаемъ тотъ фактъ, что и этотъ сторонникъ уголовно-антропологической школы не прошелъ молчаніемъ вопроса о вліяніи общественной среды какъ фактора преступности и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже призналъ за нею второстепенное значеніе.

Въ томъ же 1885 году, когда вышло первое изданіе Criminologia Гарофало, состоялся первый международный конгрессъ по уголовной антропологіи, въ программу котораго былъ вклю-

[1]) Garofalo: La Criminologie. 1895, 171—193 p.p.

ченъ, между прочимъ, вопросъ о вліяніи на преступность Италіи экономическихъ условій [1]). Докладчикъ по этому вопросу, сторонникъ уголовно-антропологической школы, Rossi призналъ вліяніи экономическихъ и термометрическихъ условій. Взявъ для изслѣдованія періодъ съ 1875 г. по 1883 г. онъ нашелъ, что:

1. Число преступленій и проступковъ противъ собственности (отсюда были выдѣлены квалифицированныя кражи и вооруженныя нападенія) находится въ зависимости отъ метереологическихъ измѣненій и колебаній цѣнъ на съѣстные припасы. Максимумъ этихъ преступленій выпалъ на 1880 годъ, когда цѣна хлѣба была очень высокая, а зима стояла холодная. Въ 1877 году, несмотря на повышеніе цѣнъ хлѣба преступленія противъ собственности увеличились не особенно сильно, благодаря мягкой зимѣ; съ 1880 г. по 1883 г. цѣна зерна падала, зимняя температура оставалась довольно высокая и потому преступность непрерывно и значительно понижалась.

2. Такая же зависимость, но съ еще большею правильностью устанавливается и между числомъ квалифицированныхъ кражъ съ одной стороны и цѣною хлѣба и температурою съ другой: въ періодъ съ 1875 г. по 1883 г. за исключеніемъ лишь двухъ лѣтъ (1877 и 1879 г.г.) каждое пониженіе зимней температуры вызывало увеличеніе числа квалифицированныхъ кражъ и, наоборотъ, повышеніе температуры приводило къ уменьшенію этихъ преступленій. То же самое было констатировано докладчикомъ и относительно хлѣбныхъ цѣнъ: высокія цѣны въ 1880 г. при низкой температурѣ дали максимумъ преступленій разсматриваемой категоріи.

3. Преступленія противъ личности находятся въ обратномъ отношеніи съ цѣнами на хлѣбъ [2]).

---

[1]) De l'influence des conditions météoriques et économiques sur la criminalité en Italie (Actes de premier congrès international d'anthropologie criminelle. Rome, novembre 1885. 295—301 p.p.).

[2]) Rossi затрудняется объяснить причину этого обратнаго вліянія и высказываетъ два предположенія: „peut-être les variations des prix du blé sont elles en connexité avec celles du prix du vin; peut-être une nourriture plus substantielle en gendre-t-elle les rixes". Op. c. 299 p.

4. Преступленія противъ нравственности Rossi ставитъ въ связь съ измѣненіями температуры.

5. Цѣна на вина находится въ обратномъ отношеніи съ числомъ безпорядковъ, насилій и оскорбленій нанесенныхъ полицейскимъ агентамъ [1]).

Такимъ образомъ разсмотрѣніе трудовъ Ломброзо, Ферри, Гарофало и Росси приводитъ насъ къ необходимости признать неправильными упреки дѣлаемые сторонникамъ уголовно-антропологической школы въ игнорированіи ею изученія соціальныхъ факторовъ преступности [2]). Съ первыхъ же дней своего появленія она удѣляла имъ свое вниманіе, но такъ какъ она удѣляла его несравненно больше антропологическому изученію преступника и при этомъ признала, что рѣшающее значеніе въ развитіи преступности имѣютъ антропологическія особенности, то отсюда, вѣроятно, и получило свое распространеніе указанное выше ошибочное мнѣніе. Разногласія, возникшія между криминалистами по вопросу о значеніи различныхъ факторовъ съ одной стороны, а съ другой пренебрежительное отношеніе антропологовъ къ юридическому изученію преступнаго дѣянія, привели къ страстной борьбѣ въ области науки уголовнаго права и къ образованію той новой *соціологической* школы уголовнаго права, которая поставила своею главною задачею изслѣдованіе соціальныхъ причинъ преступности.

---

[1]) Этотъ послѣдній выводъ Rossi относится лишь къ Риму.

[2]) См. защиту этого же положенія у Д. А. Дриля. Actes du III, Congr. inter. d'anthr. crim. 1893, 37—40, 344 p.

IV ГЛАВА.

Соціологическая школа науки уголовнаго права и ученіе ея сторонниковъ о соціальныхъ факторахъ преступности.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія труда Ломброзо о преступномъ человѣкѣ, т. е. какъ разъ въ то время, когда слава этого Туринскаго профессора достигла своего апогея и его имя стало извѣстно всему ученому міру, миланскій адвокатъ и депутатъ соціалистъ Turati выступилъ противъ него со своею небольшою книжкою застрѣльщикомъ новаго *соціологическаго* направленія [1]). Какъ и подобаетъ застрѣльщику Турати вышелъ на борьбу не съ тяжеловѣснымъ, кропотливымъ трудомъ, но съ небольшою брошюрой, написанной тѣмъ сжатымъ и сильнымъ языкомъ, которымъ этотъ соціалистъ прославился, какъ лучшій ораторъ итальянскаго парламента. Напрасно мы стали бы искать у автора въ этой его работѣ, получившей въ Италіи огромное распространеніе, вѣскихъ доказательствъ и всесторонняго освѣщенія трактуемыхъ въ ней вопросовъ; это скорѣе символъ новаго ученія, развить которое и обосновать предстояло впослѣдствіи другимъ въ формѣ болѣе научной и спокойной. Несмотря на указанные недостатки работа Турати имѣетъ въ исторіи развитія соціологической школы большое значеніе: она ясно поставила вопросъ о соціальномъ происхожденіи преступности и, выяснивъ отрицательное отношеніе автора къ классическому и антропологическому направленію въ наукѣ уголовнаго права, указала на необходимость изученія преступности, какъ продукта современнаго политическаго и общественнаго устройствъ въ государствахъ.

Свою работу Турати начинаетъ краткими указаніями на по-

---

[1]) Turati: Il delitto e questione sociale Milano. 1883.

всемѣстный ростъ преступности. Къ этому прискорбному явленію наука, правительства и общественное мнѣніе отнеслись различно.

Можно различить въ данномъ случаѣ три ясно опредѣлившіяся теченія. Первое направленіе имѣетъ своимъ источникомъ Беккарія: оно всегда боролось за мягкость мѣръ, примѣняемыхъ къ преступникамъ и ему мы обязаны отмѣной смертной казни, пытокъ, введеніемъ гласности суда, обращеніемъ къ воспитанію преступника. Но несмотря на это торжество направленія гуманистовъ пенитенціарной школы, желательные результаты не были достигнуты, и дома воспитанія стали домами порока и клубами разврата. Другое теченіе—прямо-обратнаго характера. Видя ростъ рецидива, оно обратилось къ старой жестокости. Криминалисты и магистраты—террористы, въ согласіи съ наиболѣе эгоистическою и трусливою частью общества, взывали къ остановкѣ либеральной пенитенціарной реформы; желѣзной рукой они апплодировали смертной казни, требовали поменьше школы, побольше розги, взывали къ пожизненному заключенію рецидивистовъ, возстали противъ права помилованія, противъ института присяжныхъ. Передъ печальнымъ и нелѣпымъ явленіемъ, что тюрьма слишкомъ часто предпочитается мышиной норкѣ рабочаго, они не видѣли другого средства какъ ухудшенія первой. Оба эти теченія, несмотря на ихъ противоположность,—юридическія, оба борятся съ преступленіемъ однимъ средствомъ—наказаніемъ. Войну этимъ направленіямъ объявило третье, принадлежащее менѣе къ области права и болѣе къ области соціологіи, разсматривающее преступника во всемъ его дѣйствительномъ разнообразіи, отрицающее свободу воли, видящее въ человѣческихъ дѣйствіяхъ необходимый итогъ не только умственныхъ вычисленій, но также продуктъ органическихъ и космическихъ силъ. Это направленіе полагаетъ, что, если преступникъ вынуждается совершать преступленіе, то и общество не менѣе вынуждено наказывать для своей собственной защиты» [1]). Эта школа требуетъ «физіологическаго» кодекса, различающаго одного преступника отъ другого. Различные теоретики школы сходятся между собою не всегда; такъ Ломброзо и Гарофало стоятъ болѣе за суровость наказаній, а Ферри за предупрежденіе преступленія соціальными реформами.

---

[1]) Turati: Указ. соч. 12 стр.

Признавая заслуженность уголовно-антропологическою школою тріумфа въ критикѣ прежнихъ теорій, Турати сомнѣвается въ ея вновь созидающей силѣ: ошибка Ломброзо въ распознаніи причинъ преступности и въ соотношеніи фактовъ замедляетъ научный прогрессъ и топитъ политически необходимыя мѣры въ мертвой водѣ.

Приступая затѣмъ къ развитію своего основного положенія Турати сознается, что утвержденіе о связи вопроса о преступности съ экономическими условіями и о томъ, что причина преступленія лежитъ въ безпорядкахъ соціальнаго устройства, въ неравномъ распредѣленіи собственности, въ антагонизмѣ классовъ, невѣжествѣ и истощенности нижнихъ слоевъ общества, не является его новымъ словомъ, а лишь повтореніемъ идеи, высказанной ранѣе его преимущественно соціалистами, но также сторонниками и другихъ умѣренныхъ направленій. Многочисленныя выдержки изъ Romagniosi, слѣдующія затѣмъ, такъ же какъ и ссылки на дѣятельность Овена подтверждаютъ эту мысль Турати [1]).

«Не въ индивидѣ надо искать причину преступности, говоритъ Турати, но въ обществѣ органически и необходимо порочномъ, гдѣ эксплуатація человѣка—краегульный камень общественнаго сожительства, гдѣ немногіе избранные живутъ на счетъ бѣдности и униженности большинства, гдѣ—безстыднѣйшая противоположность между богатою праздностью и бѣднымъ трудомъ является постояннымъ и фатальнымъ побужденіемъ къ преступности» [2]). Теперь въ низшихъ слояхъ никто не обезопасенъ отъ призрака преступленія. Никто не можетъ дышать съ увѣренностью, что не будутъ осуждены къ каторжнымъ работамъ его близкіе, собственныя дѣти, даже онъ—самъ. Преступленіе—печальная привилегія лишь этого бѣднаго класса [3]). Но съ измѣненіемъ соціальнаго строя, съ водвореніемъ идеаловъ политической доктрины Турати, когда у каждаго будетъ порція пищи для души и тѣла—porzione di pane fisico e di pane morale—преступленіе исчезнетъ, и опасность имѣть сына преступника не будетъ болѣе возможности имѣть сына съ двумя головами или

[1]) Turati ук. соч. 74 стр. Romagniosi Genesi del diritto penale.

[2]) Ibid. 62 стр.

[3]) Il tributo criminoso é il privilegio quasi esclusivo d'una classe sociale (42 p.).

одной рукой. Такимъ образомъ вопросъ о преступности является для автора прежде всего несомнѣннымъ вопросомъ общественной трансформаціи [1]).

Космическіе факторы имѣютъ для Турати лишь вспомогательное, второстепенное значеніе и скорѣе даютъ лишь ту или другую форму проявленія преступности, розлитой въ соціальныхъ жилахъ общественнаго организма.

Свои окончательные выводы авторъ резюмируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ.

1) Нѣтъ нравственнаго вмѣненія. Непреодолимыя силы руководятъ человѣческими дѣйствіями. Единственное позитивное основаніе наказанія—общественная польза, разсматриваемая въ ея наиболѣе широкомъ и гуманномъ смыслѣ въ свѣтѣ теоріи эволюціи, въ комбинированныхъ интересахъ индивида и вида, общества и самого преступника.

2) Классовыя неравенства въ обществѣ служатъ источникомъ преступленій.

3) Наказаніе является лишь крайнимъ средствомъ, къ которому слѣдуетъ обращаться съ величайшею осторожностью въ случаяхъ, гдѣ никакое другое средство не можетъ помочь. Оно беззаконно и вредно, когда примѣняется ранѣе, чѣмъ не были испытаны всѣ превентивныя мѣры; въ этихъ случаяхъ общество со своими неравенствами само является соучастникомъ преступленій. Наказаніе въ общемъ не нравственно и въ дѣйствительности не пропорціонально виновности, не обладаетъ ни признакомъ возстановимости, ни примѣрности, оно не лично и пр.

4) Вопросъ о борьбѣ съ преступностью можетъ быть рѣшенъ лишь радикальнымъ обновленіемъ соціальныхъ институтовъ; тогда преступность уменьшится сразу трети на двѣ и останутся лишь преступленія, проистекающія изъ развращенности и по внезапному порыву страсти [3]).

5) Прирожденные преступники слишкомъ ничтожны въ числѣ

---

[1]) La questione penale e anzitutto e radicalmente una questione di trasformazione sociale 65 p.

[2]) Turati ук. с. 88 стр.

[3]) Da indole perversa e da passione improvisa 126 стр.

и при томъ являются въ большей или меньшей степени продуктомъ бѣдности и неравенства.

6) Не улучшенію благосостоянія, но его недостаточности и измѣнчивости должно быть приписано увеличеніе нѣкоторыхъ преступленій противъ личности и нравственности; ихъ причина скорѣе въ злоупотребленіи алкоголемъ и въ отсутствіи любви къ ближнему при господствующемъ нынѣ капиталистическомъ строѣ [1]).

Таковы основныя положенія, къ которымъ пришелъ Турати въ своей работѣ. Они могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одни изъ нихъ тѣсно связаны съ доктриною соціализма, сторонникомъ котораго авторъ является, а другія съ нею непосредственно не связаны. Первыя положенія автора были поддержаны и развиты его политическими единомышленниками, а вторыя встрѣтили сочувственное отношеніе со стороны многихъ криминалистовъ либеральнаго направленія. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ своихъ ученій криминалисты—соціалисты и либералы—сошлись между собою, но во многихъ случаяхъ разошлись настолько сильно, что является надобность въ точномъ ихъ разграниченіи.

Общее между обоими этими ученіями то, что какъ криминалисты - соціалисты, такъ и другіе сторонники направленія, получившаго названіе соціологическаго, одинаково борятся съ антропологическою и классическою школами. Всѣ они находятъ, что классическая школа съ характернымъ для нея игнорированіемъ ученія о факторахъ преступности и о самомъ преступникѣ, замкнувшаяся въ узкій кругъ юридической дисциплины, должна уступить свое мѣсто новымъ направленіямъ и измѣнить свое содержаніе согласно требованій новаторовъ: заняться изслѣдованіемъ самого преступника и той среды, въ которой онъ живетъ. Они также сходятся между собою и въ томъ, что не соглашаются съ антропологическою школой, которая, по ихъ мнѣнію, преувеличиваетъ значеніе индивидуальныхъ факторовъ. Они, наконецъ, признаютъ, что среди причинъ преступности наибольшее значеніе принадлежитъ факторамъ соціальнаго порядка, что въ борьбѣ съ преступностью наказаніе является крайнимъ, по-

[1]) Ibid 127 стр.

слѣднимъ средствомъ и что благопріятныхъ результатовъ этой борьбы можно достичь лишь путемъ соціальныхъ реформъ.

Этими одинаковыми, общими принципами ограничивается сходство разсматриваемыхъ нами направленій.

Что касается различія между ними, то, по мнѣнію криминалистовъ-соціалистовъ, оно весьма существенно. Соціологическая школа въ лицѣ большинства ея сторонниковъ представляется соціалистамъ буржуазною защитницею интересовъ господствующаго класса и непослѣдовательною въ своихъ выводахъ; при изученіи преступленія и наказанія она совершенно игнорируетъ громадное значеніе классовой борьбы и, не рѣшаясь признать вмѣстѣ съ ними, соціалистами, что только радикальное обновленіе государственнаго строя можетъ привести къ дѣйствительной побѣдѣ надъ преступностью, предлагаетъ такія соціальныя реформы, которыя являются въ этой борьбѣ простыми палліативами [1]).

Соціологическая школа, а также и классическая учатъ, что наказаніе ограждаетъ интересы всего общества. Криминалисты-соціалисты доказываютъ, что право всегда заботится о преимущественной охранѣ интересовъ правящихъ классовъ. Объ общемъ благѣ, пишетъ Ваккаро, авторъ труда «Genesi e funzione delle leggi penali», можно говорить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда группа проста и однородна. Но тамъ, гдѣ въ группѣ есть господствующіе и подчиненные классы, говорить объ общемъ благѣ не приходится: «человѣческое общество, говоритъ этотъ авторъ, можно сравнить съ громадною пирамидою. Въ своемъ основаніи она имѣетъ огромную массу созданій, поддерживающихъ общественное зданіе и страдающихъ подъ его тяжестью и гнетомъ. Средніе общественные слои, сообразно высотѣ, занимаемой ими, страдаютъ отъ выше лежащихъ, но въ свою очередь жестоко попираютъ ногами находящихся ниже. Тѣ, кто сидятъ на верху, давятъ всѣхъ безъ разбору» [2]).

---

[1]) Die Kriminal-Soziologische Schule als Kämpferin für die Interessen der herrschenden Klassen. Von *M. Sursky.* „Die Neue Zeit" № 47 и 48 1903—04.

[2]) Vaccaro M. Angelo: Genesi e funzione delle leggi penali. Roma, 1889, p. 77. О Vaccaro см. *Макс. Ковалевскаго*: Современные соціологи 1905 г. VIII глава и Colajanni: La Sociologia Criminale 1 v. 1889 § 61.

Такъ, въ тѣхъ государствахъ, гдѣ существовало рабство, убійство раба не считалось преступленіемъ. Въ Спартѣ на рабовъ устраивались охоты. Въ Римѣ, согласно senatusconsulto Silaniano, въ случаѣ убійства господина, всѣ его рабы, жившіе съ нимъ, подлежали смертной казни [1]). По кодексу Ману браминъ, вышедшій, по преданію, изъ головы верховнаго существа, получилъ право повелѣвать всѣми другими кастами. Какъ рука исполняетъ волю человѣка, такъ каста воиновъ создана для повиновенія и службы браминамъ. Каста торговцевъ не можетъ имѣть иного долга, кромѣ поддержанія своею промышленною дѣятельностью двухъ высшихъ классовъ. Наконецъ, судра, на долю котораго выпало низкое происхожденіе изъ ступни Брамы, долженъ служить всѣмъ, не думая о наградѣ. Все, что находится въ мірѣ, собственность брамина; онъ господинъ другихъ классовъ; изъ его устъ люди должны получать предписанія ихъ поведенія; только ему дозволено изучать книгу законовъ. Кража у брамина влечетъ суровыя наказанія, а браминъ можетъ брать имущество судры, такъ какъ судра не имѣетъ собственности. За оскорбленіе брамина дѣйствіемъ, виновнаго постигаетъ немедленная казнь—отрубаніе руки. За адультеръ кого-либо изъ класса воиновъ или купцовъ съ женою брамина, имъ не покинутою, назначается сожженіе заживо; наоборотъ, браминъ за это же преступленіе не подлежитъ никакому наказанію кромѣ безчестія (tonsura ignominiosa). Судрѣ запрещено даже и въ состояніи крайней необходимости брать что-либо изъ принадлежащаго высшимъ классамъ и промышлять ихъ занятіями: за нарушеніе этого закона онъ подлежитъ конфискаціи имущества и изгнанію. Жизнь воина оцѣнивается въ четыре раза дешевле жизни брамина, жизнь купца въ четыре раза менѣе жизни воина, жизнь судры въ 12 разъ дешевле купече-

[1]) Въ правленіе Нерона нѣкто Pedonio былъ убитъ своимъ рабомъ за постыдное покушеніе на его честь. Четыреста рабовъ Педонія, жившіе при немъ, подлежали смертной казни. Мысль, что столько невинныхъ должны погибнуть волновала плебсъ и даже въ сенатѣ было нѣкоторое теченіе противъ такой жестокости. Но Кай Кассій, указывая на законъ и обычай и на publica utilitas—общее благо, требовалъ казни, и 400 рабовъ были казнены. Vaccaro o. c. VI cap.: Funzione della giustizia punitiva sotto il regime della schiavitù.

ской и при томъ его убійство не влечетъ никакого наказанія, если совершено въ исполненіе долга. Судра занимаетъ въ животной іерархіи мѣсто вслѣдъ за слономъ и лошадью [1]). Таково же было положеніе рабовъ въ еврейскомъ, германскомъ, русскомъ и другихъ древнихъ правахъ. Такое же приниженное, беззащитное положеніе было крѣпостныхъ. Наоборотъ, средневѣковые рыцари могли безнаказанно совершать грабежи и убійства. Но и современные кодексы носятъ на себѣ очевидные слѣды классовой розни и заботятся объ охранѣ состоятельныхъ слоевъ болѣе, чѣмъ объ интересахъ, жизни, здоровьѣ, чести рабочихъ классовъ. Авторъ уже цитированной нами статьи изъ «Die Neue Zeit» обвиняетъ криминалистовъ соціологической школы въ томъ, что они, охотно изслѣдуя преступленія истребленія плода и дѣтоубійства, съ довольствомъ отмѣчаютъ, что «человѣческая жизнь охраняется уже въ утробѣ матери» и не задумываются надъ охраной здоровья фабричной работницы, принужденной исполнять тяжелыя и вредныя для здоровья работы въ періодъ беременности, отнимать отъ своей материнской груди ребенка раньше времени, давать ему свое молоко, отравленное занятіями въ нѣкоторыхъ промыслахъ и продаваться въ кормилицы. Криминалистъ говоритъ о наказуемости торговли «живымъ товаромъ», но не считаетъ преступниками тѣхъ, кто покупаетъ этотъ товаръ и кто вступаетъ въ торговую сдѣлку съ женщиною, выгнанною на улицу нищетою. Криминалистъ говоритъ объ охранѣ здоровья и жизни человѣка и не обращаетъ должнаго вниманія на то печальное явленіе, что на фабрикахъ и заводахъ ежегодно совершается несчастныхъ случаевъ со смертельнымъ исходомъ въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ убійствъ во всей странѣ [2]).

«Понять исторію уголовнаго права можно лишь вставъ на точку зрѣнія классовой борьбы», говоритъ цитируемый нами авторъ, а либеральнымъ криминалистамъ соціологической школы эта точка зрѣнія не знакома; они, какъ и классики «разсказываютъ старыя сказки» о защитѣ уголовнымъ правомъ *общечеловѣческихъ* интересовъ, интересовъ *всего общества* въ то время,

---

[1]) Vaccaro: o. c. VII cap.: Funzione della guistizia punitiva sotto il regime delle caste.

[2]) Sursky приводитъ интересную таблицу съ числами ежегодныхъ убійствъ

какъ оно защищаетъ лишь благо *господствующихъ классовъ*. «Уголовно-соціологическая школа, какъ и антропологическая, вращается по мнѣнію Sursky, въ томъ же самомъ кругу понятій, въ которомъ находится презираемая ими классическая школа. При помощи «позитивнаго», «дѣйствительно-научнаго метода» они изучаютъ «живого преступника», «т.-е. нарушителя интересовъ, охраняемыхъ тѣмъ или другимъ параграфомъ уголовнаго кодекса. А эти параграфы охраняютъ интересы не всѣхъ гражданъ, какъ, напримѣръ, жизнь и здоровье каждаго, но интересы господствующихъ классовъ, и, такимъ образомъ, современные криминалисты, піонеры-антропологи и соціологи — ничто иное, какъ идеологи капиталистическаго общества» [1]).

[Mord, Totschlag, Fahrlässige Tötung] и съ числомъ несчастныхъ смертныхъ случаевъ застрахованныхъ рабочихъ.

Годы.	На все населеніе имперіи.		Въ предпріятіяхъ съ введ. страхованіемъ.	
	Число убитыхъ.	На 10 тыс. населенія.	Число убитыхъ.	На 10 тыс. застрахован.
1886	1171	0,2	2716	7,0
1887	1207	0,2	3270	7,7
1888	1148	0,2	3645	6,8
1889	1184	0,2	5185	7,1
1890	1304	0,2	5958	7,3
1891	1293	0,2	6346	7,1
1892	1321	0,2	5811	6,5
1893	1243	0,2	6245	6,9
1894	1307	0,2	6250	6,5
1895	1435	0,2	6335	6,7
1896	1384	0,2	6989	7,1
1897	1339	0,2	7287	7,0
1898	1447	0,2	7848	7,3
1899	1433	0,2	7999	7,2
1900	1472	0,2	8949	7,4
1886—1900	19688	0,2	90333	7,0

[1]) Sursky: o. c. 648 s.

Эти упреки криминалистовъ соціалистическаго направленія остальнымъ сторонникамъ соціологической школы въ значительной степени справедливы. Вѣрно ихъ указаніе, что интересы различныхъ классовъ не находятъ въ правѣ одинаковой охраны, но преувеличеніемъ является утвержденіе, что дѣйствующіе законы защищаютъ интересы *только* господствующихъ классовъ. Правда, что убійство раба разсматривалось, какъ нанесеніе вреда хозяину. Но въ настоящее время рабочіе классы являются такою силою, съ которою приходится считаться и господствующимъ классамъ. Въ странахъ съ представительнымъ образомъ правленія эти рабочіе слои населенія имѣютъ въ парламентахъ своихъ представителей и постепенно добиваются улучшенія своего положенія. Но такъ какъ въ наши дни эти представители обыкновенно составляютъ во всѣхъ парламентахъ меньшинство, то они и не могутъ добиться полнаго уравненія своихъ правъ съ правами другихъ гражданъ, даже въ такихъ важныхъ случаяхъ, какъ охрана жизни и здоровья [1]).

---

[1]) Въ видѣ особенно яркаго примѣра можно указать на охрану Германскимъ Уголовнымъ Уложеніемъ жизни и здоровья рабочихъ во время ихъ работы: за нарушеніе фабрикантомъ и работодателемъ распоряженій и предписаній правительства, изданныхъ для защиты рабочихъ, приказчиковъ и торговыхъ учениковъ противъ опасности жизни и здоровью, законъ назначаетъ лишь денежный штрафъ до 300 марокъ [Strafgesetzbuch f. das Deutsche Reich. Anhang. Reichszerbeordnung § 147], но рабочій, ученикъ и вообще служащій въ предпріятіи за сообщеніе другому лицу дѣловыхъ тайнъ и секретовъ предпріятія подлежитъ денежному штрафу до 3000 марокъ или тюремному заключенію до 1 года. Кромѣ того въ пользу потерпѣвшаго фабриканта можетъ быть присужденъ денежный штрафъ до 10000 марокъ [см. у Листа: Учебникъ уголовнаго права. Особенная часть. Пер. Ельяшевича. М. 1905 г. 128—129 стр.]. Менгеръ указываетъ, что могущество владѣющихъ классовъ въ нашемъ обществѣ проявляется особенно ярко, когда сравниваютъ наказанія за тяжкія преступленія противъ личности и противъ собственности. Такъ, по Германскому Уложенію, за легкія раны и удары преслѣдованіе начинается лишь по частной жалобѣ и максимальное наказаніе—3 года тюрьмы или штрафъ до 1000 марокъ (§ 223 и 223 St. G. B.), а простое воровство, наоборотъ, всегда преслѣдуется ex officio и наказаніе можетъ достичь 5 лѣтняго тюремнаго заключенія (§ 242 St. G. B); тяжелыя раны влекутъ наказаніе до 5 лѣтъ каторжной тюрьмы и не ниже 1 года обыкновеннаго тюремнаго заключенія (§ 224 St. G. B.), а квалифицированное воровство—до 10 лѣтъ каторжной тюрьмы и не ниже 3 лѣтъ тюремнаго заключенія. [Menger: L'état socialiste Paris. 904. 213—214 p.p.].

Менѣе справедливъ другой упрекъ соціалистовъ остальнымъ сторонникамъ соціологической школы въ томъ, что они считаютъ преступленіями лишь тѣ дѣянія, которыя являются преступными по дѣйствующимъ кодексамъ. Въ данномъ случаѣ эти сторонники соціологической школы лишь правильно придерживаются уже давно установившейся номенклатуры въ юриспруденціи. Но это далеко не значитъ, что эти же криминалисты вполнѣ соглашаются съ квалификаціей современными уложеніями тѣхъ или другихъ дѣяній преступными или непреступными. Имъ принадлежитъ заслуга расширенія области науки уголовнаго права прибавленіемъ къ ней новаго отдѣла, «уголовной политики», ставящей своею задачею между прочимъ рѣшеніе вопроса: какія дѣянія должны подлежать уголовной карѣ и какія не должны [1]). Наконецъ, нѣкоторые криминалисты соціологической школы, не довольствуясь чисто-формальнымъ опредѣленіемъ преступленія, пытались дать матеріальное опредѣленіе и выяснить такіе признаки, которые давали бы возможность легко отличать дѣйствительно преступныя дѣянія отъ непреступныхъ [2]). Но, къ сожалѣнію, криминалистическая литература очень мало занимается этимъ вопросомъ, и тотъ отдѣлъ уголовной политики, который Варга называетъ Kriminal-Gesetzgebungskunst и который долженъ бы слѣдить за правильностью квалификаціи дѣяній преступными, представляется совершенно неразработаннымъ. Къ сожалѣнію также и криминалисты-соціалисты сдѣлали въ данномъ случаѣ не больше другихъ.

Кромѣ указанныхъ выше различій между криминалистами соціалистами и другими послѣдователями соціологическаго направленія есть еще одно. Оно относится къ ученію о причинахъ преступности и о средствахъ борьбы съ нею.

Всѣ сторонники соціологической школы считаютъ главными факторами преступности политическое, экономическое и соціаль-

---

[1]) См. у насъ стр. 27.

[2]) Такія попытки сдѣлали, между прочимъ, послѣдователи соціологической школы; см. у Hamon: Determinisme et responsabilité. Paris 1898 (есть рус. пер. Детерминизмъ и вмѣняемость А. Амона, подъ ред. проф. Жижиленко. С.-Пб. 1905 г.).

ное неустройство государствъ. Соціалисты же кромѣ того связываютъ всѣ эти причины преступности съ капиталистическимъ режимомъ современныхъ государствъ, которому они противополагаютъ новый строй, основанный на коллективистическихъ началахъ. Несомнѣнно, что это различіе весьма глубокое, и не выдѣлить криминалистовъ соціалистовъ изъ общей группы послѣдователей соціологическаго направленія было бы также не вѣрно, какъ было бы ошибочно смѣшивать этихъ представителей крайнихъ «лѣвыхъ» политическихъ партій въ парламентахъ съ консерваторами или либералами. Но такое различіе въ основныхъ принципахъ соціалистическаго «лѣваго» крыла соціологической школы и либеральнаго, не исключаетъ возможности ихъ сходства въ рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ при опредѣленіи ближайшихъ причинъ преступности. Такъ, напримѣръ, Листъ описываетъ въ яркихъ краскахъ экономическое, политическое и нравственное положеніе трудящихся классовъ, ничѣмъ не обезпеченныхъ на старость, на случай болѣзни и увѣчья, страдающихъ отъ безработицы, истрачивающихъ ранѣе времени свои силы, живущихъ въ сквернѣйшихъ жилищахъ, и признаетъ, что такое положеніе рабочихъ есть могучій факторъ преступности [1]). Точно также и Принсъ главной причиной преступ-

[1]) „Экономическое положеніе, благопріятный или неблагопріятный видъ котораго прежде всего теперь принимается въ соображеніе въ вопросѣ о развитіи преступности, *есть общее состояніе рабочихъ классовъ*, ихъ положеніе не только въ финансовомъ, но и въ физическомъ, духовномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ. Неспособность къ работѣ вслѣдствіе возраста, болѣзни, инвалидности; безработица по своей винѣ или безъ вины; заработная плата и рабочее время, не обезпечивающія ни сохраненія силы, ни дальнѣйшаго развитія индивидуума: устройство помѣщеній которое губитъ не только здоровье членовъ семьи, но и нравственность ихъ, какъ вслѣдствіе безчинства молодыхъ рабочихъ и работницъ, приходящихъ на ночлегъ, такъ и вслѣдствіе тѣснаго сожитія взрослыхъ дѣтей между собою и съ родителями; условія работы, которыя вмѣстѣ съ семейной жизнью уничтожаютъ важнѣйшее основаніе всего нашего современнаго общественнаго строя,— эти и подобныя имъ другія обстоятельства составляютъ, по моему убѣжденію важнѣйшую группу неблагопріятно вліяющихъ на преступность факторовъ. Отсюда видно, что спокойная и твердо преслѣдующая свою цѣль поднятія положенія рабочаго класса соціальная политика является въ то же время наилучшей и наиболѣе дѣйствительной уголовной политикой". Съ этими словами Листа, сказанными имъ въ его лекціи: „Преступленіе, какъ соціально-

ности считаетъ современную систему распредѣленія богатства съ ея контрастомъ между крайнею нищетою и огромными богатствами, съ концентраціей собственности и капитала въ однихъ рукахъ, съ недостатками промышленной организаціи, предоставляющей пролетаріатъ игрѣ одного случая, съ дѣтьми бѣдноты выростающими на улицахъ и на «днѣ», куда никогда не проникаетъ лучъ благосостоянія физическаго или моральнаго, съ бюджетомъ рабочаго равнымъ бюджету арестанта, съ пролетаріатомъ въ первой боевой линіи, гибнущимъ ранѣе другихъ въ борьбѣ съ преступленіемъ и болѣзнями [1]).

патологическое явленіе" (Перев. 1904 г. стр. 13. Liszt. Das Verbrechen als sozialpathologische Erscheinung. 1899. 21 S.) соглашаются и криминалисты-соціалисты. Положеніе рабочаго класса и связь его съ преступностью не разъ привлекали къ себѣ вниманіе Листа, хотя подробно онъ не останавливался на этомъ вопросѣ. Такъ, въ указанной лекціи онъ высказалъ мысль о причинной зависимости между возрастаніемъ числа малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и ростомъ числа юныхъ преступниковъ (стр. 12). Въ этомъ же смыслѣ высказался онъ въ своей лекціи въ Будапештѣ „Strafrecht der Zukunft" (Budapest, 1892, 34 s.) и въ статьѣ „Die Aufgaben und Methode der Strafrechtswissenschaft", гдѣ онъ указывалъ на значеніе для преступности жилищнаго вопроса (Zeitschr. f. d. ges. Strafrechtswis. XX B. 171 s.).

[1]) Послѣдствіями контраста между богатствомъ и пауперизмомъ Принсъ („Преступность и общество") считаетъ развитіе въ низшихъ слояхъ общества алчности, ненависти и зависти, а въ высшихъ эгоизма, равнодушія и безнравственности. „Въ низшихъ слояхъ, говоритъ авторъ, гдѣ кишатъ несчастные, нарождаются голодные преступники, снѣдаемые отчаяніемъ и ненавистью, создаются алкоголики, всякіе нарушители порядка, бродяги, ненавистники работы и мономаны, дѣйствующіе по указаніямъ своего развинченнаго организма. Здѣсь можно встрѣтить всѣхъ тѣхъ, кто не щадитъ ни чужой собственности, ни жизни, ни чести, ни нравственности, такъ какъ все это блага, не имѣющія для нихъ никакой цѣны, никакого смысла. Наоборотъ, въ высшихъ слояхъ общества можно встрѣтить людей, изнемогающихъ подъ тяжестью своего богатства и могущества, субъектовъ съ разстроенными нервами, виверовъ и кутилъ, влачащихъ свое безполезное существованіе съ характеромъ паразитизма,—все типы подобно неврастеникамъ низшихъ классовъ, несомнѣнно приближающіеся къ вырождающимся, нравственно помѣшаннымъ и преступникамъ". (Ук. соч. стр. 22). Особенное значеніе придаетъ Принсъ труду и, сочувственно цитируя Руссо, Мирабо, Луи Блана и нѣкоторыхъ другихъ, считавшихъ праздность преступленіемъ, полагаетъ, что бездѣльничаніе дѣлаетъ человѣка эгоистичнымъ, подлымъ, жестокимъ и неспособнымъ отличать добро отъ зла (тамъ же стр. 22). См. также: Prins: Criminalité et répression 13 p.

Къ этимъ взглядамъ Листа и Принса на причины преступности примыкаетъ значительное большинство криминалистовъ соціологической школы, объединившихся въ международный союзъ криминалистовъ, основанный въ 1889 году по иниціативѣ Листа (тогда профессора въ Марбургѣ), Принса и амстердамскаго профессора Ванъ Гамеля. Хотя при своемъ образованіи Союзъ и не ставилъ себѣ задачи быть проводникомъ какого-нибудь одного изъ существовавшихъ направленій въ уголовномъ правѣ, однако было признано полезнымъ выработать въ цѣляхъ большой успѣшности научной дѣятельности объединившихъ программу для общей работы членовъ Союза. Второй пунктъ составленной программы содержалъ тезисъ, что преступленіе есть продуктъ внутреннихъ причинъ (антропологическихъ) и соціальныхъ. Логическимъ послѣдствіемъ такого признанія было принятіе Союзомъ другого тезиса о необходимости бороться съ преступленіемъ мѣрами предупредительнаго характера, путемъ воздѣйствія на причины, вызывающія преступность, т. е. главнымъ образомъ соціальными реформами. Эти два тезиса, несмотря на первоначальное желаніе основателей Союза не замыкаться въ предѣлы какой-нибудь одной докрины, довольно опредѣленно выяснили отношеніе новаго общества къ юридическому, классическому направленію, на что и было обращено вниманіе нѣкоторыми криминалистами, отказавшимися вступить въ число членовъ Союза. Такъ, отказались отъ вступленія Lucchini, Rolin, Heinze, Merkel, Stenglein, Hagströmer. Одни изъ нихъ упрекали Союзъ въ игнорированіи принциповъ юридической школы, другіе нашли, что положенія Международнаго Союза Криминалистовъ ведутъ къ соціалистическому строю и обременяютъ государство невозможными задачами [1]). Недовольство программою замѣчалось и въ средѣ самихъ

---

[1]) Полемику противниковъ и защитниковъ Союза см. у *Lilienfeld*: „Die Intern. Kriminalistische Vereinigung und ihre Zielpuncte“ (Zeitschr. für die ges. Straf. 14 Band, 686—704); *Rolin:* l'Union internat. de droit pénal, ses bases, ses travaux et les novateurs du droit pénal (Révue de droit internat. et de legislation comparée XXII, 1890, 195—249; *Lucchini*: Rivista penale, XXIX vol. 299: *Lucchini:* Le droit penal et les nouvelles theories. Paris, 1892, 3—4 pp.; *Stenglein:* Gerichtsaal 49 B., 139—156 Ss.; *Stoss und Liszt*: Die Intern. Krimin. Verein. u. ihre Zielpunkle (Zeitschr. fur d. g. Strafr. 14 B., 611—622 Ss).

членовъ Союза и уже на восьмой годъ своего существованія Союзъ сдѣлалъ въ своемъ статутѣ, по предложенію Листа, нѣкоторыя измѣненія. Эти измѣненія состояли въ сокращеніи программы: было исключено изъ нея нѣсколько тезисовъ, относившихся къ вопросамъ наказанія и классификаціи преступниковъ и добавлено, что преступность и средства борьбы съ нею должны быть разсматриваемы столько же съ антропологической и соціологической стороны, сколько съ юридической. Такимъ образомъ, въ программѣ какъ будто была сдѣлана нѣкоторая уступка юридическо-классической школѣ. Справедливость требуетъ признать, что Союзъ не исполнилъ своей программы, т.-е. юридическому изученію преступленія онъ удѣлилъ значительно болѣе вниманія, чѣмъ соціологическому [1]). Особенно мало вниманія было удѣлено вопросу о соціальныхъ причинахъ преступности. Это послѣднее обстоятельство было признано и самимъ проф. Листомъ на С.-Петербургскомъ конгрессѣ Союза [2]). Впрочемъ, указанія на это были сдѣланы еще и ранѣе: на Лиссабонскій съѣздъ былъ представленъ Weinrich'омъ проэктъ раздѣленія Союза на три секціи, съ тѣмъ, чтобы вторая изъ этихъ секцій «соціальная и политическая» или «секція соціальныхъ реформъ» взяла на себя спеціальную задачу соціологическаго изученія преступности и средствъ борьбы съ нею [3]). Но это дѣленіе не было принято.

---

[1]) Въ программу международныхъ съѣздовъ Союза до сихъ поръ не былъ включаемъ ни одинъ вопросъ, относящійся къ ученію о факторахъ преступности. Лишь на лиссабонскомъ конгрессѣ въ 1897 г. былъ непосредственно затронутъ вопросъ о факторахъ преступности рѣчью René Worms: „L'école et le crime" и въ 1902 году на С.-Петербургскомъ конгрессѣ была произнесена рѣчь Листомъ „Les facteurs sociaux de la criminalité". Программные же вопросы въ большинствѣ случаевъ стояли, по выраженію самого Листа, на нейтральной почвѣ; таковы были вопросы: „о краткосрочномъ заключеніи", „о денежныхъ штрафахъ", „о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ преступленія", „объ организаціи статистики рецидива", „какимъ образомъ возможно достичь при лишеніи свободы, особенно краткосрочномъ, наибольшихъ результатовъ?" „о нарушеніяхъ, ихъ опредѣленіи и репрессіи", „о ссылкѣ", „о вліяніи старческаго возраста на уголовную отвѣтственность" и др.). Bulletin de l'Union Intern. du droit pénal 1890 и слѣд.

[2]) Liszt: Les facteurs sociaux de la criminalité (Bul. dell'Union 11 v.).

[3]) Кромѣ этой „секціи соціальныхъ реформъ" Weinrich предлагалъ двѣ другія „юридическую секцію" и „статистическую"; первая должна была

Если вопросъ о причинахъ преступности не встрѣтилъ себѣ должнаго вниманія въ трудахъ Союза, то не болѣе посчастливилось и другому вопросу о тѣхъ общественныхъ реформахъ, которыя, по собственному признанію отдѣльныхъ членовъ Союза и согласно его программы, являются могущественными средствами въ борьбѣ съ преступностью. Эти вопросы о реформахъ затрагиваются лишь въ работахъ нѣкоторыхъ членовъ Союза и при томъ только попутно. И хотя за эти короткія, мимоходомъ брошенныя замѣчанія главнымъ образомъ Листа и Принса и было возведено обвиненіе на Союзъ въ стремленіи къ соціалистическому строю, но тѣмъ не менѣе и въ данномъ случаѣ въ вопросѣ о реформахъ—различіе между соціалистическимъ направленіемъ въ уголовномъ правѣ и тѣмъ, котораго придерживается Союзъ, а въ частности Принсъ и Листъ, очень существенно: первые говорятъ о радикальной ломкѣ всего существующаго капиталистическаго строя и о замѣнѣ его новымъ, въ которомъ не должно быть «ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни работодателей, ни голодныхъ», а вторые ограничиваютъ свои предложенія болѣе или менѣе скромными реформами безъ мысли о ломкѣ существующаго строя, но съ желаніемъ облегченія его тягостей для тѣхъ слоевъ населенія, которые отъ этихъ тягостей особенно сильно страдаютъ. Криминалисты-соціалисты утверждаютъ, что установленіе экономическаго равенства, соціализація средствъ производства приведутъ почти къ полному уничтоженію преступности [1]).

изучать уголовныя законодательства, пенитеціарный режимъ и т. п., а „статистическая“ секція—изучать результаты, достигнутые въ борьбѣ съ преступностью. (Bullet. de l'Union Intern. du droit pénal 6 vol. 407—408 p.p.).

[1]) Такъ Felice: Principii di sociologia criminale. Milano, 1902, въ главѣ: „Il socialismo e la delinquenza“ набрасываетъ картину современнаго строя и противополагаетъ ему соціализацію производства, которая приведетъ къ побѣдѣ надъ преступностью: съ уничтоженіемъ рабства, говоритъ авторъ, исчезли преступленія, бывшія общераспространенными: поврежденіе чужой собственности изъ одной страсти къ разрушенію, сцены кровавой жестокости, безпрестанныя возстанія—всѣ тѣ послѣдствія низкаго моральнаго уровня, который позволялъ господину бить и убивать рабовъ; французская революція, провозгласивъ равенство всѣхъ передъ закономъ, нанесла ударъ старому феодальному рабству и вмѣстѣ съ нимъ исчезли преступленія этого соціальнаго строя, построеннаго болѣе на мечѣ сильнаго, чѣмъ на правѣ человѣческаго рода; современный соціализмъ ведетъ войну съ наиболѣе сильными причинами

Но нѣкоторые противники указаннаго направленія не только не соглашаются съ этимъ положеніемъ Турати и его политическихъ и научныхъ единомышленниковъ, но утверждаютъ, что соціализмъ самъ является могущественнымъ факторомъ преступности. Такъ, Eugène Rostand въ своей брошюрѣ: «Criminalité et Socialisme» говоритъ объ отрицательномъ значеніи соціализма, какъ средства борьбы съ преступностью и находитъ, что оспариваемая имъ доктрина приводитъ къ увеличенію преступности, такъ какъ въ школѣ, при воспитаніи дѣтей, она отказывается отъ принциповъ религіозной морали; въ прессѣ распространяетъ противообщественные софизмы противъ частной свободы и собственности и противъ другихъ истинъ, являющихся цементомъ цивилизованныхъ обществъ; въ области репрессіи отвергаетъ личную отвѣтственность; она колеблетъ весь общественный порядокъ, возбуждая антагонизмъ классовъ и отвергая всякіе авторитеты; отрицаніемъ загробной жизни она отнимаетъ у бѣдныхъ людей надежду на будущее блаженство и толкаетъ ихъ къ преступленію» [1]).

На эти обвиненія криминалисты соціалистическаго крыла соціологической школы отвѣчаютъ цифрами. Для выясненія вопроса о соотношеніи роста соціализма и преступности Calajanni обратился къ статистикѣ Италіи и Германіи и сравнилъ число преступленій по различнымъ избирательнымъ округамъ съ числомъ поданныхъ голосовъ за депутатовъ-соціалистовъ и консер-

---

преступности: „ecco perchè credo che, socialisti e sociologi, fesiologi e criminalisti, uomini di mente ed uomini di cuore, debbano tutti mirare verso un punto luminoso dell'avenire: la necessità di pronte ed impellenti riforme sociali è il socialismo che appare, cosi, non perchè voluto da una scuola, o da un interesse, ma perchè reclamato da necessità sociali imprescindibili!" (124—137 pp.). Также и Ферри полагаетъ, что съ установленіемъ коллективистическаго строя исчезнутъ преступленія, которыя вызываются теперь вырожденіемъ на почвѣ бѣдности и лихорадочной борьбой за богатство, но останутся острыя формы преступности, связанныя съ личнымъ патологическимъ состояніемъ: Ferri: Socialisme et science positive. Paris. 1896, 197—199 p.p.; Ferri: Socialismo e criminalità 1883 cap. VI Un sogno del socialista e la realtà d'un sociologo criminalista. Вопроса о преступности въ соціалистическомъ строѣ коснулся и Менгеръ: L'Etat socialiste. Paris. 1904. 208—216 p. p. См. также Turati: o. c.

[1]) Eugène Rostand. Paris. Publications du Comité de défense et de progrès social. № 13, p. 15—16. Также Prinzing: Der Einfluss der. Ehe auf die Kriminalität des Mannes. Zeitschr. f. Sozialwissenschaft, 1899, 121 s.

ваторовъ. Колаянни признаетъ, что его методъ имѣетъ нѣкоторые недостатки, а именно: 1) соціалистическая пропаганда распространяется между мужчинами и женщинами и несовершеннолѣтними, но женщины и несовершеннолѣтніе не имѣютъ избирательнаго голоса; 2) не всѣ совершеннолѣтніе мужчины имѣютъ избирательное право; 3) не всѣ записанные избиратели пользуются своимъ правомъ (на выборахъ 1900 года въ Италіи голосовало 58,3%, а въ Германіи 68,1% въ 1898 году); 4) наоборотъ, вся масса населенія мужчины, женщины, дѣти, грамотные, неграмотные, богатые, бѣдные участвуютъ въ совершеніи преступленій; 5) въ Италіи существуетъ союзъ народныхъ партій (unione dei partiti popolari) и случается, что республиканцы и демократы даютъ свои голоса соціалистамъ, а эти—республиканцамъ и демократамъ. Несмотря на эти недостатки избраннаго метода, число голосовъ, поданныхъ за соціалистическихъ депутатовъ, все же служитъ показателемъ степени распространенности соціалистической доктрины въ томъ или другомъ избирательномъ округѣ. За основаніе своей работы Колаянни беретъ цифры преступности въ Италіи за 1896—1898 гг. и число голосовъ, поданныхъ за соціалистическихъ депутатовъ при общихъ выборахъ въ 1900 году [1]). Слѣдующая таблица показываетъ число принимавшихъ участіе въ выборахъ и число голосовъ поданныхъ за соціалистовъ.

---

[1]) Colajanni: Socialismo e Criminalità. Rivisto Populare di politica, letterè e scienze sociali. Napoli № 1, 2, 4, 8. См. также Social. crim. II v. „fattori sociali“ и докладъ его Амстердамскому Конгрессу Уголовной Антропологіи о соотношеніи преступности и соціализма.

Таблица I.

Общіе выборы 1900 г.			
Округа.	Голосовало всего.	Число голосовъ за соціалистовъ.	% отнош. голосовъ за соціал.
Piemonte.........	202381	43811	21.64
Liguria......	52152	10619	20.54
Lombardia	192036	34954	18.20
Veneto...........	111743	12079	10.80
Emilia и Romagna.	99264	26306	26.60
Marche	39413	2609	6.59
Umbria...........	26016	1885	7.24
Tascana..........	115485	18654	16.15
Lazio............	37973	1937	5.10
Abruzzi e Molise..	50479	1019	2.01
Campagnia	107934	6375	5.90
Puglie	71295	2084	2.84
Basilicata.........	14308	72	0.00
Calabrie..........	42284	200	0.40
Sicilia	86510	2209	2.66
Sardegna.........	19788	183	0.90
Вся Италія......	1269061	164946	8.26

Слѣдующая таблица показываетъ среднее ежегодное число различныхъ преступленій, приходившихся въ періодъ 1896—1898 гг. на каждую сотню тысячъ жителей въ Италіи. Колаянни приводитъ здѣсь цифры насилій и сопротивленій властямъ, убійствъ, поврежденія здоровья, грабежа, кражъ, мошенничествъ и преступленій противъ нравственности [1]).

Таблица II.

Среднее ежегодное число преступленій въ Италіи въ періодъ 1896—1898 на 100000 жителей.

Округа.	Насилія сопротивленія властямъ.	Противъ нравственности.	Убійство.	Поврежденіе здоровья.	Грабежъ и др.	Кражи.	Обманъ и мошенничество.
Piemonte.........	24.81	9.70	5.35	126.67	6.99	253.65	44.97
Liguria	50.22	16.56	7.64	193.29	7.64	397.21	87.80
Lombardia........	27.41	11.35	2.93	135.37	5.19	307.89	69.33
Veneto...........	30.07	9.36	2.74	115.35	3.29	273.59	43.37
Toscana..........	43.37	11.90	5.71	162.32	9.69	306.89	56.15
Emilia	34.92	9.48	4.96	115.74	7.79	342.48	48.24
Marche ed Umumbr.	45.34	11.56	8.52	252.96	5.31	357.11	47.42
Lazio	122.05	25.89	13.92	457.05	16.16	776.87	172.46
Compagnie e Molise	77.24	36.17	24.23	497.41	15.87	447.97	98.52
Basilicata	39.22	29.37	16.78	401.50	6.93	538.13	49.62
Abruzzi	68.31	33.90	17.40	515.62	5.47	662.97	54.39
Puglie........	66.18	43.67	15.43	448.60	6.78	522.54	79.77
Calabrie..........	66.07	43.89	19.87	598.80	9.30	563 02	73.81
Sicilia	58.37	45.83	28.38	366.42	29.77	495.05	96.37
Sardegna.........	81.99	22.88	27.31	275.98	25.92	1067.84	188.05
Италія..........	50.19	22.87	12.38	277.20	10.91	416.23	73.58

[1]) Итальянская уголовная статистика сообщаетъ числа поступившихъ донесеній о преступленіяхъ (reati denunciati).

На основаніи этихъ двухъ таблицъ Колаянни составляетъ третью сводную, выясняющую степень преступности въ различныхъ округахъ и развитіе соціализма.

Таблица III.

Мѣсто занимаемое округами Италіи по степени распространенія соціализма и преступности.

Округа.	Соціализмъ.	Насилія сопротивленіе власти.	Противъ нравственности.	Убійства.	Поврежденіе здоровья.	Грабежъ.	Кражи.	Обманъ и мошенничество.
Emilia e Romagna.	I	IV	II	III	II	IX	V	IV
Piemonte..........	II	I	III	IV	III	VII	I	II
Liguria...........	III	VIII	VII	VI	VI	VIII	VII	XI
Lombardia.........	IV	II	IV	II	IV	II	IV	VIII
Toscana...........	V	VII	VI	V	V	XI	III	VII
Veneto............	VI	III	I	I	I	I	II	I
Umbria e Marche..	VII	VI	V	VII	VII	III	VI	III
Campagnia	VIII	XIII	XII	XIII	XIII	XII	VIII	XIII
Lazio	IX	XV	IX	VIII	XII	XIII	XIV	XIV
Puglio	X	XI	XIII	XI	XI	V	X	XX
Sicilia	XI	IX	XV	XV	IX	XV	IX	XII
Abruzzi e Molise..	XII	XII	XI	XI	XIV	IV	XIII	VI
Sardegna..........	XIII	XIV	VIII	XIV	XIII	XIV	XV	XV
Calabria..........	XIV	X	XIV	XII	XV	X	XII	IX
Basilicata.........	XV	V	X	X	X	XI	XI	V

Въ этой таблицѣ округа расположены въ порядкѣ постепенности по числу голосовъ, поданныхъ за соціалистическихъ депутатовъ, при чемъ въ первой графѣ цифрой I обозначенъ округъ Emilia e Romagna съ наибольшимъ числомъ соціалистскихъ голосовъ, а цифрой XV—округъ Basilicata съ наименьшимъ числомъ. Въ слѣдующихъ графахъ наибольшая преступность обозначена цифрой XV, а наименьшая I. Разсматривая строки этой

таблицы въ горизонтальномъ направленіи Колаянни находитъ, что о вліяніи соціализма на увеличеніе преступности не можетъ быть рѣчи, что его таблицы скорѣе доказываютъ обратное соотношеніе между соціалистической пропагандой и преступностью. Такъ, Veneto, занимающій шестое мѣсто по числу голосовъ, поданныхъ за соціалистическаго депутата, занимаетъ послѣднее мѣсто по числу убійствъ, поврежденій здоровья, грабежей, обмановъ, мошенничествъ и преступленій противъ нравственности, предпослѣднее мѣсто по числу кражъ и третье отъ конца по числу насилій и сопротивленій властямъ; Basilicata, занимающій послѣднее мѣсто по степени развитія въ немъ соціализма, отличается высокой преступностью (V мѣсто въ двухъ случаяхъ, X—въ трехъ, XI и VI). Соціалистическіе округа Emilia e Romagna, Piemonte и Lombardia отличаются слабою преступностью. Такъ, Emilia e Romagna—первый округъ по числу соціалистическихъ голосовъ—въ двухъ случаяхъ занимаетъ по числу преступленій предпослѣднее мѣсто, въ двухъ—четвертое, въ одномъ третье, пятое и девятое отъ конца. Но соціалистическій округъ Lombardia (III мѣсто) отличается высокой преступностью.

Авторъ разсматриваетъ затѣмъ преступность Италіи по провинціямъ (*provinzie*). Онъ раздѣляетъ ихъ на двѣ группы: въ первую входятъ тѣ, гдѣ за соціалистовъ было подано значительное число голосовъ, а во вторую такія, гдѣ число соціалистическихъ голосовъ было ничтожно. Опредѣливъ среднее число убійствъ (12.38 на 100.000 жителей), преступленій противъ нравственности (22 . 87), кражъ, грабежей и другихъ преступленій противъ собственности (500), Колаянни устанавливаетъ, что изъ 23 соціалистическихъ провинцій преступность противъ нравственности выше средней лишь въ одной, противъ собственности лишь въ трехъ и ни въ одной изъ нихъ число убійствъ не превышаетъ средняго размѣра [1]).

Наоборотъ, изъ двадцати трехъ провинцій [2]) съ наименьшимъ

---

[1]) Rivista popolare № 4, 95 p.

[2]) Эти провинціи слѣдующія: Aquila, Ascoli, Avillino, Bergamo, Brescia, Caltanissetta, Campobasso, Caserta, Catanzaro, Cogliari, Cosenza, Cuneo, Foggia, Girgenti Lucca, Lecce, Palermo, Potenza, Reggio, Calabria, Sassari, Treviso, Teramo, Traponi. Въ слѣдующихъ 23 провинціяхъ число голосовъ за соціа-

числомъ соціалистическихъ голосовъ, преступность противъ нравственности выше средней въ пятнадцати, противъ собственности—также въ пятнадцати и по числу убійствъ тоже въ пятнадцати провинціяхъ.

Такіе результаты изслѣдованія соотношенія соціализма и преступности очевидно опровергаютъ теорію Rostand о вліяніи соціализма на ростъ преступности [1]). Мы остановились на противоположныхъ взглядахъ Rostand и Colajanni, чтобы ярче подчеркнуть отличительныя черты ученія лѣваго соціалистическаго крыла соціологической школы о факторахъ преступности. Мы уже указали выше, что это глубокое различіе во взглядахъ криминалистовъ-соціалистовъ и другихъ сторонниковъ соціологическаго направленія на основную причину преступности и средство побороть ее, не исключаетъ возможности въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинаковаго разрѣшенія тѣми и другими вопросовъ о ближайшихъ факторахъ преступныхъ дѣяній. Къ изысканіямъ соціологической школы этихъ причинъ преступности мы и должны перейти теперь.

Однимъ изъ наиболѣе обстоятельныхъ трудовъ, посвященныхъ выясненію значенія соціальныхъ факторовъ преступности, является двухтомная работа уже цитированнаго нами ранѣе профессора Неаполитанскаго университета и депутата итальянскаго парламента Colajanni «Sociologia Criminale», вышедшая въ свѣтъ черезъ пять лѣтъ послѣ работы Турати и не безъ основанія привлекшая къ себѣ вниманіе криминалистовъ.

листовъ было значительно: Alesandria, Bologna, Como, Cremona, Firenze, Genova, Livorno, Mantova, Milano, Modena, Novara, Parma, Pavia, Piacenza, Pisa, Porto Maurizio, Ravenna, Reggio Emilia, Rovigo, Siena, Torino, Verona, Vicenza.

[1]) Вопросъ о значеніи соціализма и клерикализма былъ также затронутъ въ Бельгійской палатѣ депутатовъ вождями соціалистической и клерикальной партіи: Вандервальдомъ и Вустомъ. Вустъ указывалъ на недостаточность религіознаго воспитанія, какъ на главную причину преступности. Вандервельдъ находилъ, что число преступленій и проступковъ достигаетъ максимума въ католической Фландріи и минимума въ провинціяхъ, гдѣ преобладаютъ свободно мыслящіе и соціалисты „это зависитъ, говорилъ Вандервельдъ, отъ того, что въ провинціяхъ Генау, Намюрѣ и Лыжѣ матеріальное положеніе жителей лучше, а экономическія условія благопріятнѣе и заработная плата выше“. Annales parlementaires. Chamb. des représentaits, pp. 2263, Сеансъ 24 іюля 1895.

По своему научному и политическому направленію Колаянни близко примыкаетъ къ направленію Турати и его работа является попыткой доказать преобладающее, если не исключительное значеніе современнаго капиталистическаго строя, какъ фактора преступности.

Изъ двухъ томовъ La Sociologia Criminale наибольшее значеніе для характеристики лѣваго крыла соціологической школы представляетъ второй томъ, гдѣ авторъ разсматриваетъ вліяніе различныхъ факторовъ на преступность. Первый томъ, посвященный критикѣ уголовно-антропологической школы, имѣетъ для насъ второстепенное значеніе, но мы должны будемъ остановиться на тѣхъ его главахъ, гдѣ авторъ, при критикѣ ученія Ломброзо, высказываетъ свои основные взгляды на преступленіе и на его причины.

Въ первой главѣ Colajanni разрѣшаетъ вопросъ о содержаніи науки уголовной соціологіи, но со взглядами автора, выясняющими его отношеніе къ наукѣ уголовнаго права, мы уже имѣли случай познакомиться выше [1].

Вторая глава посвящена опредѣленію преступленія съ соціологической точки зрѣнія. Юридическое опредѣленіе, которое всегда легко можно дать, обратившись къ нормамъ дѣйствующаго законодательства, не можетъ удовлетворить соціолога, стремящагося выяснить самыя основанія квалификаціи преступными тѣхъ или другихъ дѣяній въ различные моменты исторіи народовъ.

Давать исключительно юридическія опредѣленія было постояннымъ свойствомъ классической школы. Но что выясняетъ такая, напримѣръ, формула, какую даетъ Каррара: «преступленіе есть положительное или отрицательное и нравственно вмѣняемое нарушеніе закона, обнародованнаго государственною властью для охраненія безопасности гражданъ» [2]. Оно насъ вводитъ лишь въ circolo vicioso: на вопросъ какія дѣянія наказуемы, оно отвѣчаетъ намъ: тѣ—которыя наказываются. Болѣе удовлетворяютъ

---

[1] См. у насъ стр. 20. сноску и Вульфертъ: Антропологo-позитив. школа угол. пр. въ Италіи 2 вып. 562 стр.

[2] La infrazione della lege dello stato promulgata per proteggere la sicurezza dei cittadini, risultante da un atto esterno del'uomo positivo o negativo, moralmente imputabile. Цитировано по Colajanni.

автора опредѣленія уголовно-антропологической школы, для которой преступленіе не юрическая сущность, но—фактъ, не нарушеніе (infrazione), но дѣяніе (azione), изучаемое какъ естественное явленіе въ его физическихъ, психическихъ и соціальныхъ условіяхъ. Впрочемъ опредѣленія многихъ сторонниковъ ученія Ломброзо далеки отъ совершенства, и ни формула Ферри, ни формула Гарофало не удовлетворяютъ вполнѣ Колаянни. Такъ, Ферри обращается къ свойству мотива: дѣяніе преступно, если мотивъ незаконенъ, противообщественъ и оно не преступно, если мотивъ законенъ и соціаленъ [1]). Но очевидно, что такое опредѣленіе не можетъ быть принято уже потому, что въ него входитъ признакъ (свойство мотива), самъ требующій опредѣленія и опредѣляемый согласно господствующаго мнѣнія общественной единицы, въ которой совершено дѣяніе. Значительный шагъ дѣлаетъ впередъ Гарофало. Его заслуга та, что онъ не квалифицируетъ дѣянія преступными только потому, что ихъ считаетъ такими кодексъ, но ищетъ основанія квалификаціи въ нравственныхъ чувствахъ, пріобрѣтенныхъ цивилизованною частью человѣчества. Оскорбленіе средняго размѣра—la misura media—сострраданія — pietà и честности—probita и составляетъ преступленіе.

Таково очень краткое изложеніе Колаянни ученія Гарофало объ естественномъ преступленіи. Нельзя не признать, что такая краткость изложенія не позволяетъ уяснить себѣ ясно сущность теоріи Гарофало. Между тѣмъ Гарофало остановился на этомъ вопросѣ чрезвычайно подробно, посвятивъ ему значительную часть своего труда [2]). Гарофало, какъ и Colajanni, выясняетъ недостаточность для соціологіи опредѣленія преступленія юридическою школою и задается цѣлью дать понятіе «естественнаго преступленія» — delit naturel. Естественнымъ преступленіемъ авторъ называетъ не тѣ преступныя дѣянія, которыя всегда были и будутъ. Такихъ дѣяній нѣтъ: ересь и колдовство—преступленія среднихъ вѣковъ—теперь исчезли; самыя тяжелыя теперь преступленія, напримѣръ, отцеубійство, были нѣкогда долгомъ сыновней любви дикихъ народовъ. Мы никогда не найдемъ естественнаго пре-

[1]) Ibid 50 p.

[2]) Garofalo: La Criminologie Paris 1895. Первая глава (1—50 стр.): Le delit naturel.

ступленія, если будемъ искать его лишь среди дѣяній. Не въ анализѣ дѣяній, но въ *анализѣ чувствъ* нужно искать его. Преступленіе, по мнѣнію автора, всегда вредное дѣйствіе, но въ то же время оскорбляющее какое-либо изъ тѣхъ чувствъ, которыя принято называть моральнымъ чувствомъ человѣческой агрегаціи [1]). Моральное чувство находится въ непрестанномъ развитіи; оно различается въ своемъ развитіи по эпохамъ и народамъ, отсюда—различія въ идеѣ безнравственности, безъ которой вредныя дѣйствія никогда не разсматривались какъ преступныя. Гарофало оставляетъ въ сторонѣ доисторическаго человѣка, о которомъ мы ничего не можемъ знать въ интересующемъ насъ отношеніи, и ограничиваетъ свое поле изслѣдованія цивилизованною частью человѣческаго рода. Если мы обратимся къ современному обществу, то найдемъ у него извѣстныя правила поведенія, общія всѣмъ классамъ и особенныя для каждаго: «все установлено, начиная отъ самыхъ торжественныхъ церемоній и кончая манерой здороваться и одѣваться, отъ фразъ, которыя надо говорить въ извѣстныхъ обстоятельствахъ до тона, которымъ ихъ нужно произносить. Возмущающихся противъ этихъ правилъ называютъ эксцентриками, или невѣжами, дурно воспитанными, смѣшными людьми; они возбуждаютъ насмѣшки или сожалѣніе, иногда презрѣніе. Многія вещи, позволенныя въ одномъ классѣ и обществѣ, строжайше запрещены въ другихъ. Традиція, воспитаніе и постоянные примѣры заставляютъ насъ слѣдовать правиламъ поведенія безъ разсужденія, безъ розысканія ихъ основаній» [2]).

Выше всѣхъ этихъ искусственныхъ и спеціальныхъ законовъ стоятъ другіе болѣе общіе, проникающіе во всѣ общественные классы, какъ солнечный лучъ пронизываетъ всѣ части сосуда съ водою. Но какъ лучъ испытываетъ различное преломленіе въ зависимости отъ различной плотности среды, такъ точно и общія правила подвергаются различнымъ измѣненіямъ въ каждомъ слоѣ общества. Въ этихъ принципахъ, называемыхъ собственно моралью, время производитъ лишь очень медленно из-

---

[1]) „Le crime, en effet, est toujours une action nuisible, qui en même temps blesse quelquesuns de ces sentiments, qu'on est convenu d'appeler le sens moral d'une agrégation humaine (ibid 5 p.).

[2]) Ibid 13 p.

мѣненія и чтобы найти ихъ настоящіе контрасты приходится обращаться къ народамъ прошедшихъ временъ или много ниже стоящихъ насъ по своей цивилизаціи. Какія же это чувства? Это не будутъ ни чувства чести, ни стыдливости, ни религіозное чувство, ни патріотизмъ. Что касается патріотизма, то теперь не считается безнравственнымъ предпочитать чужую страну своей. То же и религія: добродѣтели могутъ жить въ сердцѣ, потерявшемъ вѣру. Чувство стыдливости измѣнчиво до безконечности: такъ считается неприличнымъ для свѣтской дамы быть декольтированной при утреннемъ визитѣ и, наоборотъ, требуется обнажить грудь и плечи на балу; японскія женщины изъ простонародья купаются въ бочкахъ на улицѣ, а женщины цивилизованныхъ народовъ въ особыхъ костюмахъ, какіе стыдно надѣть въ другое время и т. д. Наконецъ, чувство чести менѣе всего поддается опредѣленію: у каждаго общественнаго класса, каждой семьи, почти у каждаго человѣка есть свое понятіе чести.

Итакъ, не въ оскорбленіи патріотизма, религіозности, стыдливости и чести, этихъ измѣнчивыхъ, появлявшихся и исчезавшихъ человѣческихъ чувствахъ надо искать понятіе естественнаго преступленія. Альтруизмъ — вотъ чувство, которое находится въ различной степени развитія у различныхъ народовъ и у различныхъ классовъ одного и того же народа, но встрѣчается вездѣ, кромѣ очень небольшого числа дикихъ трибъ. Проявленіе альтруизма можно свести къ двумъ типамъ: bienvellance—благорасположенія и la justice—справедливость. Первичная форма этихъ чувствъ была выраженіемъ эгоистическихъ чувствъ. Инстинктъ индивидуальнаго сохраненія распространился сначала на семью, потомъ на трибу и медленно развился въ чувство симпатіи къ нашимъ ближнимъ: къ людямъ той же трибы, страны, той же расы и затѣмъ всякой расы. Такимъ образомъ чувство любви и благорасположенія въ первое время—чувство его—альтруистическое и оно становится дѣйствительно альтруистическимъ лишь съ того момента, когда не опредѣляется болѣе узами крови [1]).

Обращаясь къ детальному анализу благорасположенія, авторъ задается цѣлью найти въ немъ часть дѣйствительно необходимую

---

[1]) Ibid 21—22 p.p.

для морали и притомъ въ нѣкоторомъ родѣ общую всѣмъ [1]). Гарофало останавливается на чувствѣ жалости (la pitié) или гуманности; оно проявляется въ отвращеніи къ причиненію другимъ: 1) физическихъ страданій, а также и 2) моральныхъ и оно же приводитъ насъ къ 3) дѣйствіямъ облегченія страданія другихъ. Двѣ первыя формы проявленія гумманности—отрицательныя, а третья—положительная форма—достояніе рѣдкихъ людей. Только первыя двѣ формы встрѣчаются почти у всѣхъ людей и поэтому только ихъ оскорбленіе можно разсматривать, какъ преступленіе [2]).

Жалость, утверждаетъ Гарофало, была чувствомъ общимъ всѣмъ народамъ; она удерживала отъ жестокихъ дѣйствій и общество всегда разсматривало ея нарушенія, какъ вредныя дѣйствія. Но при ея изслѣдованіи не надо забывать исторіи ея развитія, постепеннаго расширенія понятія того, что мы зовемъ нашими ближними: еретиковъ жгли не потому что въ тѣ вѣка не существовало чувства жалости, но потому, что на нихъ, какъ не бывшихъ ближними католиковъ, не распространялось чувство жалости.

Точно также и отцеубійство у древнихъ народовъ не было преступленіемъ потому, что было не оскорбленіемъ чувства жалости, но ея проявленіемъ, долгомъ сыновней любви, требованіемъ религіи и пр. Дѣтоубійство у спартанцевъ не считалось также преступленіемъ, потому что это была не вредная, не безполезная жестокость, которую только и запрещаетъ альтруизмъ, а мѣра, предписанная закономъ для общественнаго блага [3]). На этомъ же основаніи не преступленіе и смертная казнь: она преслѣдуетъ полезныя цѣли и не вызываетъ въ массѣ той жалости, какъ убійство.

Другое чувство, которое оскорбляется преступленіемъ—la justice. Оно также имѣетъ степени; высшая изъ нихъ деликатность—la délicatesse, достояніе лишь нѣкоторыхъ людей, а средняя

---

[1]) Il nous faut analyser un peu plus profondément cet instinct de bienveillance pour en distinguer les différents degrérs et en découvrire la partie vraiment nécessaire à la moralité, et qui est en quelque sorte universelle (ibid 23 p.)

[2]) Ibid 28 p.

[3]) Ibid 33 p.

степень, противуположная эгоистическому чувству собственности, называется la probité — честность [1]). Она менѣе инстинктивна, чѣмъ la pitié и болѣе чѣмъ послѣдняя зависитъ отъ примѣровъ, воспитанія, соціальной среды. Это чувство оскорбляется, напримѣръ, поддѣлкою монеты и контрофакціей, обогащающей всѣхъ, кромѣ автора изобрѣтенія.

На основаніи всего изложеннаго Гарофало приходитъ къ приведенному выше опредѣленію естественнаго преступленія какъ оскорбленія чувства жалости и честности въ томъ ихъ среднемъ размѣрѣ, въ какомъ обладаетъ ими общество [2]).

Въ однихъ случаяхъ понятіе естественнаго преступленія шире, а въ другихъ уже преступленія по закону. Такъ, не являются естественными преступленіями политическія преступленія (если они не соединены съ убійствомъ и другими общими преступленіями) и адультеръ, такъ какъ ими не оскорбляется ни чувство честности, ни жалости. И, наоборотъ, отсутствіе у родителей заботы о дѣтяхъ, не считающееся преступленіемъ по закону, причисляется авторомъ къ числу естественныхъ преступленій.

Возвращаясь снова къ труду Колаянни мы находимъ у него слѣдующую критику опредѣленія Гарофало и его собственную формулу. Подъ опредѣленіе Гарофало не подходитъ добрая половина (una buona metà) преступленій и автору поэтому приходится создавать на ряду съ настоящими преступниками еще delitti artificiali — искусственныя преступленія — и не настоящихъ преступниковъ (che non sono veri delinquenti).

Опредѣленіе Гарофало постоянно съ каждымъ днемъ удаляется отъ дѣйствительности, такъ-какъ кругъ дѣяній считаемыхъ преступными растетъ по мѣрѣ того, какъ усложняются общественныя отношенія. Начинаютъ разсматриваться какъ проступки нѣкоторые способы пользованія собственностью,

---

1) Ibid 36 p.

2) Nons pouvons conclure... qu'un acte nuisible soit considéré comme criminel par l'opinion publique c'est la lésion de cette partie du sens moral qui consiste dans les sentiments altruistes fondamentaux, c'est a dire la pitié et la probité. Il faut de plus, que la violation blesse, non pas la partie supérieure et la plus délicate de ces sentiments, mais la mesure moyenne dans laquelle ils sont possédés par une communauté". (Ibid 38—39 p.).

санкціонированные законами прошлаго времени, но считаемые теперь уже злоупотребленіемъ правомъ собственности. Таковы законы о трудѣ, этой единственной собственности рабочихъ; правда пока онъ охраняется не строго, но охрана его растетъ. Чувства pietà и probità не могутъ быть признаны универсальными не во времени ни въ пространствѣ. Спартанцы восхваляли кражи, въ Аѳинахъ воспѣвали содомію, въ Римѣ отецъ имѣлъ право убивать своихъ дѣтей, мужъ жену, хозяинъ раба и т. д. Дѣлая эти возраженія Колаянни забываетъ, что Гарофало отнюдь не думалъ искать критерія преступности въ самихъ дѣяніяхъ, ни даже въ чувствахъ «sentimenti», какими они являются теперь. Чувство pieta и probita развивались въ исторіи человѣчества и при оцѣнкѣ поведенія спартанцевъ по отношенію къ воровству или права римскаго отца семейства на убійство дѣтей, жены и раба, надо вставать не на точку зрѣнія морали XIX вѣка, но вѣка Спарты и Рима.

Мы полагаемъ, что Гарофало, совершенно неправильно обошелъ полнымъ молчаніемъ вопросъ о способахъ опредѣленія этой средней величины нравственнаго чувства, столь различной въ одинъ и тотъ же моментъ у одного и того же общества. Въ Америкѣ въ большомъ ходу—линчеваніе т.-е. расправа—самосудъ надъ заподозрѣнными въ преступленіи. Входитъ ли линчеваніе въ понятіе естественнаго преступленія, какъ оскорбляющее среднее чувство народной морали или не входитъ? Должны ли для рѣшенія этого вопроса мы обратиться ко всему американскому обществу или къ отдѣльнымъ классамъ, составляющимъ его, и если къ классамъ, то къ какимъ изъ нихъ? Такія трудности должны возникать при рѣшеніи вопроса о преступности и многихъ другихъ дѣйствій. Примѣрное разнесеніе самимъ Гарофало дѣяній на естественно преступныя, оскорбляющія pietà и probità и на естественно не преступныя бездоказательно и голословно. Если на опредѣленіе Гарофало смотрѣть какъ на указаніе пути, по которому надо итти при отысканіи естественнаго преступленія, то нельзя не признать что путь этотъ почти «непроходимый» по своей трудности. Но и самое ядро теоріи—выборъ двухъ чувствъ, какъ основанія квалификаціи дѣяній преступными или непреступными—отличается несомнѣнною ис-

кусственностью. Съ такимъ же успѣхомъ можно доказывать, что человѣческое общество обладаетъ и другими чувствами, не менѣе древними, чѣмъ жалость и честность. Таково, напримѣръ, чувство эгоизма или указываемое Тардомъ [1]) чувство уваженія или страха передъ общественнымъ мнѣніемъ, столь же различнымъ у различныхъ классовъ и слоевъ населенія, какъ и честность и жалость. Гарофало полагаетъ, что мы не имѣемъ права различать чувство средней жалости и честности отъ общественнаго мнѣнія. Но эти понятія не всегда совпадаютъ: дѣяніе не оскорбляющее чувство жалости и справедливости, можетъ быть запрещаемо общественнымъ мнѣніемъ по соображеніямъ ничего общаго съ жалостью и справедливостью не имѣющимъ.

Обращаясь къ своему опредѣленію Колаянни говоритъ, что истинно соціологическимъ опредѣленіемъ будетъ лишь то, которое не опускаетъ изъ вниманія эволюціи общества. Оно должно охватывать преступность древнюю, современную и будущую, т.-е. преступленія народовъ варварскихъ и цивиливованныхъ. Основная мысль Гарофало—обратиться къ средней морали должна быть, по мнѣнію Колаянни, удержана, такъ какъ составляетъ критерій применимый ко всякому обществу па всѣхъ ступеняхъ его развитія [2]). Но оскорбленіе средняго моральнаго чувства общества можетъ совершаться въ двухъ направленіяхъ: одни оскорбляютъ его потому что не доросли до него, другіе потому что стоятъ выше его. Отсюда несогласія между меньшинствомъ и большинствомъ: первые—преступники, вторые—геніи и мученики мысли (genî e martiri del pensiero): первые находятъ постоянное проклятіе, вторые—преклоненіе потомства [3]).

Что бы получить опредѣленіе, охватывающее всѣ категоріи дѣяній, считаемыхъ въ данный моментъ преступными и потому

[1]) Tarde: La criminalité comparée. Gorafalo: La Criminalogie. 1895. 63—64 p. p.

[2]) Colajanni Ibid 60 p.

[3]) „Onde le disarmonie morali tra le minoranze e le maggioranze, sono formate dai detriti psicologici della storia (delinquenti) e dai prematuri rampoli benegli stati futuri (genî e martiri del pensiero). Le ribellioni dei primi non trovano che la perenne maledizione: la ribellione dei genî è destinata all'odorazione dei posteri“ (Battaglia La dinamica del delitto Napoli: 1886). ibid. 61—62 p. p.

наказуемыми, хотя они и не оскорбляютъ никакого альтруистическаго чувства, авторъ обращается къ самой жизни—vita, понимаемой въ широкомъ смыслѣ въ ея продолжительности (durata) и интенсивности (intensitá). Для правильнаго развитія общественной жизни необходимо установленіе извѣстныхъ границъ индивидуальной дѣятельности. Отсюда Колаянни даетъ слѣдующее понятіе преступленія: наказуемыми дѣяніями (преступленіями) являются тѣ, которыя вызываются индивидуальными и антисоціальными мотивами, нарушаютъ условія жизни и оскорбляютъ среднюю мораль даннаго народа въ данное время [1]).

Достоинство своего опредѣленія Колаянни видитъ въ слѣдующемъ: 1) оно содержитъ всѣ необходимые признаки; 2) исключаетъ неправильное дѣленіе преступленій на настоящія и не настоящія, т. е. наказуемыя, но въ дѣйствительности непреступныя; 3) оно охватываетъ преступленія примитивнаго общества, современнаго-цивилизованнаго и будущаго, которое будетъ альтруистичнѣе и моральнѣе нашего; 4) оно объясняетъ отсутствіе отвращенія къ нѣкоторымъ преступленіямъ и то удивленіе, какое они возбуждаютъ въ послѣдующей стадіи нравственнаго развитія.

Опредѣленіе Колаянни, какъ и опредѣленіе Гарафало, представляетъ попытку дать такую формулу, которая обнимала бы преступленія не только настоящаго времени, но также прошедшаго и даже будущаго. Оба автора смотрятъ на преступность какъ на такое явленіе, которое остается и останется, по крайней мѣрѣ въ своей сущности, неизмѣннымъ на протяженіи всей человѣческой исторіи. Для нихъ преступленіе—естественное явленіе и требуетъ такого же точнаго и яснаго опредѣленія, какими служатъ въ физикѣ формулы плотности, жидкости, или газа.

Ближайшими поводами къ новымъ, предпринятымъ криминалистами, изысканіямъ послужило ихъ недовольство старымъ юридическимъ или формальнымъ понятіемъ преступленія, какъ дѣянія запрещеннаго подъ страхомъ наказанія. Однако, до сихъ поръ не одна изъ работъ по уголовной соціологіи не брала за

---

[1]) Sono azioni punibili (delitti) quelle determinate da moventi individuali e anti-sociali che turbano le condizioni di vita e contravvengono allea moralita media di un dato popolo in un dato momento. Ibid. 64 p.

основаніе своихъ изысканій понятіе естественнаго преступленія. Сами авторы новыхъ соціологическихъ опредѣленій преступленія, какъ будто совершенно забывали ихъ и оперировали въ своихъ трудахъ всегда съ юридическимъ преступленіемъ. Впрочемъ, большему сомнѣнію подлежитъ *самая возможность* воспользоваться опредѣленіями Колаянни и Гарофало. Опредѣленіе средняго размѣра жалости, честности или средней морали общества въ различные моменты его исторіи представляетъ такія трудности, которыя едва ли могутъ быть преодолимы и вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ изслѣдователю широкій просторъ для такого личнаго усмотрѣнія, примѣръ котораго мы видимъ и въ «Criminalogie» Гарофало. По мнѣнію этого автора смертная казнь не оскорбляетъ средняго чувства жалости общества, но иначе думаетъ Arambюru, указывающій Гарофало на тѣ агитаціи, которыя начинаются въ Испаніи въ пользу осужденнаго при каждомъ приговорѣ къ смертной казни. Гарофало отвѣчаетъ, что совершенно обратное явленіе замѣчается «въ странахъ цивилизованныхъ не менѣе Испаніи», что въ Англіи, Франціи общественное мнѣніе требуетъ смертной казни, что въ Цинцинати произошелъ кровавый бунтъ, когда присяжные дали въ своемъ вердиктѣ снисхожденіе обвиняемымъ въ убійствѣ [1]). Но спрашивается, какія были основанія у автора предполагать, что выразительницею общественнаго мнѣнія въ Цинцинати была толпа, требовавшая казни убійцъ, а не тѣ представители общества, которые въ качествѣ присяжныхъ не допустили смертной казни? Трудности при опредѣленіи требуемой Колаянни *средней морали*—неизмѣримы и онѣ тѣмъ болѣе велики, что эта мораль не одинакова въ различныхъ классахъ общества, какъ это признаетъ и самъ Колаянни.

Вторымъ признакомъ преступнаго дѣянія Колаянни указываетъ свойство мотива, его антисоціальность. Но онъ не объясняетъ какъ должна пониматься антисоціальность. Гарофало, яркій представитель консервативной партіи въ Италіи, защитникъ узкихъ буржуазныхъ интересовъ, конечно, понимаетъ общественное благо иначе, чѣмъ соціалистъ Колаянни, а этотъ послѣдній иначе, чѣмъ анархистъ Казеріо. Съ точки зрѣнія какой же политической доктрины мы должны оцѣнивать свойство мотива:

---

[1]) Garofalo: o. c. 66 p.

первой ли еще господствующей, но постепенно теряющей свою силу, второй ли, возрастающей или третьей, еще только народившейся? Если, при опредѣленіи свойства мотива, стоять на точкѣ зрѣнія господствующей въ каждый данный историческій моментъ партіи, то нельзя не признать, что соціологическое опредѣленіе Колаянни, «годное для всѣхъ временъ», является почти столь же неопредѣленнымъ, какъ и юридическое. Что касается пригодности этого опредѣленія для прошедшихъ временъ, то извѣстно, что законодательства при квалификаціи дѣянія преступнымъ или непреступнымъ придавали до сихъ поръ рѣшающее значеніе объективной, а несубъективной сторонѣ, и не обращали на мотивъ должнаго вниманія.

Т. о. въ заключеніе нашего разбора мы должны признать, что Колаянни не достигъ поставленной имъ цѣли: дать ясное опредѣленіе преступнаго дѣянія.

Вслѣдъ за опредѣленіемъ преступленія слѣдуетъ у Colajanni ученіе о преступникѣ. Криминалистъ-соціологъ признаетъ, какъ и уголовно-антропологическая школа, совершенно необходимымъ изслѣдованіе вопросовъ, относящихся къ самому преступнику: существуютъ ли какія нибудь индивидуальныя особенности, предрасполагающія къ преступленію, правда-ли, что существуетъ типъ преступника, какъ разновидности человѣческаго рода—вотъ вопросы, которые на ряду съ подобными же другими, даютъ содержаніе наукѣ уголовной антропологіи.

Colajanni разсматриваетъ затѣмъ соотношеніе между: 1) физической стороною и нравственною; 2) органами и ихъ функціонированіемъ и 3) особенно между строеніемъ черепа, умственнымъ развитіемъ и моралью.

Подробное антрополого-критическое изслѣдованіе этихъ вопросовъ, стоящее за предѣлами задачъ нашей работы, приводитъ автора къ выводу, что основныя положенія уголовно антропологической школы еще далеко не установлены и не доказаны, что Ломброзо слишкомъ поторопился сдѣлать окончательныя заключенія тамъ, гдѣ мы могли лишь сказать: «ignoramus» —не знаемъ. «Настоящій и здоровый позитивизмъ, говоритъ Colajanni, заканчивая критику этихъ положеній Ломброзо, долженъ

итти осторожно и особенно не гнаться за выводами и не спѣшить давать во что бы то ни стало гипотезы» [1]).

Разсмотрѣніе характерныхъ, по ученію уголовно-антропологической школы, особенностей преступника и противорѣчія, къ которымъ пришли въ этихъ вопросахъ послѣдователи Ломброзо и которые уже не разъ были отмѣчены многими его критиками, даютъ Колаянни право сказать, что характеръ преступника имѣетъ довольно относительное, почти ничтожное значеніе, если не пытаются опредѣлить и объяснить предрасположеніе къ преступности соціальными факторами, къ которымъ почти всѣ сторонники антропологической школы «и особенно Гарофало питаютъ такое большое презрѣніе» [2]).

При изслѣдованіи этихъ особенностей Colajanni указываетъ на ошибочность методовъ уголовной-позитивной школы, не изучившей нормальнаго честнаго человѣка и упустившей изъ вниманія соціальную среду. Самъ Colajanni постоянно пользуется каждымъ случаемъ, чтобы оттѣнить значеніе соціальныхъ условій въ образованіи особенностей преступника. Не останавливаясь на подробностяхъ антропологической критики Колаянни мы отмѣтимъ лишь основную черту его доктрины—выясненіе громаднаго значенія общественной среды. Когда уголовно—антропологи указываютъ на блѣдный цвѣтъ лица какъ на особенность преступника, онъ напоминаетъ о дурномъ питаніи низшихъ слоевъ населенія, откуда выходятъ преступники, о жилищахъ, лишенныхъ солнечнаго свѣта, гдѣ ютится бѣднота, о тюрьмѣ, гдѣ ему самому пришлось послѣ девяти мѣсячнаго заключенія (по политическому процессу) испытать превращеніе цвѣтущаго вида своего лица въ землянисто-желтый [3]). Когда Ломброзо и др. указываютъ на особенности роста и вѣса преступниковъ, Колаянни выдвигаетъ вліяніе и здѣсь тяжелыхъ соціальныхъ условій [4]). Когда Ломброзо видитъ въ особомъ языкѣ преступниковъ, проявленіе атавизма, Колаянни объясняетъ его принадлежностью преступниковъ къ

---

[1]) Ibid. 148—149.
[2]) Ibid. стр. 178.
[3]) Ibid. 218—219.
[4]) Ibid. 215.

одной профессіи—преступной и необходимостью обезопасить себя отъ преслѣдованій судебной власти [1]).

На утвержденіе уголовно-позитивной школы, что преступники отличаются спеціально имъ свойственною нечувствительностью къ боли Колаянни отвѣчаетъ указаніемъ на такую же терпѣливость къ боли всѣхъ классовъ, живущихъ ручнымъ трудомъ и подвергающихся то дѣйствію жары, то холода. Кто не знаетъ, спрашиваетъ авторъ, громадной разницы въ перенесеніи родовыхъ мукъ женщиною изъ простонародія и изъ высшихъ классовъ общества. Нечувствительность къ физической боли часто находится въ прямомъ соотношеніи съ родомъ жизни человѣка: женщина изъ простонародія приступаетъ къ домашнимъ работамъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ родовъ, а женщины изъ состоятельныхъ классовъ остаются по 8 дней въ постели и поправляются медленно; точно также доктора, производящіе операціи знаютъ съ какой терпѣливостью переноситъ страданія рабочій и съ какою болѣзненностью—люди другихъ классовъ [2]).

Условіями жизни объясняетъ Колаянни нечувствительность преступниковъ къ страданію другихъ: «она развивается у врачей, у служителей больницъ и анатомическихъ театровъ, у мясниковъ; сначала имъ приходится бороться съ возбужденнымъ въ нихъ зрѣлищемъ чувствомъ, но оно постепенно по мѣрѣ занятій той же профессіей пропадаетъ; преступникъ, вредящій своему ближнему, также привыкаетъ къ страданію. Кромѣ того чувство сostраданія находится въ связи со степенью умственнаго развитія индивида [3]).

Чувство мстительности также не исключительно принадлежащее преступнику качество: оно такъ же, какъ и чувство сострадания, находится въ связи съ общимъ состояніемъ культуры народа: вотъ почему мы находимъ наибольшее развитіе мести у жителей Корсики, Сардиніи, Калабріи, Албаніи и пр. [4]).

Что касается страсти къ спиртнымъ напиткамъ, къ разврату, игрѣ, то самъ Ферри призналъ наибольшее развитіе этихъ поро-

[1]) Ibid. 221.
[2]) Ibid 225—227.
[3]) Ibid. 227.
[4]) Ibid. 228.

ковъ среди городскихъ преступниковъ, т. е. тѣмъ самымъ призналъ не врожденность этихъ пороковъ, но пріобрѣтеніе ихъ въ силу соціальныхъ условій городской жизни.

Ломброзо приписываетъ преступнику особую страсть къ животнымъ. Но онъ забываетъ, что такую же любовь обнаруживаютъ къ птицамъ, обезьянамъ, собакамъ и кошкамъ монахи и итальянскіе солдаты; «причина этой привязанности къ животнымъ—одна и общая какъ у честныхъ людей, такъ и у преступниковъ: одиночество, недостатокъ семьи и общественныхъ отношеній»[1].

Преступныя сообщества, «каммора» и «маффія», объясняемыя Ломброзо, какъ результатъ врожденнаго преступникамъ стремленія къ преступному единенію, находятъ у Колаянни объясненіе условіями соціальной среды: тождественностью интересовъ, хотя бы и преступныхъ и необходимостью болѣе успѣшной борьбы съ полицейскою и судебною властями.

Palimsesti—знаменитыя надписи на тюремныхъ стѣнахъ—также не составляютъ, по словамъ Колаянни, исключительной особенности преступниковъ: чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно посмотрѣть на школьныя скамьи, университетскія парты и на стѣны памятниковъ: тамъ найдется такое множество надписей и притомъ и столь странныхъ, что на основаніи ихъ пришлось бы весь міръ засадить въ домъ сумасшедшихъ: онѣ продуктъ или бездѣйствія, или одиночества и представляютъ лишь капризныя развлеченія ума въ различные моменты жизни[2].

Бо́льшая склонность къ самоубійству у преступниковъ проистекаетъ не изъ какихъ либо ихъ особенностей, только имъ при-

---

[1]) Объясненіе любви преступниковъ къ животнымъ исключительно условіями тюремной жизни см. у Н. Соколовскаго въ его очеркахъ одиночнаго заключенія: „Изъ старыхъ воспоминаній и наблюденій“. Стр. 210, „На славномъ посту“.

[2]) Calajanni. Ibid. 231—232. Можно видѣть подтвержденіе этому объясненію Колаянни въ самомъ характерѣ многихъ изъ надписей. Такъ, на стѣнахъ одной одиночной тюрьмы читаемъ: „21.000 разъ я обходилъ свою камеру въ теченіи недѣли“; „въ этой комнатѣ 3330 камней“ или „въ этой комнатѣ 131 черныхъ и 150 красныхъ кирпичей“ и т. п. Гавелокъ Элли: „Преступникъ“. Перев., 133 стр., также Lombroso: Les palimsestes des prisons. Lyon. 1894.

сущихъ, но по той же причинѣ, по какой самоубійство распространено въ войскахъ: вслѣдствіе недовольства образомъ жизни[1]).

Какъ извѣстно Ломброзо и его послѣдователи придаютъ громадное значеніе существованію у преступника особой физіономіи, Колаянни же объясняетъ эту особенность преступника образомъ его жизни [2]).

Вообще ученіе о внѣшнихъ особенностяхъ преступника представляется Колаянни полнымъ противорѣчій какъ съ количественной стороны (fase quantitativa), такъ и съ качественной (qualitativamente). Подъ противорѣчіями количественными авторъ подразумѣваетъ ту различную степень распространенности преступныхъ признаковъ, которую нашли антропологи, а подъ качественными противорѣчіями—разногласія этихъ ученыхъ въ вопросѣ о томъ, какіе признаки отличаютъ преступнаго человѣка отъ непреступнаго [3]).

Не придя къ рѣшенію вопроса: каковы характерныя черты, отличающія преступнаго человѣка отъ честнаго, уголовно - антропологическая школа поспѣшила опредѣлить различные типы преступниковъ, соотвѣтствующіе различнымъ фор-

---

[1]) Colajanni. Ibid. 232 p.

[2]) Colajanni (233—241): кто хочетъ обманывать, тотъ, боясь быть выданнымъ своими глазами, смотритъ въ землю; кто идетъ на кражу и долженъ узнать расположеніе чужого дома, имѣетъ взоръ подвижной и живой; кто часто позволяетъ себѣ поддаваться чувству гнѣва, мести и ненависти, тотъ пріобрѣтаетъ жесткія, грубыя и отталкивающія черты". (234).

[3]) Что касается количественныхъ противорѣчій, то, напримѣръ, надбровныя дуги и лобныя пазухи выдаются у преступниковъ, по Ломброзо, въ 66,9 случаяхъ на 100, по Bordier въ 60, Heger и Dallemagne въ 13, а по Benedikt, Tenkate и Pavlowsky, Corre, Ardouin, Zennossek и Flesch—нуль. Аномаліи въ развитіи зуба мудрости: Ломброзо—57%, Lennossek 8% и всѣ остальные—0. Частичное или полное сращеніе швовъ: по Ломброзо—37%, Benedikt—53,8%, Tenkate и Pavlowsky 3,7%. Corre 22,2, Heger и Dallemagne 25,8; Lennossek—8,3, Flesch—0.

Тоже самое противорѣчіе видитъ авторъ и въ качественномъ отношеніи. Такъ Ломброзо считаетъ распространенною особенностью преступниковъ—ассиметрію черепа, но Топинаръ считаетъ ее нормальнымъ для человѣка явленіемъ, Marro считаетъ болѣе сильною рукою у преступниковъ правую, а Warnott лѣвую; Thompson и Vergilio опредѣляютъ вѣсъ преступника ниже средняго, а Ломброзо и Марро выше и пр. (Colajanni ibid. 250—255).

мамъ преступности. Но типъ—явленіе устойчивое. Между тѣмъ, значительная часть преступниковъ начинаетъ съ воровства, а кончаетъ убійствомъ [1]).

Если существуетъ типъ преступника, то объясненіе ему надо искать не въ атавизмѣ, но во вліяніи соціальной среды, въ воздѣйствіи на человѣка цѣлаго ряда условій, окружающихъ его со дня рожденія и во время его дѣтства, юношества и послѣ. Среда создаетъ типы моряка, крестьянина, горца и др., и профессія вырабатываетъ характерныя черты въ людяхъ, дающія намъ возможность распознать артиста, ученаго, священника и преступника. Типъ профессіональный—по удачному выраженію Тарда—интернаціональный типъ. Таковъ типъ преступника. Такъ какъ преступники живутъ всѣ подъ вліяніемъ одного и того же режима, принужденные притворяться, лгать, переходить отъ насилія къ униженію, жить въ бѣдности, развратѣ и лукавствѣ, то ихъ физіономіи, привычки и нравственный характеръ становятся одинаковыми. Соціальнымъ факторамъ въ самомъ широкомъ и точномъ смыслѣ слова обязанъ своимъ происхожденіемъ этотъ профессіональный типъ преступника [2]).

Авторъ останавливается на интересномъ сопоставленіи итальянскихъ провинцій по распространенію въ нихъ преступности и вырожденія. Онъ беретъ цифры убійствъ, преступленій противъ нравственности, семейнаго порядка и противъ собственности на 100.000 жителей въ каждой провинціи. Эти цифры онъ сопоставляетъ съ цифрами непринятыхъ на военную службу

---

[1]) По ученію Гарофало понятіе естественнаго преступленія характеризуется отсутствіемъ чувства состраданія (преступленія противъ личности) или справедливости (преступленія противъ собственности). Казалось бы, говоритъ Колаянни, что и типовъ преступниковъ должно быть два. Но Marro насчитываетъ ихъ одиннадцать и выдѣляетъ три группы характеровъ: 1) атавистическій характеръ (убійцы, насилователи, разбойники и воры, прибѣгающіе къ взлому); 2) характеры атипическіе (atipici) поджигателей и 3) характеры патологическіе (у преступниковъ обвиняемыхъ въ нанесеніи ранъ, у мошенниковъ, биржевыхъ игроковъ, домашнихъ воровъ и праздношатающихся) Colajanni 260.

[2]) Ibid. 359.

по тѣмъ же провинціямъ вслѣдствіе болѣзненности и различныхъ недостатковъ [1]).

Сопоставленіе указанныхъ цифръ приводитъ автора къ выводу, что преступность и вырожденіе находятся въ Италіи въ обратномъ соотношеніи; утверждать, что преступность—явленіе вырожденія также невѣрно, какъ было бы странно заявлять, что въ Италіи «въ настоящій моментъ физическое здоровье и лучшее органическое строеніе—самыя дѣйствительныя причины преступности и, наоборотъ, вырожденіе составляетъ лучшее условіе нравственнаго совершенствованія» [2]).

Разсмотрѣвъ ученіе Ломброзо объ особенностяхъ преступ-

---

[1]) Наибольшее число непринятыхъ на службу было въ Brescia 27%, Sondrio 26,95, Firenze 22,31; Bergamo 22,14, Livorno 20,47, Ferrara 20,48, Como 19,61, Montova 18,70, Padova 18,50, Pavia 18,17. Наименьшее число не принятыхъ въ Treviso 8,98% Avellino 9,32, Trapani 9,90, Ravenna 9,92, Xoggia 10,03, Girgenti 10 08, Rovigo 10,38, Caltanissetta 10,52, Lucca 10,80, Cosenza 10,85. Среди первыхъ десяти провинцій наибольшее число всѣхъ преступленій въ Livorno (1906 на 100.000), тамъ же наибольшее число преступленій противъ нравственности и противъ собственности (712). Въ Ferrara и Montova—maximum преступленій противъ собственности (679 и 542). Но только въ этихъ 3 провинціяхъ изъ первыхъ десяти наблюдается такое прямое соотношеніе между преступностью и числомъ непринятыхъ на службу. Наоборотъ, въ остальныхъ семи преступность развита наименѣе: такъ, въ Bergamo (603), Sondrio (565), Como (549) Pavia (532)—наименьшее число преступленій. Въ слѣдующихъ провинціяхъ былъ minimum непринятыхъ на военную службу, но высокая преступность: въ Avellino — maximum всѣхъ преступленій (1519), въ Caltanisetta maximum преступленій противъ добрыхъ нравовъ (31,53), противъ жизни (46,02), противъ собственности (525); въ Girgenti наибольшее число убійствъ 70.79 въ Cosenza и Treponi maximum убійствъ (38,12 и 40, 21), въ Treviso maximum преступленій противъ собственности (1035).

Въ итогѣ Colajanni находитъ параллельныя теченія преступности и вырожденія въ 4 провинціяхъ (Livorno, Ferrara и Mantova—maximum не принятыхъ на службу и преступности, а въ Lucca minimum того и другого); въ десяти провинціяхъ соотношеніе между преступностью и вырожденіемъ обратное, maximum непринятыхъ на военную службу и minimum преступности въ Bergamo, Sondrio, Como, Pavio; minimum забракованныхъ и maximum преступности въ Avellino, Coltanissetta, Girgenti, Traponi, Cosenza и Treviso.

[2]) Ibid. 315, 317—318.

ника и частью отвергнувъ наличность этихъ особенностей, а частью объяснивъ ихъ вліяніемъ соціальной среды, Колаянни посвящаетъ второй томъ своей Sociologia criminale разсмотрѣнію вліянія на преступность антропологическихъ, физическихъ и соціальныхъ факторовъ. Вѣрный своей точкѣ зрѣнія, выясненной нами выше, Колаянни послѣдовательно проводитъ ее и въ этой части своего труда и, отвергая рѣшающее значеніе антропологическихъ и физическихъ причинъ преступности, настаиваетъ на почти исключительномъ вліяніи факторовъ соціальнаго порядка.

Изъ факторовъ антропологическихъ авторъ останавливается на значеніи возраста, пола, гражданскаго состоянія, наслѣдственности и расы; изъ физическихъ причинъ онъ изучаетъ вліяніе климата и колебаній температуры и, затѣмъ, переходитъ къ разсмотрѣнію соціальныхъ факторовъ. Выдѣляя изъ группы соціальныхъ факторовъ причины экономическія Колаянни изучаетъ вліяніе послѣднихъ на различныя преступленія и заканчиваетъ этотъ отдѣлъ своего труда попыткою опредѣлить вліяніе на преступность воинъ, милитаризма, политическаго устройства и религіи.

Къ разсмотрѣнію антропологическихъ и физическихъ факторовъ Колаянни обращается лишь для того, чтобы показать насколько ошибочно преувеличено изслѣдователями значеніе этихъ факторовъ въ ущербъ дѣйствительному вліянію факторовъ соціальнаго порядка. Прежде чѣмъ перейти къ той части работы Колаянни, гдѣ онъ говоритъ о значеніи соціальныхъ и среди нихъ особенно экономическихъ причинъ, мы остановимся на критикѣ авторомъ ученій о вліяніи другихъ факторовъ.

Вліяніе на преступность возраста.

По мнѣнію Колаянни, если и можно признавать за возрастомъ какое-нибудь вліяніе на преступность, то лишь второстепенное. Нельзя, конечно, отрицать, что въ развитіи человѣческаго организма бываютъ такіе моменты, когда происходятъ

довольно рѣзкія физическія и психическія измѣненія; таково, напримѣръ, наступленіе эпохи зрѣлости у мужчины и особенно у женщины. Но утвержденіе, что возрастъ на всемъ пути своего развитія побуждаетъ человѣка совершать различныя преступленія, соотвѣтствующія той или другой возрастной эпохѣ, представляется разсматриваемому нами автору неправильнымъ. Неправильность такого утвержденія доказывается нѣсколькими соображеніями. Во-первыхъ, *склонность къ преступности различныхъ возрастныхъ группъ далеко не одинакова въ различныхъ государствахъ*. Такъ, максимумъ преступности въ Пруссіи приходится на возрастъ между 26 и 40 годами, а во Франціи на возрастъ до 24 лѣтъ. Авторъ приводитъ взятую имъ у Ферри (Nuovi Orizzonti) таблицу о числѣ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ въ возрастѣ до 20 лѣтъ [1]).

Таблица IV.

Число несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
Италія (1871—76)	8,8%	6,8%
Франція (1872—75)	10,0	7,6
Пруссія (1871—72)	2,8	2,6
Австрія (1872—75)	9,6	10,6
Венгрія (1874—76)	4,2	9,0
Англія (1872—77)	27,4	14,5
Шотландія (1872—77)	20,0	7,0
Ирландія (1872—77)	9,0	3,2
Бельгія (1874—75)	20,8	—
Голландія (1872—77)	22,88	3,7
Швеція (1873—77)	19,77	17
Швейцарія (1874)	6,7	7
Данія (1874—75)	9,9	9,6

Колаянни указываетъ, во-вторыхъ, на тотъ фактъ, что *склонность къ преступленію различныхъ возрастныхъ группъ населенія не одинакова въ различные годы*. Если бы возрастъ человѣка былъ

[1]) Colajanni o. c. 72—73 p. II v. Тардъ также указываетъ на эти цифры La philosophie pénale 1892, 312 p.

причиной преступности, то слѣдовало бы ожидать *постоянства* процента преступниковъ того или другого возрастнаго періода, но этого нѣтъ въ дѣйствительности. Такъ, во Франціи число обвиняемыхъ въ судѣ присяжныхъ распредѣлялось по возрасту въ 1825—1880 годы слѣдующимъ образомъ:

Таблица V.

Возрастъ обвиняемыхъ во Франціи.	1825—50	1851—60	1861—65	1866—69	1871—75	1876—80
Моложе 21 года ..	132	156	146	170	179	171
Отъ 21 до 40.....	624	556	545	540	543	531
Отъ 41 до 60.....	210	248	251	230	229	234
Старше 60 лѣтъ...	34	41	58	60	48	54
	1000	1000	1000	1000	1000	1000

Изъ этой таблицы авторъ усматриваетъ ростъ преступности юныхъ преступниковъ (моложе 21 года) и старыхъ (старше 60 лѣтъ) и уменьшеніе преступности населенія въ возрастѣ отъ 21 до 40 лѣтъ.

Если мы обратимся къ французской статистикѣ за послѣднія двадцать лѣтъ, то найдемъ слѣдующія свѣдѣнія о возрастѣ обвиняемыхъ въ судѣ присяжныхъ [1]).

Таблица VI.

Возрастъ обвиняемыхъ во Франціи.	1881—85	1886—90	1891—95	1896—00
Моложе 21 года..	180	160	170	180
Отъ 21 до 40 л...	560	580	560	570
Отъ 40 до 60 л...	220	220	230	210
Старше 60 л.....	40	40	40	40
	1000	1000	1000	1000

[1]) Compte général de l'administration de la justice criminelle de 1881 à 1900. Paris 1902, XI p.

Приведенныя въ V и VI таблицахъ цифры не поставлены въ соотношеніе съ числомъ населенія соотвѣтствующаго возраста и потому мы не можемъ говорить о колебаніяхъ преступности во Франціи, но несомнѣнныя измѣненія процента преступности мы находимъ въ другихъ государствахъ. Такъ, въ Германіи, начиная съ 1882 года, наблюдается быстрое возрастаніе числа юныхъ преступниковъ въ возрастѣ до 18 лѣтъ.

Таблица VII.

Германія [1]).

Число юныхъ преступниковъ въ возрастѣ до 18 лѣтъ.					
Годы.	Число юныхъ преступниковъ.	Или на 100.000 юнаго населенія.	Годы.	Число юныхъ преступниковъ.	Или на 100.000 юнаго населенія.
1882....	30719	568			
1883....	29965	549	1892....	46495	729
1884....	31342	578	1893....	43776	686
1885....	30704	560	1894....	45552	716
1886....	31513	565	1895....	44384	702
1887....	33113	576	1896....	44275	702
1888....	33067	563	1897....	45328	—
1889....	36790	614	1898....	47986	—
1890....	41002	663	1899....	47512	—
1891....	42312	672	1900....	48657	—

Основное положеніе Колаянни, что возрастъ не является причиной преступности, не раздѣляется многими и въ томъ числѣ Кетле, Герри и Неклюдовымъ, авторомъ извѣстнаго труда «Статистическій опытъ изслѣдованія физіологическаго значенія различныхъ возрастовъ человѣческаго организма по отношенію къ преступленію». Неклюдовъ находитъ, что возрастъ есть *общая «космополитическая» причина* преступности, что «вліяніе возрастовъ на количество преступниковъ одинаково для всѣхъ госу-

[1]) Kriminalstatistik für das Jahr 1900. Statistik des Deutschen Reichs, Neue Folge, Band 139, 39 s.

дарствъ»[1]). Но съ такимъ утвержденіемъ нельзя вполнѣ согласиться. Несомнѣнно, что нѣкоторыя преступленія преимущественно свойственны тому или другому возрасту, но это еще не значить, что возрастъ является въ этихъ случаяхъ причиною преступленій. Если женщина въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ особенно склонна къ совершенію преступленій дѣтоубійства, то причину этому надо искать не въ физіологическомъ вліяніи возраста, но въ соціальной средѣ, въ такъ-называемомъ общественномъ мнѣніи, которое клеймитъ позоромъ внѣбрачныя рожденія. Если бы причиной дѣтоубійства былъ возрастъ женщины отъ 20 лѣтъ до 40 лѣтъ, то женщины, состоящія въ бракѣ, должны были бы давать такой же процентъ дѣтоубійцъ, какъ и матери внѣбрачныхъ дѣтей, между тѣмъ онѣ почти совсѣмъ не совершаютъ этихъ преступленій. Точно также, по изысканіямъ Неклюдова, возрастъ отъ 25 до 30 лѣтъ отличается особою наклонностью къ политическимъ преступленіямъ, но опроверженіемъ значенія возраста, какъ физіологической причины политическихъ преступленій, является то обстоятельство, что наибольшее число политическихъ преступленій совершается въ различныхъ странахъ въ различные возрастные періоды: такъ, во Франціи наибольшее число политическихъ преступниковъ имѣютъ (вычисленія Неклюдова) отъ 25 до 30 лѣтъ, а въ Россіи отъ 21 до 25 лѣтъ[2]).

Таблица VIII.

Россія.

Возрастъ обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ.								
10—16	17—20	21—25	25—30	30—40	40—50	50—60	старше 60	всего.
0.8	18.8	35.4	22.4	14.1	5.3	2.1	1.1	100

[1]) Н. Неклюдовъ: Уголовно-статистическіе этюды. Спб. 1865, 50 и 52 стр.

[2]) Quelques renseignements statistiques sur les accusés de crimes contre l'état en Russie (Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie etc. 18v. 1903, 65—81 p. p. Приведенныя статистическія свѣдѣнія относятся къ пе-

Еще моложе возрастъ женщинъ, обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ: изъ 686 обвиняемыхъ громадное большинство было моложе 30 лѣтъ (561 или 82% на 100) [1]). Второстепенное значеніе возраста видно также изъ того факта, что различные общественные классы даютъ не одинаковый процентъ преступниковъ того или другого возраста. Точно также въ то время какъ дѣти, рожденныя внѣ брака, составляютъ во Франціи 7.5% на сто дѣтей рожденныхъ въ бракѣ, среди юныхъ преступниковъ насчитывается 14% мальчиковъ и 19% дѣвочекъ рожденныхъ внѣ брака [2]).

Точно также, возрастъ не можетъ быть признанъ причиной преступленій противъ собственности, такъ какъ всѣ возрастные періоды даютъ преступниковъ этой категоріи. Очевидно, какъ призналъ это и Неклюдовъ, рѣшающее значеніе здѣсь принадлежитъ неравномѣрности распредѣленія богатства въ современныхъ государствахъ.

Такимъ образомъ во всѣхъ указанныхъ случаяхъ физіологическое вліяніе возраста уступаетъ свое мѣсто другимъ болѣе сильнымъ вліяніямъ соціальнаго порядка. Къ такому выводу Колаянни пришелъ и Тардъ, полагающій, что «экономическія соображенія, нравы, понятія, искусственно развитыя потребности берутъ верхъ надъ естественными импульсами» не только въ отношеніи преступности, но и брака: «максимальный возрастъ для бракосочетанія и дѣторожденія опредѣляется соціальными причинами», «отъ нихъ же зависитъ и возрастъ максимума различныхъ преступленій». Въ Китаѣ неженатый молодой человѣкъ 20 лѣтъ вызываетъ удивленіе, а во Франціи считается неприличнымъ жениться ранѣе 30 лѣтъ. Въ Ирландіи открытіе картофеля вызвало быстрый ростъ населенія и т. д. [3]). Впрочемъ, и у Неклюдова, несмотря на его категорическое ут-

---

ріоду 1883—1890 гг. Русскіе офиціальные отчеты не публикуютъ этихъ свѣдѣній и потому нѣтъ возможности представить болѣе позднихъ данныхъ. Большинство обвиненій было разсмотрѣно въ административномъ порядкѣ.

[1]) Ibid, 69 p.

[2]) Joly Henri: La France criminelle. 2-me éd. 191 p.

[3]) Tarde: La philosophie pénale. 1892, 311 p.

верждение, что возрастъ является общей и космополитической причиной всей преступности и отдѣльныхъ преступленій, мы находимъ развитіе и другого положенія, ненаходящагося въ противорѣчіи съ теоріей Колаянни о значеніи соціальной среды: такъ, подлоги всего чаще совершаются въ возрастѣ отъ 30 до 35 лѣтъ, но главная ихъ масса, по словамъ Неклюдова, выпадаетъ на долю женатыхъ и вдовыхъ, а между ними преимущественно на долю лицъ, имѣющихъ дѣтей. Политическія преступленія свойственны возрасту отъ 30 до 35 лѣтъ, но исключительно мужскому полу, такъ какъ они «обусловливаются главнымъ образомъ общественнымъ положеніемъ лица» и т. д. [1]).

Однако отрицать всякое значеніе возраста для преступности было бы совершенно не правильно. Среди малолѣтнихъ преступниковъ, напримѣръ, громадное большинство осуждено за тайныя похищенія и ничтожное количество за грабежи и подлоги; объясненія этому явленію надо искать въ свойствахъ дѣтскаго возраста, необладающаго ни достаточною физическою силою для открытаго нападенія на чужую собственность, ни такимъ умственнымъ развитіемъ, какое необходимо для совершенія подлоговъ. Точно также мы не встрѣчаемъ стариковъ среди политическихъ преступниковъ; очевидно, старческій возрастъ даетъ въ данномъ случаѣ такіе сильные, задерживающіе стимулы, какими не обладаютъ зрѣлый возрастъ и молодость.

За указанными ограниченіями оттѣненіе Колаянни значенія соціальныхъ факторовъ сравнительно съ физіологическимъ вліяніемъ на преступность возрастныхъ періодовъ является правильнымъ, и уголовный политикъ долженъ признать, что возрастъ является не общей, не космополитической и не непоборимой причиной преступности, но такимъ факторомъ, который не можетъ устоять передъ силою соотвѣтствующихъ реформъ соціальной среды преступника.

---

[1]) Неклюдовъ: ук. соч. 97 стр.

Вліяніе на преступность пола.

Женщина совершаетъ преступленій менѣе мужчины. Такъ какъ Колаянни не приводитъ статистическихъ данныхъ, характеризующихъ ея участіе въ преступности, то мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Таблица IX.

Францiя [1]).

Среднее ежегодное число мужчинъ и женщинъ обвиняемыхъ въ судѣ присяжныхъ въ періодъ 1881—1900 гг.

	1881—1885		1886—1890		1891—1895		1896—1900	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%	Всего	%
Мужчинъ...	3767	86	3583	85	3389	84	2900	85
Женщинъ ..	615	14	646	15	631	16	500	15

Таблица X.

Францiя [2]).

Число мужчинъ и женщинъ обвиняемыхъ въ исправит. судахъ въ 1881 и 1900 гг.

	1881		1900	
	Всего	На 100 тысячъ населенія.	Всего	На 100 тысячъ населенія.
Мужчинъ	159080	1197	157951	1611
Женщинъ	26929	200	25238	179

---

[1]) Compte général de l'administration de la justice criminelle. Paris, MDCCCII, XIX p.

[2]) Ibid. L p. Свѣдѣній о полѣ обвиняемыхъ въ полицейскихъ судахъ не имѣется.

Таблица XI.

Бельгія [1]).

Число осужденныхъ мужчинъ и женщинъ за 1898—1900 гг.				
	1898	1899	1900	На 100 тысячъ въ 1900.
Мужчинъ	42073	45469	46159	1220
Женщинъ	12726	13822	13286	360

Участіе женщины въ совершеніи различныхъ преступленій въ Бельгіи видно изъ слѣдующей таблицы:

Таблица XII.

Бельгія 1900 г. [2]).

На 100 осужденныхъ приходилось.	Мужчинъ.	Женщинъ.
1. Преступленія и проступки противъ государственной безопасности и правъ огражденныхъ конституціей...	94.4	5.6
2. Поддѣлка монетъ, марокъ и пр....................	85.2	14.8
3. Подлогъ документовъ.........	89.8	10.7
4. Лжесвидѣтельство	67.6	32.4
5. Присвоеніе непринадл. званія, имени, чиновъ.........	87.1	12.9
6. Преступленія и проступки противъ обществ. порядка..	88.8	11.2
7. Преступленія и проступки противъ обществ. безопасн..	92.1	7.9
8. Преступл. и проступки противъ семейнаго порядка....	52.9	47.1
9. Преступл. и проступки противъ обществ. нравствен....	87.7	12.5
10. Убійство...	75.0	25.0
11. Нанесеніе ударовъ..	80.2	19.8
12. Посягательства на личность, свободу и нарушеніе частными лицами неприкосновенности жилища..........	91.1	8.9
13. Клевета и оскорбленія....................................	52.9	48.1
14. Вскрытіе писемъ...	—	100
15. Кражи..	57.3	42.7
16. Банкротство......	91.3	8.7
17. Мошенничество и злоупотребленіе довѣріемъ.........	76.7	23.3
18. Укрывательство похищеннаго............................	62.8	37.7
19. Поджогъ...	86.7	13.3
20. Поврежденіе имущества....................................	90.9	9.1
Всего..................	76.8	23.2

[1]) Statistique judiciaire de la Belgique. Troisième année. Bruxelles. 1902, XXV p.

[2]) Ibid. XXV p.

Таблица XIII.

Швейцарія 1892—1896 [1]).

На 10.000 мужск. и 10.000 женск. населенія приходилось осужденныхъ въ годъ.

Названіе кантона.	муж.	женщ.	муж. и женщ.
1. Цурихъ	26.4	3.3	10.0
2. Бернъ	25.9	8.3	17.0
3. Луцернъ	24.6	6.4	15.6
4. Ури	9.9	0.6	5.0
5. Швицъ	9.5	1.6	5.4
6. Унтервальденъ Верхній	27.2	3.2	15.1
7. Унтервальденъ Нижній	22.3	1.7	11.8
8. Гларусъ	10.3	1.7	5.7
9. Цугъ	33.7	7.5	20.0
10. Фрибургъ	6.8	0.6	3.7
11. Золотурнъ	31.9	5.1	18.1
12. Базель городской	22.0	3.8	11.8
13. Базель сельскій	68.0	5.8	36.0
14. Шафгаузенъ	27.4	5.5	15.8
15. Аппенцель I	16.6	2.1	9.1
16. Аппенцель II	26.6	3.3	14.6
17. С. Галленъ	21.9	3.6	12.4
18. Граубюнденъ	10.7	1.9	6.1
19. Аргау	20.8	2.5	11.1
20. Тургау	13.0	2.0	7.4
21. Тессинъ	5.5	0.3	2.6
22. Ваадтъ	23.1	2.4	12.7
23. Валлисъ	4.6	0.6	2.6
24. Неуенбургъ	24.8	4.6	14.1
25. Женева	11.5	0.4	5.5
Швейцарія	23.2	4.0	13.2

[1]) Schweizerische Statistik. 125 Lieferung. Die Ergebnisse der Schweizerischen Kriminalstatistik während der Jahre 1892—1896. Bern. 1900, 12 s.

Статистическія свѣдѣнія о движеніи преступности присылаются въ федеральное статистическое бюро съ 1892 года. Въ періодъ съ 1892 по 1896 г. было прислано 14612 карточекъ, изъ которыхъ 12384 о муж. и 2264 о женщ.

Въ Германіи, несмотря на то, что женское населеніе превышаетъ мужское (въ 1895 году насчитывалось 26.618.651 женщинъ и 25.661.250 мужчинъ) женщины даютъ въ 4—5 разъ меньше преступленій, чѣмъ мужчины.

Таблица XIV.

Германія [1]).

Число осужденныхъ мужчинъ и женщинъ съ 1882 по 1898 г. и въ 1900 г.					
Годы.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Годы.	Мужчинъ.	Женщинъ.
1882....	267353	62615	1891....	321657	69407
1883....	266693	63165	1892....	347050	75277
1884....	281637	64340	1893....	356232	74171
1885....	281728	61359	1894....	370388	75722
1886....	291434	61566	1895....	377214	76997
1887....	294642	61715	1896....	382432	74567
1888....	288481	62184	1897....	387054	76531
1889....	303195	66449	1898....	399839	77968
1890....	314192	67258	1900....	396975	72844

Участіе женщины въ совершеніи различныхъ преступленій въ Германіи видно изъ слѣдующей таблицы, которую мы составляемъ на основаніи отчета германской уголовной статистики за 1900 годъ.

[1]) Seuffert Hermann, prof.: Die Bewegung im Strafrechte während der letzten dreissig Jahre. Dresden. 1901, 12 s.

Kriminalstatistik fur das Jahr 1900. Statistik des Deutschen Reichs, Neue Folge, Band 139, II—47 s.

Таблица XV.

Германія 1900 г. [1]).

На 100 осужденныхъ мужчинъ за преступленія и проступки осуждено женщинъ.	
Насилія и угрозы чиновникамъ и пр.	6.1
Нарушеніе неприкосновен. жилищъ	11.4
Освобожденіе арестованныхъ вещей	36.1
Ложная присяга	42.4
Плотскія преступленія, насилованіе и пр.	0.7
Оскорбленія	35.2
Убійство предумышленное	27.1
Убійство	20.0
Тяжкое поврежденіе здоровья	7.9
Легкое поврежденіе здоровья	11.4
Угрозы и насилія	5.7
Воровство простое	35.6
Воровство квалифицированное	11.0
Присвоеніе	21.0
Грабежъ	2.5
Вымогательство съ угрозами	15.1
Пристанодержательство	49.7
Обманъ	20.6
Поддѣлка правит. и др. актовъ	20.2
Поврежденіе имущества	5.9
Поджогъ	21.6
Преступленія и проступки по должности	6.4
По всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ	18.3

[1]) Kriminalstatistik f. d. Jahr 1900. II 46—47 s. s.

Въ Англіи по переписи 1 апрѣля 1901 года женское населеніе превышаетъ мужское на 1,5% (51,5% женщ.), но женская преступность въ нѣсколько разъ ниже мужской.

Таблица XVI.

Англія 1893—1900 гг.[1]).

На 100 осужденныхъ приходилось женщинъ.		
Годы.	Дѣла вчинаемыя по обвин. акту.	Дѣла упрощ. произв.
1893.......	13,07	23,89
1894.......	12,95	23,50
1895.......	13,26	23,94
1896.......	11,75	23,58
1897.......	12,00	23,99
1898.......	11,82	23,66
1899.......	11,70	23,89
1900.......	11,51	24,67

Итакъ, вездѣ женщина участвуетъ въ совершеніи преступленій менѣе мужчины. Объясненія этому факту были даны различныя. Уголовно-антропологическая школа нашла, что женщина по своему анатомическому строенію стоитъ ниже мужчины и поэтому должна отличаться большею, чѣмъ онъ преступностью [2]).

---

1) *Bonger W. A.* Criminalité et conditions économiques. Amsterdam 1905, 521.

2) По изысканіямъ *Ломброзо* оказалось, что мозгъ женщины вѣситъ меньше, что сѣраго вещества въ немъ меньше, что въ крови меньше красныхъ шариковъ, что черепъ ея походитъ на черепъ ребенка, лобъ имѣетъ перпендикулярное направленіе, характерное для ребенка, лицо сравнительно съ черепомъ мало. Она несравненно чаще мужчины владѣетъ одинаково хорошо обѣими руками или бываетъ лѣвшой; осязаніе ея хуже (тонкое у женщины 16% у мужчины въ 31,5%, притупленное у женщины въ 25%, а у мужчины въ 6%), вкусъ у женщины болѣе грубый, а слухъ развитъ менѣе, чѣмъ у мужчины. Она лжива, скупа, относится легче къ страданіямъ другихъ и пр. *Lombroso und Ferrero.* Das Weib als Verbrecherin und Prostituirte. Uebers. von Kurella.

Но такъ какъ цифры уголовной статистики противорѣчили этому утвержденію, то Ломброзо и его послѣдователи обратились къ изученію проститутки и нашли, что проституція является эквивалентомъ преступности, что проститутка обладаетъ тѣмъ же преступнымъ типомъ, какимъ надѣлена преступница. Согласно другого мнѣнія, объясненія меньшей преступности женщины надо искать въ ея болѣе высокой нравственности [1]). Колаянни не примкнулъ ни къ одному изъ этихъ двухъ мнѣній и объяснилъ интересующее насъ явленіе исключительно причинами соціальнаго характера. Если бы женщина находилась, говоритъ онъ, въ одинаковыхъ съ мужчиною экономическихъ условіяхъ, она дала бы одинаковый съ нимъ процентъ преступности. Но исторія женщины существенно разнится отъ исторіи мужчины. Красною нитью черезъ всю жизнь женщины проходитъ ея приниженность и замкнутость въ кругъ домашнихъ обязанностей. Она сдѣлалась рабой ранѣе, чѣмъ появилось рабство; ея положеніе было особенно тяжко: самимъ рабочимъ она была третируема, говоритъ Бебель, какъ существо низшее [2]). «Эгоизмъ мужчины и его грубая сила заковали женщину въ желѣзныя цѣпи и не давали проявиться ея вліянію на общественную жизнь» [3]). Мы наблюдаемъ это явленіе и у дикарей и въ современныхъ обществахъ. На островахъ Таити женщина не должна прикасаться къ оружію и рыболовнымъ снарядамъ мужчины, не имѣетъ права появляться въ мѣстахъ общественныхъ сборищъ, не смѣетъ ѣсть пищу вмѣстѣ съ мужчинами. У Бирманцевъ она не имѣетъ права входить въ храмъ. У кафровъ женщинамъ запрещенъ входъ въ мѣста, гдѣ собираются мужчины [4]). У евреевъ въ десяти заповѣдяхъ женщина была поставлена наравнѣ со скотомъ и рабомъ. Съ распространеніемъ

---

[1]) См. *Зеландъ*: Женская преступность. С.-Пб. 1899 г. Рейнгардтъ: Женщина передъ судомъ уголовнымъ и судомъ исторіи. 2-ое изд. Каз. 1900 г.

[2]) *Bebel*: La femme dans le passé, le présent et l'avenir. Traduit par Ravé. Paris, 1891 p. 9

[3]) *Клара Цеткина*: Женщина и ея экономическое положеніе. Пер. съ нѣм. О. 1905, 3 стр. См. C. Zetkin: Geistiges Proletariat, Frauenfrage und Socialismus. Berl. 902. См. также *В. М. Хвостовъ*: Женскій вопросъ съ точки зрѣнія прав. филос. Науч. Сл. 905. № 1.

[4]) *Ломброзо и Ферреро*. Женщина преступница и проститутка. Перев. 2-ое изд. К. 1902, 166 и слѣд.

христіанства общественное положеніе женщины мало измѣняется: съ одной стороны повиновеніе жены мужу дѣлается священнымъ догматомъ, а съ другой развивается аскетизмъ, смотрящій на женщину съ глубокимъ презрѣніемъ. Въ средніе вѣка, когда семья продолжала собственными силами производить всѣ предметы потребленія, женщина не имѣла ни возможности, ни времени отлучаться отъ семейнаго очага и интересоваться общественными дѣлами, и потому кругъ ея интересовъ замыкался семьей и домашнимъ хозяйствомъ. Но въ тѣ же средніе вѣка народное невѣжество приписало ей широкое участіе въ области колдовства, и сотни тысячъ невинныхъ жертвъ погибли на кострахъ. Приниженное положеніе женщины и отрицаніе за нею права участія въ общественной жизни родной страны перешло въ новое время. Великая французская революція не занялась женскимъ вопросомъ. Когда, въ 1793 году, были провозглашены права человѣка и гражданина, парижанки потребовали провозглашенія правъ женщины и указывали, что, если она всходитъ на эшафотъ, то она должна имѣть право всходить и на трибуну. Эти требованія остались неисполненными. Когда немного спустя конвентъ объявилъ отечество въ опасности, парижскія энтузіастки предложили сформировать свой женскій отрядъ, но предложеніе было отклонено съ указаніемъ женщинѣ, что ея мѣсто у дѣтей, а не на площади[1]). Переворотъ, наступившій въ промышленности съ введеніемъ новой силы—пара, былъ началомъ переворота и въ положеніи женщины: развитіе крупнаго производства и распаденіе домашняго освободили женщину отъ прикованности къ семейному очагу и дали ей новое поле дѣятельности на фабрикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ женщина постепенно начала завоевывать себѣ и другія сферы труда. Однако и теперь ея правовое и политическое положеніе продолжаетъ носить на себѣ характерныя черты прежняго времени и чтобы достичь полнаго равенства съ мужчиною ей придется вести еще долгую борьбу.

Въ этой исторіи женщины и ея современномъ положеніи надо искать объясненіе ея меньшей преступности. Совершенно правильно Колаянни указываетъ, что преступность женщины разли-

[1]) Bebel o. c. 199—200 p. p.

чается по отдѣльнымъ государствамъ и по различнымъ годамъ, приближаясь къ преступности мужчины или отдаляясь отъ нея по мѣрѣ того, какъ соціальныя условія, въ которыхъ живетъ она, приближаются къ положенію мужчины или отличаются отъ него. Чѣмъ разнообразнѣе и кипучѣе жизнь человѣка, чѣмъ чаще ему приходится вступать въ сношенія съ другими людьми, тѣмъ болѣе у него шансовъ выйти изъ устанавливаемыхъ закономъ рамокъ и совершить преступленіе. Женщина, остающаяся замкнутой въ семейномъ кругу, неимѣющая доступа къ общественнымъ и правительственнымъ должностямъ, лишенная политическихъ правъ, фактически не можетъ совершать преступленій по должности, нарушать законы, регулирующіе осуществленіе избирательнаго права и т. п. Такъ, въ Германіи на сто осужденныхъ за преступленія по должности приходилось въ 1900 году всего 6,4 женщины; въ Бельгіи наименьшее количество осужденныхъ женщинъ на каждую сотню осужденныхъ мужчинъ приходится за преступленія и проступки противъ государственной безопасности и противъ правъ, огражденныхъ конституціей (5.5 на 100) и наивысшее за преступленія противъ семейственнаго порядка (47.1 женщинъ противъ 52.9 муж.); во Франціи въ 1900 году было 15 мужчинъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ противъ политическихъ правъ и ни одной женщины. Общая цифра женской преступности въ странѣ—тѣмъ ниже, чѣмъ болѣе замкнута жизнь женщины. Колаянни ссылается на ничтожную преступность женщины въ Алжирѣ сравнительно съ француженкой (4 женщины въ Алжирѣ и 14 во Франціи на 100 мужчинъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ), на болѣе высокую преступность англичанки, на низкую преступность испанки, далматки. Въ добавленіе къ этимъ цифрамъ можно указать на статистическія данныя о преступности женщины въ Россіи. Положеніе женщины въ Россіи далеко не одинаково въ различныхъ мѣстностяхъ и потому не одинаковъ и процентъ преступности въ различныхъ губерніяхъ: особенно незначительно число обвиненныхъ женщинъ въ губерніяхъ Таврической, Казанской, Уфимской, Оренбургской, т.-е. тамъ, гдѣ значительный процентъ населенія мусульманскаго исповѣданія и гдѣ женщина ведетъ совсѣмъ замкнутый образъ жизни. Наоборотъ наибольшій процентъ

преступности выпадаетъ на западъ Россіи: уѣзды Варшавскій, Петроковскій, Калишскій, Радомскій, Кѣлецкій [1]). Наименьшій процентъ преступности дала магометанка въ періодъ съ 1837 по 1846 гг. (по изысканіямъ Анучина): на сто ссыльныхъ мужчинъ протестантскаго вѣроисповѣданія приходилось 28,64 женщины протестантки, на 100 православныхъ мужчинъ 22,01 женщины, на сто раскольниковъ 14,91 раскольницъ и на сто магометанъ всего 1,33 магометанки. Анучинъ далъ вѣрное объясненіе наименьшей преступности женщины, совпадающее съ объясненіемъ Колаянни [2]). Соціальными причинами онъ объяснилъ также незначительную преступность магометанки: «основатель могометанства вложилъ въ коранъ все, чтобы совершенно удалить женщину отъ общественной жизни и сдѣлать изъ нея простую вещь, приковавъ эту вещь къ господину мужу. Укутунная въ чадру, замкнутая въ гаремѣ, пропитанная съ дѣтства самою рабскою покорностью къ мужчинѣ, привыкнувъ считать себя за вещь, которую можно покупать и продавать, магометанка лишена всякой возможности проявить свою дѣятельность въ какомъ бы то ни было отношеніи, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ» [3]).

Разсмотрѣніе тѣхъ преступленій, которыя всего чаще и всего рѣже совершаетъ женщина убѣждаетъ насъ въ правильности объ-

---

[1]) *Тарновскій*: Итоги русской уголовной статистики. Приложеніе къ Журн. Мин. Юст. 1899, 139—141 стр.

[2]) Различіе въ числѣ осужденныхъ обоего пола *г. Анучинъ* объясняетъ различіемъ въ образѣ жизни: для мужчины сдѣлаться преступникомъ гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ для женщины, потому же самому, почему для него вѣроятнѣе сдѣлаться жертвою нечаянной или неестественной смерти. См. Анучинъ Матеріалы для уголовной статистики Россіи. Изслѣдованія о процентѣ ссылаемыхъ въ Сибирь. Часть I. Тобольскъ 1866 г. 138 стр. Таково же объясненіе проф. *Фойницкаго*: „Женщина преступница“ Сѣв. Вѣст. 1893 р. № 2 и 3.

Тардъ, выдвигая значеніе соціальныхъ факторовъ въ преступности женщины отмѣчаетъ, что число женщинъ убитыхъ молніей въ теченіе десяти лѣтъ приблизительно вдвое менѣе числа убитыхъ мужчинъ: „не зависитъ ли это отъ болѣе замкнутой домашней жизни женщины? Во всякомъ случаѣ, это можетъ зависѣть лишь отъ особенностей ея соціальной и отнюдь, кажется. не физической жизни“. Tarde: la philosophie pénale.

[3]) Анучинъ: ук. соч. стр. 138.

ясненій Колаянни. Всего чаще она совершаетъ дѣтоубійство; въ Россіи на 70 осужденныхъ мужчинъ пришлось въ 1889—1893 гг. 3940 женщинъ, во Франціи 90 женщ. на 10 мужч. (1900 г.). Какъ было бы ошибочно объяснять незначительное участіе мужчины въ совершеніи этого преступленія его особою жалостью къ новорожденнымъ, такъ было бы невѣрно предполагать, что причиной дѣтоубійства является жестокость женщины. Наблюденія показываютъ, что дѣтоубійцами являются дѣвушки-матери, а это обстоятельство даетъ всѣ основанія утверждать, что дѣтоубійство имѣетъ своею главною причиною извѣстные взгляды современнаго общества на внѣбрачныя рожденія [1]).

Значительно участіе женщины въ совершеніи домашнихъ кражъ (по вычисленію Колаянни 60%). Этотъ фактъ вполнѣ объясняется указаннымъ выше семейнымъ положеніемъ женщины [2]).

Женщинѣ приходится, конечно, быть съ дѣтьми чаще чѣмъ мужчинѣ, а потому особенно велико число ея преступленій противъ дѣтей [3]).

Изъ занятій женщины внѣ домашняго хозяйства одно изъ самыхъ распространенныхъ торговля, и уголовная статистика отмѣчаетъ значительное число торговыхъ обмановъ, совершаемыхъ женщинами (46,3 на 100 во Франціи въ 1900 г. [4]).

Вмѣстѣ со многими криминалистами мы полагаемъ также, что, при объясненіи меньшей преступности женщины, не слѣдуетъ опускать изъ вниманія ея участія въ проституціи, вызываемой тѣми же соціальными причинами, какія порождаютъ преступность [5]). Передъ голодною женщиною, ненаходящей возможности жить трудомъ своихъ рукъ, остается кромѣ смерти, двѣ дороги, одинаково позорныя, но не одинаково опасныя: одинъ запрещенный закономъ путь преступности и другой легальный,

---

[1]) Compte général de l'admin. crim. Paris 1902.

[2]) Во Франціи за 1900 г. женщина совершила 8,9% всѣхъ vols-crimes (кражъ преступленій) и 22,3% домашнихъ кражъ (ibid).

[3]) Во Франціи на 100 муж.—119 женщинъ, обвиняемыхъ въ delits violances et attentas aux enfants (ibid. 62).

[4]) Ibid 56 p.

[5]) Ashaffenburg: Das Verbrechen und seine Bekämpfung. 1903, 130 s.

санкціонированный властью, путь къ проституціи. Несомнѣнно, что часть женщинъ, принужденныхъ выбирать изъ двухъ золъ одно, выбираютъ послѣднее.

Таково соціологическое объясненіе преступности женщины. Постепенное завоеваніе ею политическихъ правъ, расширеніе области ея труда приводитъ къ увеличенію ея преступности. Но было бы совершенно неправильно выдвигать это возрастаніе преступности, какъ аргументъ противъ равноправности женщины и мужчины, потому что этотъ аргументъ съ такимъ же правомъ можно примѣнить и противъ расширенія области дѣятельности мужчины. Правильная политика заключается въ томъ, чтобы создать такія условія, при которыхъ сократится до минимума всякая преступность, безразлично мужская она или женская. Однимъ изъ такихъ условій является уничтоженіе или уменьшеніе той розни, какую видимъ мы теперь въ борьбѣ за существованіе, когда идутъ «классъ на классъ, полъ на полъ, возрастъ на возрастъ» [1]).

Вліяніе на преступность семейнаго состоянія.

а) *Внѣбрачное происхожденіе.*

Подъ рубрикой Stato civile Колаянни разсматриваетъ въ числѣ антропологическихъ причинъ вліяніе на преступность незаконнорожденности и брака. Такъ какъ подъ бракомъ Колаянни разумѣетъ союзъ мужчины и женщины, санкціонированный властью, то правильнѣе было бы разсматривать вліяніе на преступность внѣбрачнаго происхожденія и брака среди соціаль-

---

[1]) Bebel o. c. 220—221 p. p.

О женской преступности см. кромѣ указанной литературы *Joly:* La France criminelle. XIV chap. *Майо Смитъ*: Статистика и соціологія. 289, 293 стр. *Corre*: Le crime dans les pays creoles; 79—81 p.p. *Tarde*: La criminalité comparée. *Oettingen*: Die Moralstatistik. 1882, 523 s. и др. *Lombroso et Lachi*: Le crime politique IIv. 5—13 p.p. *Georg S.* Die Weibliche Lohnarbeit und ihr Einfluss auf die Sittlichkeit und kriminalität. (Die Neue Zeit, 1899—1900, 747—758 ss.). *Гиршъ*: Преступленія и болѣзни, какъ соціальныя болѣзни. Перев. Спб. 1898.

ныхъ причинъ, какъ мы указывали это выше [1]). Но чтобы не нарушать порядка изложенія, принятаго въ трудѣ Колаянни, мы разсмотримъ вліяніе этихъ факторовъ теперь же.

Что касается вліянія на преступность внѣбрачнаго происхожденія, то Колаянни останавливается на немъ очень кратко. Приведя взятыя у Ломброзо статистическія данныя о числѣ незаконнорожденныхъ среди преступниковъ, Колаянни объясняетъ ихъ преступность вліяніемъ соціальныхъ условій, трудностью борьбы за существованіе рожденныхъ внѣ брака и отсутствіемъ надзора за ними въ дѣтствѣ. Эти причины были выдвинуты и главою уголовно-антропологической школы.

Процентъ незаконнорожденныхъ среди преступниковъ всегда выше процента незаконнорожденныхъ среди всего населенія отдѣльныхъ государствъ. Такъ, во Франціи среди юныхъ заключенныхъ насчитывалось въ 1894 и 1898 гг. свыше 11% рожденныхъ внѣ брака, а среди всего населенія Франціи незаконнорожденные составляли только 8.94% (въ 1894 г.) [2]). Въ Швейцаріи при 4.70% незаконнорожденныхъ среди всего населенія, процентъ таковыхъ среди преступниковъ достигъ 9.3 (въ 1892—1896)[3]). Въ Пруссіи (1891—1900 гг.) процентъ незаконнорожденныхъ среди заключенныхъ мужчинъ былъ 8.3 и 11.6, среди женщинъ 12.5 и 15.1, а среди всего населенія 7.81 (1887—1891 гг.)[4]). Въ Норвегіи, при 7.17% (1894 г.) незаконнорожденныхъ среди населенія страны, ихъ насчитывалось (въ 1899—1900 г.) среди заключенныхъ 12%[5])

б) Вліяніе на преступность брака.

Страницы труда Колаянни, посвященныя выясненію вліянія на преступность брака, являются наименѣе обработанными и выводы автора наименѣе обоснованными. Указывая числа холо-

---

[1]) 33 стр.

[2]) *Grosmolard*: Criminalité juvenile. Arch. d'anthr. crim. 1903, 155 p. *Aschaffenburg*: Das Verbrechen und seine Bekämpfung. 1903, 25 s.

[3]) Schweizeriche Statistik. 125 Lieferung. Bern. 1900, 34 s. Aschaffenburg o. c. 25 s.

[4]) *Bonger. W. A.* Criminalité et conditions économiques 1905, 557 p.

[5]) Ibid 553 p.

стыхъ, женатыхъ и вдовыхъ, Колаянни не ставитъ эти цифры въ соотношеніе ни съ численностью соотвѣтствующихъ группъ населенія, ни съ ихъ возрастомъ. Поэтому нѣкоторыя изъ тѣхъ положеній, къ которымъ пришелъ авторъ, носятъ скорѣе характеръ предположеній и догадокъ, не всегда оказывающихся правильными, нежели научныхъ выводовъ.

Колаянни полагаетъ, что лица, состоящія въ бракѣ (и особенно женщина) предохранены отъ преступленій болѣе, чѣмъ холостые. Они болѣе ограждены отъ преступленій, направленныхъ на чужую собственность, чѣмъ отъ преступныхъ дѣяній противъ личности. Однако было бы ошибочно придавать браку слишкомъ большое морализующее значеніе: меньшая преступность лицъ, состоящихъ въ бракѣ, объясняется, по мнѣнію Колаянни, въ значительной мѣрѣ особенностями положенія брачущихся еще до ихъ вступленія въ бракъ: для вступленія въ бракъ обыкновенно требуется нѣкоторая состоятельность; экономическія затрудненія, а также недостатки физическіе и духовные осуждаютъ человѣка на безбрачіе. Меньшую преступность замужней женщины Колаянни объясняетъ соображеніями экономическаго характера: замужняя женщина обыкновенно менѣе участвуетъ въ борьбѣ за существованіе и потому менѣе подвергается опасности совершать преступленія. Меньшее участіе лицъ, состоящихъ въ бракѣ, въ совершеніи преступленій противъ собственности, объясняется, по мнѣнію Колаянни, вліяніемъ приданаго, поиски котораго не останавливаютъ въ нашъ вѣкъ самыхъ юныхъ мужчинъ отъ противоестественныхъ браковъ со старухами [1]).

[1]) Колаянни приводитъ таблицу съ указаніемъ числа браковъ молодыхъ людей со старухами старше 50 лѣтъ, приходящихся на милліонъ браковъ во Франціи: изъ 769 брачныхъ паръ, въ которыхъ невѣста была старше 50 лѣтъ, женихи имѣли

отъ	18	до	20	лѣтъ	въ	64	бракахъ
„	20	„	25	„	„	109	„
„	25	„	30	„	„	151	„
„	30	„	35	„	„	188	„
„	35	„	40	„	„	257	„
				Всего . .		769	„

Нѣкоторые выводы Колаянни находятся въ противорѣчіи съ выводами Prinzing'а, автора двухъ спеціальныхъ работъ о вліяніи брака на преступность. Работѣ Принцинга должно быть отдано несомнѣнное преимущество уже потому, что онъ выясняетъ процентное отношеніе преступниковъ, состоящихъ въ бракѣ, холостыхъ и вдовыхъ (отдѣльно для каждаго пола) на сто тысячъ соотвѣтствующей части населенія и кромѣ того разбиваетъ каждую изъ изслѣдуемыхъ имъ группъ еще на нѣсколько группъ по возрасту [1]).

Результаты, къ которымъ пришелъ Принцингъ, представляютъ большой интересъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ являются совершенно неожиданными. Такъ, оказывается, что женщины, состоящія въ бракѣ, совершаютъ преступленій болѣе незамужнихъ.

Таблица XVII.

Германія 1882—1893 гг.[2]).

На 100.000 населенія каждой категоріи приходилось осужденныхъ.			
Возрастъ.	Незамужнія.	Замужнія.	Вдовы и разведенныя.
12—15 лѣтъ....	149,5	—	—
15—18 „	320,5	—	—
18—21 „	415,2	602,5	—
21—25 „	417,2	469,9	1339,3
25—30 „	440,7	454,5	1149,2
30—40 „	446,2	500,0	1029,9
40—50 „	334,7	468,2	709,9
50—60 „	221,5	299,5	369,2
Старше 60 „	102,2	133,4	111,2

[1]) *Friedrich Prinzing*, *dr.*: Der Einfluss der Ehe auf die Kriminalität des Mannes. Zeitschrift für Socialwissenschaft 1899, 2 B, 37—44, 108—126. *Prinzing*: Die Erhöhung der Kriminalität des Weibes durch die Ehe (ibid 433—450).

[2]) Ibid 437.

Чтобы выяснить причины этого явленія Принцингъ совершенно правильно приступаетъ къ детальному разсмотрѣнію участія женщины въ совершеніи различныхъ преступленій. Въ преступленіяхъ противъ собственности замужнія участвуютъ менѣе незамужнихъ:

Таблица XVIII.

Германія 1882—1893 гг.[1]).

На 100.000 населенія каждой категоріи приходилось осужденныхъ за преступленія противъ собственности.			
Возрастъ.	Незамужнія.	Замужнія.	Вдовы и разведенныя.
12—15 лѣтъ....	142,1	—	—
15—18 „	284,4	—	—
18—21 „	337,6	381,6	—
21—25 „	310,8	268,3	826,8
25—30 „	304,9	240,1	703,2
30—40 „	290,4	247,5	610,1
40—50 „	209,2	215,6	404,6
50—60 „	134,8	131,6	198,1
Старше 60 „	61,0	59,4	54,7

Изъ этой таблицы видно, что вдовы и разведенныя жены совершаютъ особенно много преступленій противъ собственности; объясненіе этому можно искать въ экономическихъ условіяхъ положенія вдовъ, теряющихъ вмѣстѣ съ мужемъ очень часто источникъ своего существованія. Что касается замужнихъ женщинъ, то ихъ преступность во всѣхъ возрастахъ, за исключеніемъ ранняго отъ 18 до 21 года, менѣе преступности незамужнихъ. Объясненіе этому слѣдуетъ искать, какъ это и сдѣлалъ Колаянни, въ томъ, что въ бракъ вступаютъ легче женщины, имѣющія хотя бы нѣкоторую имущественную достаточность. Но чѣмъ же объяснить въ такомъ случаѣ большую преступность молодыхъ женъ отъ 18 до 21 года? Этотъ фактъ не

[1]) Ibid 443.

былъ извѣстенъ Колаянни. Криминалистъ-соціалистъ Bonger, правильно раздѣляющій, по нашему мнѣнію, приведенное выше объясненіе Колаянни меньшей преступности женъ, полагаетъ, что причины большей преступности молодыхъ женъ надо искать также въ экономическихъ условіяхъ ихъ жизни. Въ такомъ раннемъ возрастѣ, какъ 18—21 г., въ бракъ вступаютъ, говоритъ Bonger, большею частью лишь пролетаріи: обремененные семьей, подвергающіеся всѣмъ тяжестямъ борьбы за существованіе, они должны скорѣе, чѣмъ другіе, совершать преступленія [1]). Подтвержденіе этому объясненію мы видимъ въ томъ фактѣ, что и мужчины, состоящіе въ бракѣ, совершаютъ тѣмъ болѣе всѣхъ преступленій вообще и преступленій воровства въ частности, чѣмъ они моложе, причемъ мужья въ возрастѣ отъ 18 до 21 года совершаютъ кражъ почти въ три раза болѣе, чѣмъ холостые этого же возраста. Точно также и въ возрастѣ отъ 21 до 30 лѣтъ мужья совершаютъ преступленій болѣе холостыхъ.

Таблица XIX.

Германія 1882—1893 г.[2]).

На сто тысячъ мужчинъ каждой категоріи населенія приходилось осужденныхъ за простое воровство.			
Возрастъ.	Холостые.	Женатые.	Вдовцы и разведен.
18—21	551,7	1418,3	—
21—25	427,7	685,9	627,2
25—30	382,6	412,6	572,1
30—40	411,9	296,9	550,0
40—50	365,0	216,2	420,0
50—60	233,1	151,6	231,1
Выше 60	109,2	84,0	67,2

Весьма значительно участіе замужнихъ женщинъ въ совершеніи обидъ и тѣлесныхъ поврежденій.

1) *Bonger W. A.* Criminalité et conditions économiques. Amster: 1905, 517 p.

2) *Prinzing*: o. c. 117 s.

Таблица XX.

Германія 1882—1893 гг.[1]).

На сто тыс. населенія каждой категоріи приходилось осужденныхъ женщинъ за оскорбленія:			
Возрастъ.	Незамужнія.	Замужнія.	Вдовы и разведен.
18—21	24,3	88,5	—
21—25	34,9	85,7	157,1
25—30	44,2	94,8	137,1
30—40	57,3	116,7	138,4
40—50	58,4	121,4	121,7
50—60	43,6	84,8	77,1
Старше 60	22,4	38,3	26,7

Таблица XXI.

Германія 1882—1893 гг.[2]).

На 100 тыс. населенія каждой категоріи приходилось женщинъ осужденныхъ за причиненіе тѣлесныхъ поврежденій:			
Возрастъ.	Незамужнія.	Замужнія.	Вдовы и разведен.
18—21	20,4	67,5	—
21—25	24,9	61,1	96,4
25—30	29,8	58,7	88,9
30—40	29,9	61,0	70,2
40—50	21,3	55,3	46,8
50—60	13,9	33,9	25,7
Старше 60	7,0	14,2	8,6

[1]) Ibid 440 s.
[2]) *Prinzing*: ibid 442 s.

Принцингъ полагаетъ, что ближайшими причинами этихъ двухъ преступленій замужней женщины является жизнь бѣдныхъ семей въ общихъ квартирахъ и установившійся во многихъ мѣстахъ Германіи обычай, чтобы жена сопровождала въ праздничные дни мужа въ трактиръ. О вліяніи состоянія квартиръ на преступность намъ придется впослѣдствіе говорить подробнѣе; что же касается второй предполагаемой Принцингомъ причины, то мы не имѣемъ статистическаго матеріала, который выяснялъ бы насколько часто посѣщаютъ жены трудящагося люда трактиры и насколько пагубно отражается на нихъ такое посѣщеніе. Дѣйствительно, наибольшее число тѣлесныхъ поврежденій падаетъ на праздничные дни и должно быть связано съ посѣщеніемъ кабаковъ, пивныхъ и вообще съ потребленіемъ опьяняющихъ напитковъ [1]), но повинна ли въ этомъ вмѣстѣ съ самимъ рабочимъ и его жена, этого мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, знаменательно, что и среди мужчинъ женатые всѣхъ возрастовъ совершаютъ оскорбленій и тѣлесныхъ поврежденій значительно болѣе холостыхъ (см. XXII таблицу). Такъ какъ нельзя предполагать, чтобы женатые посѣщали кабаки чаще холостыхъ, то скорѣе можно предполагать здѣсь вліяніе общихъ квартиръ.

Какъ и слѣдовало ожидать замужнія женщины совершаютъ дѣтоубійствъ и истребленій плода значительно менѣе незамужнихъ и вдовыхъ. Причину этихъ преступленій надо искать очевидно во взглядахъ современнаго общества на внѣбрачныя рожденія, но на этомъ вопросѣ мы уже останавливались выше, когда говорили о причинахъ женской преступности [2]).

---

[1]) *Koblinsky* (докладъ 5-му междун. конгрессу борьбы съ алкоголизмомъ), нашелъ, что изъ 205 нанесеній ранъ и ударовъ—121 (т.-е. 59%) приходятся на воскресеніе, 32 и 35 на понедѣльникъ и субботу и 27 на остальные четыре дня вмѣстѣ. Врачъ Fertig въ Вормсѣ нашелъ, что изъ 366 ранъ и ударовъ (96—98 гг.)—142 приходятся на воскресенье, 57 на понедѣльникъ, по 34 на вторникъ и среду, 35 на четвергъ, 27 на пятницу и 37 на субботу (Alkoholgennus und Verbrechen, Aschaffenburg (Zeitschr. f. die ges. Str. XX B., 86--88 ss.).

[2]) См. стр. 134.

Таблица XXII.

Германія 1882—1893 гг.[1]).

На сто тыс. муж. каждой категоріи населенія приходилось осужденныхъ за оскорбленіе:			
Возрастъ.	Холостые.	Женатые.	Вдовы и разведен.
18—21	111,1	444,5	—
21—25	173,3	279,0	448,0
25—30	222,9	270,6	381,4
30—40	277,3	316,2	377,3
40—50	240,7	311,3	317,3
50—60	158,1	237,7	187,5
Старше 60	66,4	122,9	66,6

Мало предохраняетъ бракъ отъ преступленій противъ нравственности. Вдовцы и вдовы, женатые и замужнія совершаютъ преступленіе сводничества чаще холостыхъ и незамужнихъ (это преступленіе обыкновенно совершается представленіемъ своего помѣщенія для проститутокъ). Въ кровосмѣшеніи вдовцы оказываются виновными чаще женатыхъ, а женатые чаще холостыхъ. Такое же отношеніе сохраняется и при другомъ преступленіи: употребленіи во зло власти для склоненія женщины къ незаконной связи [2]).

Убійство совершается чаще всего вдовцами и вдовами, затѣмъ холостыми и дѣвицами и менѣе всего женатыми и замужними [3]).

Наибольшій процентъ осужденныхъ мужчинъ за сопротивленіе властямъ приходится на холостыхъ и наименьшій на женатыхъ, а среди женщинъ наибольшій на вдовъ и наименьшій на замужнихъ. Молодые супруги, мужья и жены, въ возрастѣ отъ 18 до 21 года оказываютъ сопротивленіе власти чаще, чѣмъ лица двухъ

[1]) Prinzing: ibid 113 s.
[2]) Ibid 111 и 113 ss.
[3]) Ibid 441 s.

остальныхъ категорій этого же возраста [1]). Мы полагаемъ, что объясненіе этому факту надо искать въ особенностяхъ соціальнаго положенія молодыхъ супруговъ 18—21 года, принадлежащихъ чаще всего къ пролетаріату.

Вдовцы и вдовы и разведенные супруги даютъ почти во всѣхъ преступленіяхъ наибольшій процентъ осужденныхъ. Принцингъ полагаетъ, что возрастаніе числа преступленій, совершаемыхъ вдовцами, объясняется утерей ими со смертью жены нравственной поддержки. Aschaffenburg признается, что причина разсматриваемаго явленія для него совершенно неясна, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отказывается принять догадку Принцинга, какъ ничѣмъ неподтвержденую и высказываетъ предположеніе о другой причинѣ: не слѣдуетъ ли искать объясненіе разсматриваемой преступности разведенныхъ и вдовыхъ въ особенно высокой преступности разведенныхъ, бракъ которыхъ нерѣдко расторгается вслѣдствіе совершеннаго однимъ изъ супруговъ преступленія. Хотя и это объясненіе Ашафенбурга построено на предположеніяхъ, но оно представляется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ догадки Принцинга.

Заканчивая разсмотрѣніе вліянія на преступность брака, мы должны признать, что это вліяніе не изъ особенно благопріятныхъ. Бракъ оказывается не только безсильнымъ удержать отъ совершенія плотскихъ преступленій, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ будто даже толкаетъ на совершеніе этихъ преступленій (кровосмѣшеніе, склоненіе женщины къ непотребству путемъ употребленія во зло власти надъ нею). Бракъ отягчаетъ положеніе бѣднѣйшихъ слоевъ населенія и приводитъ молодыхъ супруговъ къ высокой преступности противъ собственности. Оскорбленія, нанесеніе ранъ и ударовъ становятся печальнымъ удѣломъ лицъ состоящихъ въ бракѣ. Прекращеніе брака вслѣдствіе смерти одного изъ супруговъ или развода создаетъ такія условія, при которыхъ вдовцы и разведенные совершаютъ преступленій болѣе, чѣмъ холостой и незамужняя.

Въ окончательномъ своемъ выводѣ Колаянни признаетъ, что при изученіи вліянія на преступность брака выступаетъ преимущественное значеніе соціальныхъ факторовъ. Дѣйствительно,

---

[1]) Ibid 438 s.

безъ этихъ послѣднихъ факторовъ многія особенности разсматриваемой нами преступности были бы совсѣмъ не понятны и потому конечный выводъ Колаянни совершенно правиленъ[1]).

Наслѣдственность.

Колаянни далекъ отъ мысли отрицать вліяніе наслѣдственности. Наоборотъ, онъ придаетъ ей большое значеніе, но полагаетъ, что и въ данномъ случаѣ не должно быть опускаемо изъ вниманія громадное значеніе соціальной среды и особенно воспитанія, которое можетъ парализовать и дурную наслѣдственность.

Пагубное вліяніе дурной наслѣдственности обыкновенно доказываютъ изслѣдованіемъ происхожденія несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, относительно которыхъ уголовная статистика уже давно собираетъ довольно обширныя и разностороннія свѣдѣнія. Однако, собранныя до сихъ поръ цифровыя данныя не даютъ возможности придавать большого значенія утвержденію уголовно-антропологической школы о прямой передачѣ родителями своимъ дѣтямъ преступныхъ наклонностей. Такъ, по изысканіямъ Марро, изъ 507 преступниковъ только 13% имѣли преступныхъ родителей, а у остальныхъ 77% дурная наслѣдственность выражалась принадлежностью ихъ родителей къ числу алкоголиковъ, эпилептиковъ, душевно больныхъ и т. п. [2]).

Цифры, которыя приводитъ Колаянни, относятся къ весьма раннему времени (къ сороковымъ годамъ). Но процентныя отно-

---

[1]) *Bonger* (o. c. 518 p.) находитъ болѣе правильнымъ говорить о морализующемъ вліяніи не брака, понимаемаго въ смыслѣ легальной моногаміи, но любви: il serait plus exact de parler ici de l'influence moralisatrice de l'amour, que du mariage pris dans le sens de monogamie légale. Les mariés heureux ne doivent pas leur bonheur à la sanction légale, sans elle le bonheur ne serait pas moins grand.... si les époux sont mal assortis, pour l'une ou l'autre raison, alors le mariage a une influence très démoralisatrice. La monogamie légale entre alors en jeu en ce sens qu'elle empêche ou rend difficile la séparation de personnes, qui ne s'entendent pas, ou dont l'une est alcoolique p. e. ou se conduit mal d'une autre façon etc. Le grand pouvoir de l'homme marié sur sa femme, par suit de sa prépondérance économique, peut également être une cause démoralisatrice.

[2]) *Marro*: I carateri 231, Colajanni o. c.

шенія остались до сего времени почти тѣ же самыя, что были и ранѣе. Такъ, во Франціи среди юныхъ заключенныхъ имѣли родителей преступниковъ:

въ	1878 г.	1072	или	14.1%
»	1884 »	860	»	15.2%
»	1894 »	852	»	16.4%
»	1898 »	734	»	16.4%

Grosmolard, у котораго мы заимствовали приведенныя выше цифры, придаетъ наслѣдственной передачѣ преступности лишь второстепенное значеніе и считаетъ главнѣйшимъ факторомъ соціальную среду и бѣдность: «ребенокъ не родится преступникомъ, говоритъ онъ, но становится имъ» [1]). Одинъ Нью-Іоркскій журналъ произвелъ анкету о степени вліянія среды и наслѣдственности и получилъ отвѣты, отдающіе преимущественное значеніе соціальной средѣ: директоръ Массачузетской школы находилъ, что слова «каковъ отецъ, таковъ сынъ», надо замѣнить другими: «какова среда, таковъ сынъ»; директоръ одного убѣжища приводилъ примѣры полнаго измѣненія характера дѣтей подъ вліяніемъ соціальной среды, несмотря на сквернѣйшую наслѣдственность [2]). Также и Henri Joly въ своемъ послѣднемъ трудѣ о преступной молодежи видитъ «всюду вліяніе среды, воспитанія, привычекъ» и очень мало вліянія наслѣдственности [3]). Таково же мнѣніе Листа, Тарда, Delvincourt, Vuacheux и др. [4]).

Процентъ алкоголиковъ среди родителей преступниковъ—

---

[1]) *Grosmolard*: Criminalité juvenile Arch. d'anthr. criminelle 18 v. 1903, 200 p. По вычисленію Д. А. Дриля изъ 514 заключенныхъ Невшательскаго пенитенціарія только у 20 были родители преступники, а пьяницы у 241, душевнобольные у 5, эпилептики у 1. Дм. Дриль: Малолѣтніе преступники М. 1884 вып. I. 291 стр.

[2]) *Escard Paul*: Education et Heredité, leur influence sur la criminalité d'après une publication américaine. Réforme sociale 16 Mai 1900.

[3]) *Henri Joly*: L'enfance coupable. Paris, 1904, 173 p.

[4]) *Delvincourt*: La lutte contre la criminalité.

Vuacheux Etude sur les causes de la progression constatée dans la criminalité précoce. Paris 1898.

Raseri, dr., Les enfants assistés. Notes de législation et statistique comparée. 10 t. II p. 1902 Bulletin de l'institut internat. de statistique.

значителенъ; велико также число такихъ семей, въ которыхъ дѣти-преступники не могли получить хорошаго воспитанія. По даннымъ годовыхъ отчетовъ Эльмирской реформаторіи болѣе чѣмъ у трети осужденныхъ родители были несомнѣнные пьяницы, и въ 50 случаяхъ изъ ста семейная обстановка оказывалась дурная и очень рѣдко хорошая (отъ 7,6 до 11,7%).

Таблица XXIII.

На 100 заключенныхъ.								
Годы.	Родители пьяницы.		Семейная обстановка.			Покинули родит. домъ.		
	Несомнѣнно.	Вѣроятно.	Дурная.	Посредственная.	Хорошая.	Ранѣе 10 л. возраста.	Между 10 и 14 годами.	Вскорѣ послѣ достиженія 14 лѣтъ.
1881	33,8	18,0	47,7	44,0	8,3	5,4	7,6	22,5
1882	35,1	16,0	48,1	41,1	10,8	5,0	7,3	22,7
1883	35,6	14,1	49,3	39,1	11,6	5,2	7,0	23,6
1884	35,9	13,3	50,0	39,2	10,8	4,4	6,8	25,0
1885	36,4	12,8	50,6	38,9	10,5	4,9	6,8	25,5
1886	37,5	12,0	52,4	37,4	10,2	4,6	6,4	25,5
1888	38,4	10,9	52,1	38,9	9,0	5,2	6,3	29,5
1889	38,7	11,1	51,8	39,9	8,3	5,2	6,2	30,8
1890	38,4	11,4	52,0	40,4	7,6	4,7	5,8	29,5
1891	38,4	13,0	52,6	39,8	7,6	4,5	5,9	30,7
1892	38,3	13,1	54,1	38,3	7,6	4,1	5,8	32,0
1893	37,8	12,7	50,3	40,0	9,7	3,8	6,1	32,6
1894	37,5	12,1	49,0	40,6	10,4	3,8	6,1	31,8
1896	37,5	11,3	47,0	41,3	11,7	3,6	6,7	33,0 [1]

Изъ этой таблицы видно, что значительный процентъ осужденныхъ принуждены были покинуть родительскій домъ въ самомъ раннемъ возрастѣ. Раннее оставленіе ребенкомъ роди-

[1]) *Bonger*: o. c. 555 p.

тельскаго крова вызывается или отдачей его въ ученіе и на заработки или его осиротѣніемъ.

При современныхъ условіяхъ семья играетъ громадную роль: въ ней ребенокъ получаетъ свое первое, а часто и единственное воспитаніе; она накладываетъ на него свой отпечатокъ, который трудно сглаживается всей послѣдующей жизнью. Поэтому особенно тяжело положеніе того несчастнаго ребенка, у котораго совсѣмъ нѣтъ семьи, а слѣдовательно нѣтъ и заботливаго, проникнутаго любовью къ нему отношенія. Онъ всѣмъ чуждъ; до него никому нѣтъ дѣла; онъ долженъ самъ себя поить, кормить и одѣвать, пока не возьметъ на себя эту обязанность въ тюрьмѣ или исправительной колоніи само государство или общество. Но что бы получить право сдѣлаться такимъ государственнымъ пансіонеромъ, сиротѣ и заброшенному ребенку приходится пройти школу разнузданнаго разврата и уроки разнообразныхъ видовъ преступности. Отчеты исправительныхъ заведеній не столько говорятъ о дурной наслѣдственности своихъ питомцевъ, сколько объ ихъ голодной нуждѣ, дурныхъ примѣрахъ и отсутствіи надзора за ними даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ семья была порядочная, но, принадлежа къ числу рабочихъ слоевъ населенія, не имѣла *никакой возможности* заняться воспитаніемъ ребенка.

Вліяніе на преступность расы.

Послѣднимъ изъ антропологическихъ факторовъ Колаянни разсматриваетъ расу [1]). Извѣстно, что уголовно - антропологическая школа признаетъ за расой большое вліяніе на преступность [2]). Но несомнѣнно, что доказать такое вліяніе представляется весьма трудною, почти неисполнимою задачею. Главное изъ затрудненій лежитъ въ разнообразіи экономическихъ, политическихъ и другихъ условій тѣхъ народностей, преступность которыхъ пы-

[1]) *Colajanni*: La Sociologia Crinunale II v. 189—307.

[2]) *Ломброзо*: Die Ursachen und Bekämpfung des Verbrechens. Ubersetz. v. Kurella. 1902. Drittes Kapitel, 17—36 ss. „Dass die Rasse einer der wichtigsten Factoren der Kriminalität in all den genannten Gebieten ist, davon bin ich umsomehr überzeugt, als ich bei den meisten ihrer Einwohner eine grössere Körperlänge als ihrer Nachbarschaft gefunden habe“ 21 s.

таются объяснить вліяніемъ расовыхъ особенностей [1]). Не останавливаясь на всѣхъ подробностяхъ антропологической критики Колаянни ученія Ломброзо о расѣ, какъ факторѣ преступности, мы отмѣтимъ лишь тотъ заключительный выводъ разсматриваемаго нами автора, въ которомъ онъ оттѣняетъ преобладающее вліяніе соціальной среды: «знакомство съ причиннымъ соотношеніемъ историческихъ явленій, говоритъ онъ, даетъ право утверждать, что моральныя и интеллектуальныя измѣненія зависятъ отъ соціальныхъ факторовъ» [2]). Болѣе подробно Колаянни обосновалъ это свое положеніе въ другой своей работѣ «L'Homicide en Italie», напечатанной въ «La Revue Socialiste» [3]). Въ этой статьѣ Колаянни доказываетъ, что убійство въ Италіи, совершаемое здѣсь чаще, чѣмъ въ какой нибудь другой странѣ, вызывается не расовыми особенностями населенія, но соціальными факторами и особенно невѣжествомъ. При разсмотрѣніи степени распространенности убійства по различнымъ провинціямъ Италіи, оказывается, что одни изъ нихъ отличаются высокимъ развитіемъ этой преступности, другія, наоборотъ, почти совсѣмъ не знаютъ ея. Такъ, при 12,58 обвиняемыхъ въ убійствахъ на каждую сотню

---

[1]) См. также статью проф. *Чижа*: „Вліяніе національности на преступность". (Вѣстникъ Права" № 9, 1901 г.). Авторъ сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія о совершенно различной преступности латышей и эстонцевъ, при одинаковыхъ, по его мнѣнію, соціальныхъ условіяхъ. Но самъ авторъ отмѣчаетъ, что неизвѣстна профессія этихъ двухъ народностей (46 стр.). Кромѣ возможнаго различнаго вліянія профессіи, мы можемъ предполагать и различное экономическое положеніе латышей и эстонцевъ, [какъ слѣдствіе ихъ занятія тѣми или другими профессіями.

Трудность сравненія преступности различныхъ народностей увеличивается въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ имѣютъ различныя матерьяльныя и процессуальныя законоположенія. См. *Aschaffenburg* o. c. 23—25.

[2]) Другіе выводы Колаянни по вопросу о вліяніи расы на преступность: представители одной и той же расы одновременно могутъ являть различные психическіе и моральные характеры; одна и та же раса можетъ сильно различаться въ различные моменты; всѣ расы имѣли и имѣютъ одинаковыя формы преступности; нельзя утверждать, что нѣкоторыя расы предназначены навсегда остаться варварскими; различія между расами уменьшаются по мѣрѣ развитія цивилизаціи и пр. стр. 305—307 Colajanni o. c.

[3]) *N. Colajanni*: L'Homicide en Italie. La Revue Socialiste, 1901, № 199, Tome 34, 17 année, Paris, Stock.

тысячъ жителей Италіи (въ 1895—1897), приходилось въ провинціяхъ: Girgenti—52,65, Sassari—36,33, Trapani—33,25, Naples—31,76, а въ Mantua—1,87, Bergamo—2,12, Padua—2,15, Sondrio—2,47. Провинціи, дающія наименьшій процентъ убійствъ, населены соціалистами, республиканцами и радикалами; наоборотъ, въ Сардиніи и Сициліи, гдѣ наиболѣе развита разсматриваемая нами преступность, почти не существуетъ указанныхъ выше партій. Отсюда авторъ дѣлаетъ выводъ, что «демократическая пропаганда оказываетъ воспитательное и умѣряющее дѣйствіе на преступность»[1]). Но несомнѣнно, что эта пропаганда находитъ большій успѣхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе болѣе грамотно и развито. Разсмотрѣніе соотношенія грамотности и числа убійствъ въ Италіи приводитъ автора къ убѣжденію, что грамотность оказываетъ сдерживающее вліяніе на кровавыя преступленія. Такъ, въ наиболѣе преступныхъ провинціяхъ, Сардиніи и Сициліи, грамотность развита менѣе всего. То же самое соотношеніе наблюдается между числомъ убійствъ и числомъ неграмотныхъ въ Ломбардіи, Пьемонтѣ и другихъ мѣстахъ. Точно также и Боско въ своемъ трудѣ объ убійствѣ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки отмѣчаетъ смягчающую роль образованія; среди тюремнаго населенія Америки треть совершенно неграмотна, между тѣмъ число неумѣющихъ ни читать, ни писать во всемъ населеніи страны едва достигаетъ 10%. Въ этой же странѣ среди населенія, прибывшаго сюда изъ европейскихъ государствъ, убійства совершаются тѣмъ чаще, чѣмъ менѣе культурна страна, изъ которой эмигранты прибыли: первое мѣсто по числу убійствъ занимаютъ итальянцы, а послѣднее—швейцарцы, датчане, норвежцы, нѣмцы, англичане[2]). Въ Швейцарскомъ кантонѣ Тессинѣ, который по населенію, расѣ, языку и географическимъ условіямъ—та же Италія, съ уменьшеніемъ безграмотности уменьшились и убійства. Но нельзя признать правильнымъ мнѣніе Колаянни, что подтвержденіемъ вліянія образованія на число убійствъ служитъ также статистика убійствъ по профессіямъ обвиняемыхъ. То обстоятельство, что «бродячія профессіи» даютъ огромный процентъ убійцъ, доходящій до 47,38 на сто тысячъ

---

[1]) Ibid 41 p.
[2]) Ibid 48 p.

лицъ этой профессіи, а лица либеральныхъ занятій, комерсанты и рантье почти совсѣмъ не совершаютъ этого преступленія, должно находить себѣ болѣе вѣроятное объясненіе въ различіяхъ экономическаго положенія этихъ профессій. Если мы можемъ предполагать, что лица либеральныхъ профессій, рантье и комерсанты получаютъ то или другое образованіе, то мы не имѣемъ основаній утверждать, что лица бродячихъ занятій—безграмотны. Но если они и безграмотны, то имѣемъ ли мы право объяснить ихъ участіе въ совершеніи преступленій противъ жизни ихъ безграмотностью? Различіе между положеніемъ рантье и бродячаго музыканта не ограничивается образованностью перваго и безграмотностью второго. Оно касается многихъ другихъ сторонъ и особенно глубоко и широко въ экономическомъ отношеніи. Этого различія не можетъ, конечно, отрицать Колаянни, но почему же въ такомъ случаѣ считать причиной преступленій неграмотность, а не какую-нибудь другую отличительную и характерную особенность бродячихъ профессій?

Преобладающее значеніе соціальныхъ условій надъ расовыми остроумнѣе другихъ доказалъ Joly. Онъ изслѣдовалъ преступность жителей о. Корсики на самомъ островѣ и въ другихъ департаментахъ Франціи и оказалось, что корсиканецъ, весьма преступный у себя, на родинѣ, перестаетъ быть такимъ въ другихъ департаментахъ, гдѣ преступность его значительно понижается [1]). Этимъ фактомъ до извѣстной степени подтверждается значеніе, приписываемое сторонниками соціологической школы соціальной средѣ сравнительно съ расовыми и другими личными особенностями. Но и здѣсь возможны возраженія. Эмигрировать съ о. Корсики могутъ во Францію корсиканцы наименѣе склонные къ преступности.

Вліяніе физическихъ факторовъ [2]).

Разсмотрѣніе ученія уголовно-антропологической школы о вліяніи на преступность физическихъ факторовъ даетъ Колаянни

---

[1]) *Joly Henri*: La France criminelle 2-me éd. 45 p.

[2]) *Colajanni*: o. c. 321—446. *Его же*: La delinquenza della Sicilia e le sue cause. Palermo. 1885. *Его же*: Oscillations thèrmometriques et les delits contre les personnes. Archives d'Anthr. crim. 1886. *Guerry*: statistique morale de

возможность оттѣнить и въ данномъ случаѣ значеніе соціальной среды. По его мнѣнію климатъ и вообще физическія условія не могутъ быть признаны въ наше время факторами общественной эволюціи: контрастъ между непрестаннымъ движеніемъ исторіи и неподвижностью, неизмѣнностью физическихъ факторовъ слишкомъ очевиденъ, чтобы на немъ приходилось останавливаться. На сѣверѣ, какъ и на югѣ, говоритъ Колаянни, формулируя свои окончательные выводы о значеніи физическихъ факторовъ, въ самомъ жаркомъ и въ самомъ холодномъ климатѣ, вопреки гипотезѣ Монтескье, живутъ народы и трибы высокой честности; порокъ и добродѣтель появляются и исчезаютъ во всякой географической широтѣ и при самыхъ различныхъ условіяхъ физической среды; при одномъ и томъ же климатѣ и при одинаковыхъ географическихъ условіяхъ живутъ общества съ самыми различными физическими и моральными характерами». Этнографическое изученіе опровергаетъ гипотезу Герри, что на сѣверѣ и въ холодныхъ странахъ преобладаютъ преступленія противъ имущества, а на югѣ и въ теплыхъ странахъ преступленія противъ личности. Воровство, убійство, нанесеніе ранъ и плотскія преступленія не являются исключительнымъ или преимущественнымъ продуктомъ какой-нибудь страны и не служатъ показателями характерной моральной флоры или фауны. Внезапность порыва, импульсивность и живость страстей зависятъ не отъ физической среды, но отъ степени соціальной эволюціи, которой достигъ народъ или отдѣльная личность. Климатъ, времена года и годовыя колебанія температуры не оказываютъ, по мнѣнію Колаянни, такого прямого физіологическаго вліянія, которое было бы способно побудить человѣка къ преступленію: они оказываютъ лишь косвенное, «непрямое» вліяніе, увеличивая существующія

---

l'Angleterre, comparée avec celle de la France. P. 1864. *И. Я. Фойницкій*: Вліяніе временъ года па распредѣленіе преступленій. Суд. Журн. 1873 г. № 1, 2 и 3 (и въ его сборникѣ „На досугѣ", т. I, 261—397 стр.) *Ferri*: Zeitschr. f. d. g. Str. 1882. *Его же*: Variations thermométriques et criminalité. Arch. de l'Anthr. crim. 1887. *Corre*: Facteurs généraux de la criminalité dans les pays créoles. Arch. de l'anthr. crim. 162—186 pp. 1889. *Tarde*: La criminalité comparée. 1902, 151 и сл. *Aschaffenburg*: Das Verbrechen u. seine Bekämpfung, 1903. 11—23 s. *Е. Н. Тарновскій*: Помѣсячное распредѣленіе главнѣйшихъ видовъ преступности. Журн. М. Юст. 1903. 110—135.

потребности. Когда въ соціальномъ организмѣ благосостояніе велико, оно нейтрализуетъ вліяніе холода, а ростъ культуры уничтожаетъ или уменьшаетъ тѣ послѣдствія, которыя могли бы проистечь отъ жары. Такъ какъ соціальная среда господствуетъ надъ физической, то этимъ и объясняется то явленіе, что, при однихъ и тѣхъ же климатическихъ и физическихъ условіяхъ, преступность уменьшается или увеличивается и вообще измѣняются моральныя отношенія.

Къ такимъ выводамъ пришелъ Колаянни послѣ разбора имѣвшейся въ его распоряженіи литературы. Выдвинутыя имъ соображенія соціологическаго характера безусловно заслуживаютъ глубокаго вниманія, но нельзя согласиться съ его отрицаніемъ существованія такъ-называемаго календаря преступности, т.-е. опредѣленнаго распредѣленія преступности по мѣсяцамъ. Существованіе такого календаря подтверждается данными новѣйшей уголовной статистики и работами Фойницкаго, Тарновскаго и Ашафенбурга.

Изслѣдованіе Фойницкаго, впервые напечатанное еще въ 1873 году, т.-е. ранѣе работъ Ферри и Лакассаня, написано на основаніи данныхъ французской и англійской уголовной статистики. Если разсматривать всю преступность, не раздѣляя ее на совершенно различныя между собою группы преступленій противъ личности и собственности, то на каждый мѣсяцъ приходится почти одно и тоже число преступныхъ дѣяній. Мало замѣтны колебанія также по временамъ года. Такъ во Франціи въ періодъ съ 1836 по 1869 г. на зиму выпадало 25,93 всѣхъ преступленій, на весну 24,36, на лѣто 25,14 и на осень 24,57%. Но если разсматривать преступленія противъ личности и собственности отдѣльно, то разница въ распредѣленіи этихъ преступленій становится болѣе замѣтной: наименьшее число преступленій противъ личности выпадаетъ на зиму и осень, а наибольшее на лѣто и весну; наоборотъ, наименьшее число преступленій противъ собственности совершается лѣтомъ и весною, а наибольшее зимою и осенью (27,69 зимой, 23,80 весной, 23,22 лѣтомъ и 25,29 осенью). Это же соотношеніе наблюдается и при разсмотрѣніи преступности по мѣсяцамъ во Франціи и Англіи (по наблюденіямъ Фойницкаго), въ Германіи (по изысканіямъ Ашафенбурга),

въ Россіи (по изысканіямъ Тарновскаго) и въ Бельгіи, по даннымъ уголовной статистики.

Таблица XXIV.

Помѣсячное распредѣленіе преступленій противъ личности въ Бельгіи[1]), Англіи, Франціи, Германіи и Россіи[2]).

	Бельгія.		Преступленія противъ личности.			
	Обида, клевета.	Раны.	Англія.	Франція.	Германія.	Россія.
Январь	5,7	7,2	85	87	78	83
Февраль	6,9	7,2	72	95	83	86
Мартъ	8,5	7,3	82	94	81	66
Апрѣль	7,9	7,4	101	97	94	109
Май	9,0	9,1	105	113	108	118
Іюнь	11,1	9,2	119	124	116	122
Іюль	11,8	10,5	123	112	121	115
Августъ	11,3	10,6	119	112	128	113
Сентябрь	9,4	9,0	117	101	118	113
Октябрь	6,3	8,9	104	90	102	109
Ноябрь	6,5	7,8	89	88	91	86
Декабрь	4,5	5,6	83	86	78	78
Среднее	8,3%	8,3%	100	100	100	100

[1]) Процентное отношеніе преступности въ Бельгіи по мѣсяцамъ высчитано нами на основаніи цифръ Statistique criminelle de la Belgique (statistique judiciaire de la Belgique 3-me année 1902. 172 p.

[2]) Цифры преступности Англіи (1896—1900), Франціи (1824—1879), Германіи (1883—1892) и Россіи (1892—1898) взяты у Е. Н. Тарновскаго: ук. статья 112 стр.

Таблица XXV.

Помѣсячное распредѣленіе преступленій противъ собственности въ Англіи, Франціи, Германіи и Россіи[1]).

	Англія.	Франція.	Германія.	Россія.
	Всѣ преступленія противъ собственности.			
Январь.....	109	112	109	105
Февраль....	101	109	108	105
Мартъ.....	97	98	96	91
Апрѣль.....	98	92	90	77
Май.......	98	93	93	87
Іюнь.......	98	93	93	87
Іюль.......	98	91	92	85
Августъ....	98	92	93	94
Сентябрь...	99	95	93	106
Октябрь....	104	99	104	107
Ноябрь....	108	110	113	101
Декабрь....	98	116	117	109
Среднее...	100	100	100	100

Существованіе календаря преступности представляется несомнѣннымъ, но и значеніе соціальныхъ факторовъ въ помѣсячномъ распредѣленіи различныхъ преступленій также лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Ферри уже въ первые годы своей научной дѣятельности, когда онъ былъ склоненъ придавать соціальной средѣ менѣе значенія, чѣмъ придаетъ теперь, призналъ въ своемъ отвѣтѣ на критику Колаянни, что измѣненія преступности по мѣсяцамъ стоятъ въ связи не только съ вліяніемъ температуры, но и съ соціальными факторами. На значеніе этихъ же по-

[1]) См. ук. статью Е. Н. Тарновскаго.

слѣднихъ факторовъ указываютъ и цитированные нами выше авторы Фойницкій, Тарновскій, Ашафенбургъ, а также Тардъ[1]).

Возрастаніе преступленій противъ собственности въ холодное время объясняется экономическимъ положеніемъ бѣднѣйшихъ слоевъ населенія, ко всѣмъ тягостямъ котораго зимою присоединяется новый врагъ—холодъ. Увеличеніе преступности противъ личности въ лѣтнее время объясняется болѣе частымъ въ теплое время нахожденіемъ населенія внѣ дома, работами на воздухѣ, прогулками и пр. Разсмотрѣніе времени совершенія отдѣльныхъ преступленій противъ личности и противъ собственности также убѣждаетъ въ значеніи соціальной среды. Наибольшій процентъ изнасилованій падаетъ на лѣтніе мѣсяцы, а наи-

---

[1]) Такъ, И. Я. Фойницкій объяснилъ ростъ преступленій противъ собственности зимою увеличеніемъ трудности борьбы за существованіе и рекомендовалъ какъ средство борьбы съ этою преступностью организацію труда, которая избавила бы рабочій людъ отъ вреда вліяній холодныхъ мѣсяцевъ. Ук. соч. 365 стр., также 367 и др. Е. Н. Тарновскій говоритъ, что „преступленія вообще распредѣляются помѣсячно не случайно, а въ зависимости отъ опредѣленныхъ атмосферическихъ, какъ равно и общественныхъ условій“ и полагаетъ, что это распредѣленіе должно мѣняться при переходѣ изъ одной среды въ другую, въ связи съ измѣненіемъ рода занятій, мѣстожительства, степени достатка и пр. Интересно, что по даннымъ русской статистики въ теплое время года относительный уровень числа женщинъ преступницъ выше, а въ холодное ниже числа мужчинъ преступниковъ. Авторъ предполагаетъ на основаніи этого факта, что женщина чувствительнѣе мужчины къ перемѣнамъ температуры, такъ какъ ея психофизическая организація болѣе впечатлительна (стр. 134). Но едва ли такое предположеніе справедливо. Не вѣрнѣе ли искать объясненіе въ соціальныхъ условіяхъ? Такъ „по тѣлеснымъ поврежденіямъ относительное число женщинъ достигаетъ максимума лѣтомъ, въ іюлѣ, на 47% выше уровня мужчинъ и опускается до минимума зимой (въ декабрѣ) на 35% ниже декабрьскаго уровня осужденныхъ мужчинъ“. Но русской женщинѣ приходится вести особенно затворническую жизнь зимою, а лѣтомъ, въ рабочую пору, чаще сталкиваться съ народомъ; въ жизни же мужчины лѣтомъ и зимою различіе не настолько ярко, какъ у женщины и потому разница между лѣтнимъ максимумомъ и зимнимъ минимумомъ не такъ велика. Во всякомъ случаѣ объясненію г. Тарновскаго противорѣчитъ имъ же самимъ указываемый фактъ: „по кражѣ, подвѣдомственной общимъ судебнымъ установленіямъ, относительное число женщинъ выше „уровня мужчинъ въ лѣтнее время и ниже въ холодное полугодіе—осенью и зимою“.

меньшій на зимніе. Очевидно, что бо̀льшая возможность совершенія этого преступленія лѣтомъ, когда населеніе чаще, чѣмъ въ другія времена года, отлучается изъ дому, вполнѣ понятна. Бродяжничество въ Россіи выше средняго съ іюля по ноябрь. Г. Тарновскій объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что приближеніе зимы заставляетъ лицъ, неимѣющихъ узаконеннаго вида на жительство, добровольно заявлять властямъ о своемъ бродяжничествѣ, чтобы найти пріютъ хотя бы въ тюрьмѣ. Нищенство мало развито лѣтомъ, такъ какъ въ это время легче бѣдняку прокормиться и т. д.

Такимъ образомъ, признавая существованіе календаря преступности, мы думаемъ, что измѣненіе соціальныхъ условій должно внести измѣненіе и въ этотъ календарь преступности.

Вліяніе на преступность бѣдности.

Изъ предшествующаго изложенія труда Колаянни не трудно было видѣть, что разсматриваемый нами авторъ при критикѣ антропологическихъ и физическихъ факторовъ придаетъ наибольшее значеніе причинамъ соціальнаго порядка. Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ послѣднихъ онъ признаетъ, что, дѣйствительно, онъ склоненъ признавать за ними громадное вліяніе, если даже не исключительное [1]). Среди всѣхъ соціальныхъ факторовъ наибольшее значеніе для Колаянни, какъ соціалиста, имѣетъ современная неравномѣрность въ распредѣленіи богатствъ, дающая избытокъ и довольство однимъ и осуждающая другихъ ко всѣмъ лишеніямъ и страданіямъ бѣдности: къ постоянному недоѣданію отъ самаго рожденія и до преждевременной смерти, къ физическому и моральному отравленію въ сквернѣйшихъ жилищахъ, къ истощенію своихъ силъ въ тяжелой и нездоровой работѣ, къ жизни, лишенной здоровыхъ развлеченій и къ преступности.

Такой взглядъ Колаянни, конечно, не общепризнанный; наоборотъ, вопросъ о вліяніи на преступность бѣдности и богатства, по справедливому выраженію Тарда, «излюбленное поле битвы для двухъ крайнихъ фракцій позитивной школы: фракціи

---

[1]) Iniziando, di conseguenza l'esame *dei fattori sociali*, ci trovia mo già disposti ad accordar loro una massima, se non esclusiva efficienza. *Colajanni* ibid 448 p.

соціалистовъ (Колаянни, Турати) и ортодоксовъ (Гарофало и др.)»[1]). Съ ученіемъ наиболѣе яркаго представителя того направленія, которое склонно или совсѣмъ отрицать существованіе бѣдности, какъ общественнаго зла, или отвергать пагубное вліяніе неравномѣрнаго распредѣленія собственности на преступность, намъ уже приходилось встрѣчаться выше въ главѣ о предшественникахъ соціологической школы науки уголовнаго права: это баронъ Рафаель Гарофало. Между взглядами Колаянни и Гарофало такая глубокая пропасть, что о компромиссѣ, о какомъ-нибудь соединеніи этихъ двухъ противоположныхъ теорій въ одну не можетъ быть и рѣчи. Но за пятнадцать лѣтъ, истекшія со времени появленія этихъ двухъ трудовъ, криминалистическая литература обогатилась цѣлымъ рядомъ другихъ работъ, посвященныхъ выясненію значенія для преступности бѣдности и, если до сихъ поръ криминалистъ не можетъ констатировать согласнаго, однообразнаго рѣшенія интересующаго насъ вопроса, то онъ и не можетъ пожаловаться на недостатокъ изслѣдованій по этому предмету. Несомнѣнно, что существующаго теперь разнообразія мнѣній не было бы, если бы уголовная статистика давала точныя свѣдѣнія о степени имущественной состоятельности осужденныхъ или обвиняемыхъ. Но, къ сожалѣнію, такого матеріала уголовно-статистическіе отчеты не сообщаютъ. Къ несовершенствамъ уголовной статистики присоединяются недостатки общей: мы не обладаемъ вполнѣ точными и опредѣленными свѣдѣніями о размѣрѣ богатства и бѣдности различныхъ классовъ общества[2]). Что касается свѣдѣній о богатствѣ различныхъ народовъ, то на нихъ нельзя строить никакихъ выводовъ въ интересующемъ насъ отношеніи по той причинѣ, что имѣетъ значеніе не сумма богатствъ, находящихся въ предѣлахъ государства, но распредѣленіе этихъ богатствъ между гражданами этого государства[3]).

Но если нѣтъ прямыхъ путей для опредѣленія вліянія бѣдности на преступность, то существуетъ одинъ окольный путь,

---

[1]) *Tarde*: La philosophie pénale. 390 p.

[2]) *Colajanni*: „Ma dove finisce il benessere, l'agiatezza, la ricchezza e comincia la miseria? E questo un quesito cui non danno sufficiente e adequata risposta nè gli storici, nè gli economisti, nè gli scrittori morale. 464 p.

[3]) Colajanni 512 p.

которымъ уже шли многіе изслѣдователи и которымъ воспользовался въ числѣ другихъ криминалистовъ соціологической школы также Колаянни. Этотъ путь состоитъ въ выясненіи роста преступности въ годы голодовокъ и урожаевъ, въ годы возвышенія и паденія цѣнъ на необходимые жизненные припасы. Противъ такого метода изслѣдованія возможны возраженія. Если въ неурожайные годы наблюдается увеличеніе преступности, то можемъ ли мы утверждать, что такое возвышеніе обязано своимъ происхожденіемъ увеличенію преступности именно бѣднѣйшихъ слоевъ населенія? Не имѣемъ ли мы въ такомъ случаѣ право сдѣлать лишь тотъ неоспоримый выводъ, что неурожаи вліяютъ неблагопріятно на преступность всей страны, а не тѣхъ или другихъ слоевъ населенія этой страны? Но уже и такой выводъ представляется весьма цѣннымъ для уголовнаго политика, ясно раскрывая передъ нимъ всю безполезность обычныхъ средствъ борьбы съ преступностью въ голодные годы. Однако, дѣлая указанный выше выводъ о связи между неурожаями страны и ея преступностью, мы имѣемъ вѣскія основанія предполагать, что увеличеніе «бюджета» преступности въ голодные годы дается именно нуждающимися слоями населенія. Основаній для такого предположенія нѣсколько. Во-первыхъ, число лицъ принадлежащихъ къ состоятельнымъ классамъ слишкомъ ничтожно, чтобы могло вліять на значительное измѣненіе преступности всей страны [1]). Во-вторыхъ, если предположительно отнести это увеличеніе преступности въ годы неурожаевъ на долю богатыхъ классовъ, то невозможно найти объясненіе такого вліянія высокихъ цѣнъ хлѣба, картофеля, мяса на тѣхъ, кто расходуетъ на эти предметы первой необходимости лишь самую ничтожную часть своихъ доходовъ. Наоборотъ, не представляетъ никакихъ трудностей объясненіе роста преступности

---

[1]) Такъ по вычисленію *Fornasari di Verce* (La criminalita e le vicende economiche d'Italia. 1894. 3 p.) въ Италіи приходилось по переписи 1881 г. на каждую тысячу жителей 609,34 человѣка, имѣющихъ лишь самое необходимое, чтобы не умереть съ голоду и лишь 42,70 капиталистовъ, собственниковъ, чиновниковъ. Въ Англіи, по словамъ *Гобсона* (Проблемы бѣдности и безработицы. Перев. 1900 г. 5 стр.) только три человѣка изъ десяти могутъ вести жизнь свободную отъ гнетущихъ заботъ строгой экономіи.

бѣдныхъ въ годы нужды и соотвѣтствующаго ея паденія въ годы болѣе низкихъ цѣнъ, такъ какъ, при ограниченности бюджета нуждающихся слоевъ населенія, всякія колебанія цѣнъ на предметы первой необходимости отражаются на всѣхъ статьяхъ ихъ расхода.

Выяснить вліяніе бѣдности на преступность можно также и еще однимъ путемъ: посредствомъ изученія условій жизни бѣдныхъ слоевъ населенія и осужденныхъ до совершенія ими преступленій. Колаянни воспользовался и этимъ методомъ и при этомъ былъ однимъ изъ первыхъ криминалистовъ, остановившихся на выясненіи вліянія жилищъ бѣдноты на преступность.

Переходя къ выясненію значенія бѣдности, какъ фактора преступности, мы прежде всего остановимся на вліяніи жилищъ бѣдноты, а затѣмъ обратимся къ изслѣдованію того вліянія, которое оказываютъ на преступность неурожайные годы и цѣны необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ.

а) Вліяніе на преступность жилища.

Говоря о громадномъ значеніи для преступности экономическаго фактора Колаянни ограничивается по вопросу о вліяніи того или другого состоянія квартиръ на преступность лишь нѣсколькими короткими замѣчаніями[1]).

Между тѣмъ съ каждымъ днемъ вопросъ о квартирахъ бѣдныхъ классовъ городского населенія и особенно пролетаріата большихъ городовъ получаетъ все больше и больше значенія; все чаще на Западѣ городскіе муниципалитеты начинаютъ удѣлять ему свое вниманіе и средства; устраиваются жилища для неимущихъ; организуются мѣстные и международные съѣзды лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ[2]). Но то, что сдѣлано — лишь капля въ морѣ. Размѣры этого общественнаго зла остаются громадны, какъ прежде, или даже увеличиваются благодаря повсемѣстно наблюдаемому бѣгству крестьянъ изъ ихъ деревень въ города, куда гонитъ ихъ нужда, недовольство своимъ поло-

---

[1]) *Colajanni* II v. 528, 530, 532 p.p.

[2]) Congrès internationales des habitations à bon marché въ Парижѣ въ 1889 г., въ Брюсселѣ въ 1897 г. и др.

женіемъ или надежда завоевать себѣ лучшее положеніе здѣсь, среди поражающей глазъ деревенскаго жителя непривычной роскоши и богатства. Но этотъ крестьянинъ, превратившійся въ городского пролетарія, очень скоро узнаетъ на самомъ себѣ цѣною чьихъ усилій и какихъ лишеній создается этотъ «внѣшній блескъ роскоши города, скрывающаго въ себѣ позоръ и соціальныя страданія и являющагося одновременно носителемъ красоты и мерзости» [1]). Одной изъ этихъ «мерзостей» является жилище бѣдняка, этотъ разсадникъ заразныхъ болѣзней и очагъ городской смертности. Но насъ интересуетъ въ настоящее время жилище бѣдноты не съ гигіенической, а съ криминалистической точки зрѣнія.

На громадное значеніе для преступности дурного состоянія жилищъ бѣдныхъ классовъ населенія уже ранѣе указывалось представителями соціологическаго направленія въ наукѣ уголовнаго права. Къ сожалѣнію, эти указанія носили общій характеръ, не сопровождались доказательствами или результатами наблюденій и этотъ вопросъ первостепенной важности въ этіологіи преступности оставался въ тѣни. Отсутствіе трудовъ по вопросу о вліяніи состоянія жилищъ на преступность объясняется трудностью такого изслѣдованія: въ то время какъ для выясненія вліянія жилищъ въ гигіеническомъ отношеніи уже давно выработаны извѣстные пріемы изслѣдованія и зарегистрированія случаевъ смерти и заразныхъ болѣзней, дѣло выясненія роли жилищъ въ совершеніи преступленій еще совсѣмъ новое. Тѣмъ большее значеніе получаютъ тѣ немногія работы, которыми можетъ воспользоваться криминалистъ, чтобы показать, насколько справедливо и не преувеличено было мнѣніе Колаянни и другихъ сторонниковъ соціологической школы въ наукѣ уголовнаго права о значеніи состоянія жилищъ, какъ фактора преступности. Среди этихъ работъ наиболѣе замѣчательна работа Schnetzler'a, на которую до сихъ поръ не встрѣчалось указаній въ уголовной литературѣ.

Шнетцлеръ, авторъ доклада, представленнаго Брюссельскому международному конгрессу о дешевыхъ жилищахъ, избралъ пред-

---

[1]) Принсъ: Преступность и репрессія, стр. 10.

метомъ своего изслѣдованія городъ Лозанну [1]). Въ городѣ, разбитомъ на 25 кварталовъ, была высчитана плата каждой квартиры и затѣмъ опредѣлена средняя плата за квартиру въ каждомъ изъ 25 кварталовъ. Она оказалась ниже 400 франковъ въ годъ въ десяти наиболѣе бѣдныхъ кварталахъ, а въ остальныхъ 15 выше этой суммы. Состояніе каждой недвижимости было подвергнуто осмотру и оцѣнкѣ балломъ и, затѣмъ, была высчитана средняя оцѣнка балломъ общаго состоянія недвижимости въ каждомъ кварталѣ. Точно также было опредѣлено среднее количество воздуха, приходившееся на каждаго жильца въ квартирахъ различныхъ участковъ. Такимъ образомъ, въ рукахъ автора получился точный цифровой матерьялъ, послужившій ему основаніемъ для опредѣленія по каждому изъ 25 кварталовъ процента рождаемости, всей смертности вообще и дѣтской въ частности, заразныхъ болѣзней, числа разводовъ и преступленій. Свои вычисленія авторъ сопровождаетъ прекрасно составленными чертежами въ краскахъ. Оставляя въ сторонѣ діаграммы смертности, рождаемости и др., мы обратимся къ разсмотрѣнію лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя выясняютъ намъ отношеніе между преступностью и качествомъ квартиръ по участкамъ.

На основаніи вычисленій Schnetzler'а мы сдѣлали слѣдующую сводную таблицу изъ трехъ столбцовъ: въ первомъ столбцѣ расположили въ убывающемъ порядкѣ участки по числу совершенныхъ въ нихъ преступленій, приходившихся на каждую тысячу жителей, во второмъ помѣстили эти же участки въ порядкѣ оцѣнки баллами общаго состоянія недвижимости и въ третьемъ столбцѣ расположили эти же 25 кварталовъ въ нисходящемъ порядкѣ количества воздуха на каждаго жителя. Кварталы обозначены буквами, и подчеркнутыя буквы обозначаютъ кварталы, въ которыхъ цѣна квартиръ оказалась въ среднемъ ниже 400 франковъ въ годъ.

---

[1]) Enquête sur les conditions des logements. Année 1894. Supplement au rapport général présénté á la Municipalité de Lausanne par André Schnetzler 1899. Значеніе цифръ Шнетцлера нѣсколько умаляется, впрочемъ, небольшими размѣрами города Лозанны.

№№	Число преступленій.		Оцѣнка недвижимости балломъ.		Количество воздуха на жильца.	
1.	**B.**	25.9	**C.**	4.75	X.	84.4
2.	**C.**	24.9	**H.**	4.66	N.	66.2
3.	**R.**	20.5	**B.**	4.36	V.	64.9
4.	G.	18.3	**R.**	4.34	E.	60.7
5.	**Z.**	18.0	**P.**	4.32	J.	60.6
6.	**P.**	17.4	Q.	4.10	F.	59.6
7.	O.	14.2	**U.**	3.91	I.	59.5
8.	**H.**	13.9	**S.**	3.72	Y.	53.7
9.	Q.	13.2	**K.**	3.59	M.	52.2
10.	**L.**	13.0	D.	3.48	A.	45.4
11.	**U.**	12.9	T.	3.42	G.	45.2
12.	D.	12.8	A.	3.10	D.	39.5
13.	**S.**	12.2	**Z.**	3.01	**L.**	36.5
14.	A.	10.5	O.	2.99	**S.**	34.4
15.	T.	9.1	E.	2.93	**U.**	34.3
16.	V.	8.4	N.	2.66	T.	33.6
17.	**K.**	6.7	G.	2.64	**P.**	32.5
18.	Y.	5.6	F.	2.63	Q.	31.8
19.	J.	4.3	I.	2.50	**B.**	30.5
20.	F.	4.2	M.	2.46	**H.**	30.4
21.	I.	3.7	**L.**	2.23	**K.**	30.2
22.	N.	2.9	Y.	2.07	O.	30.0
23.	X.	2.5	V.	2.01	**Z.**	29.8
24.	M.	2.5	J.	1.91	**C.**	26.4
25.	E.	1.6	X.	0.81	**R.**	26.1
	Средняя преступность по всѣмъ 25 квартал.=11.				Среднее количество воздуха на жильца по всѣмъ 25 кварталамъ=45,4.	

Разсмотрѣніе этихъ цифръ показываетъ, что между преступностью и состояніемъ жилищъ существуетъ прямое соотношеніе. При средней преступности по всѣмъ 25 кварталамъ въ 11% на 1000 жителей, тринадцать кварталовъ оказываются съ преступностью выше средней и въ числѣ ихъ всѣ кварталы, кромѣ

одного, съ цѣною квартиръ ниже 400 фр. въ годъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ преступность достигаетъ очень высокой, сравнительно, цифры: такъ, въ кварталѣ *B* и *C* она болѣе чѣмъ въ два раза выше средней (25.9 и 24.9 на 1000 жителей). Только одинъ кварталъ *K* съ дешевыми квартирами и съ малымъ количествомъ воздуха на жильца стоитъ благопріятно въ отношеніи преступности. Что касается четырехъ кварталовъ G, O, Q и D съ преступностью выше средней и квартирной платой выше 400 фр., то большая преступность трехъ изъ нихъ O, Q и D объясняется полною неудовлетворительностью ихъ въ гигіеническомъ отношеніи: въ нихъ приходится на жильца количество воздуха меньше средняго и въ двухъ смертность значительно выше средней: при средней смертности 18,9 приходилось умершихъ въ кварталѣ O—33 и Q—20,5. Такимъ образомъ, только одинъ кварталъ G, хорошо стоящій въ гигіеническомъ отношеніи, даетъ въ силу вліянія другихъ факторовъ большое число преступленій.

Изъ второго столбца и сравненія его съ первымъ можно видѣть, что наиболѣе преступными оказываются кварталы, гдѣ баллъ оцѣнки общаго состоянія недвижимости хуже и, наоборотъ, замѣчается почти полное отсутствіе преступленій въ кварталахъ, гдѣ баллъ оцѣнки лучше (лучшій баллъ въ кварт. X—0.81 съ преступностью 2.5, а худшій въ кварталѣ *C*—4,75 съ преступностью 24,9).

Наконецъ, разсмотрѣніе соотношенія между количествомъ воздуха, приходившагося на жильца, и преступностью ясно показываетъ, что наименѣе преступными оказываются кварталы, гдѣ на человѣка приходится больше воздуха и, наоборотъ, гдѣ приходится его меньше, тамъ преступность стоитъ выше: такъ, кварталы *R* и *C* занимаютъ два послѣднія мѣста по количеству воздуха въ жилищахъ и стоятъ на 2 и 3 мѣстѣ по высотѣ ихъ преступности. Такъ задыхаются бѣдные люди въ душной атмосферѣ конуръ не только физически, но и морально.

Мы увидимъ ниже, что жильцы, ютящіеся въ сырыхъ подвалахъ, въ углахъ, на чердакахъ и переполняющіе конуры-комнаты, даютъ большій процентъ всѣхъ преступленій: и противъ личности, и противъ собственности, и противъ общественной

тишины и пр. Чѣмъ объясняется такое дурное вліяніе скверныхъ жилищъ на преступность? Прежде всего, конечно, тѣмъ, что условія жизни въ дурныхъ жилищахъ развращаютъ ребенка съ самаго ранняго дѣтства. Что онъ видитъ здѣсь? Потемки угла темной, переполненной жильцами комнаты, не настолько темны, чтобы скрыть отъ ребенка картины грубаго пьянства и открытаго разврата. Онъ слышитъ циничную брань и усваиваетъ ее въ совершенствѣ ранѣе, чѣмъ узнаетъ первую букву азбуки. Грязныя улицы бѣдныхъ кварталовъ, гдѣ играетъ этотъ ребенокъ, не даютъ ему ничего новаго, чего онъ не видѣлъ бы у себя дома, а богатыя роскошныя улицы только еще ярче и сильнѣе даютъ чувствовать сознанію подростающаго пролетарія всю пропасть между его положеніемъ и классомъ богатыхъ, показывая, какъ много всего есть у другихъ и ничего у него самого, кромѣ рукъ для постоянной работы, не всегда достаточно сильныхъ и здоровыхъ и не всегда находящихъ занятіе. Нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ ребенокъ, выросшій среди дурныхъ примѣровъ скверныхъ жилищъ, пойдетъ по пути преступленія, будетъ пьянствовать, устраивать драки, красть и пр. Но дурныя жилища оказываютъ вліяніе на человѣка, выросшаго и въ другой, лучшей обстановкѣ; особенно замѣтно такое вліяніе на преступленія противъ личности и оно легко объяснимо. Скученные въ тѣсной комнатѣ жильцы тѣмъ чаще сталкиваются другъ съ другомъ, чѣмъ ихъ больше; на каждомъ шагу у нихъ есть основанія къ распрямъ, брани и оскорбленіямъ. Такъ, напримѣръ, у насъ, въ Россіи, неизсякаемымъ источникомъ многочисленныхъ столкновеній является пользованіе всѣми жильцами одною общею печью, однимъ столомъ для ѣды и т. д. Въ комнатѣ, тѣсно заставленной койками, жильцу приходится лавировать между этими непрочными сооруженіями и скарбомъ сосѣдей, и неловкій шагъ влечетъ за собою ссору. Все это поддерживаетъ въ жильцахъ далеко недружелюбныя отношенія другъ къ другу и устанавливаетъ среди нихъ ту напряженность настроенія, которая такъ часто и бурно прорывается въ грубой брани и взаимныхъ оскорбленіяхъ. Эти своеобразныя коммуны,—«фалланстеры» суровой дѣйствительности—воспитываютъ въ своихъ обитателяхъ чувства совершенно противоположныя тѣмъ,

на развитіе которыхъ разсчитывалъ утопистъ Фурье въ своихъ идеальныхъ фалангахъ.

Подтвержденіе этому объясненію вліянія густоты населенія на преступность мы находимъ и въ уголовной статистикѣ: преступность обыкновенно стоитъ выше тамъ, гдѣ гуще населеніе. Такъ, напримѣръ, въ Саксенъ-Мейнингенскомъ герцогствѣ въ 1893—97 г.г. преступность была выше въ округахъ, гдѣ на 1 кв. килом. и на жилое помѣщеніе приходилось больше жителей [1]).

Совершенно такое же явленіе установлено въ Мадридѣ наблюденіями de Quiros и Aguilaniedo. Изъ 8 кварталовъ Мадрида три населены бѣднотою; здѣсь насчитывается 152.124 жителя, т. е. $^{2}/_{5}$ населенія всего города. Въ то время, какъ въ 5 болѣе достаточныхъ кварталахъ приходится въ среднемъ 38 жителей на домъ, въ трехъ бѣдныхъ кварталахъ ихъ насчитывается отъ 52 до 55, и въ то же время на эти же кварталы выпадаетъ наибольшее число внѣбрачныхъ рожденій, преступленій и пьянства. За 1895—97 г.г. 76.913 человѣкъ изъ этихъ кварталовъ появились передъ городскими судьями Мадрида.

Приведенныя до сихъ поръ цифры относились къ общей преступности, безъ раздѣленія ея на ея типичныя формы: преступленія противъ собственности, личности и общественнаго порядка. Въ таблицахъ Schnetzler'а мы находимъ отвѣты и на эти интересные вопросы. Такъ, напримѣръ, драки распредѣлялись по кварталамъ слѣдующимъ образомъ:

C—19	Y—6	T—5	F—3	E—1
L—14	**H**—5	A—4	O—3	I—1
Z—13	G—5	**B**—4	Q—3	N—1
P—11	**K**—5	**R**—4	J—2	V—1
U— 6	**S**—5	X—4	M—2	D—0

---

[1]) Weidemann: Die Ursachen der Kriminalität im Herzogtum Sachsen-Meiningen. Berl. 1903 (Abhand. d. Krim. Sem. an der Univ. Berl.) стр. 42.

Названіе округа.	На 100.000 мужск. civilpers. осуждено.	Число жителей на 1 кв. кл.	Число жителей на 1 жилой домъ.
Мейнингенъ...........	1794	87,60	8
Хильдбургхаузенъ	1828	74,44	8
Заальфельдъ	2077	109,75	8,5
Зоннебергъ	2848	179,07	12

[1]) De Quiros et Aguilaniedo: La mala vida en Madrid 1901. Цитировано по Année sociologique Durkheim'a vol. V, 461—462 p. p.

Итакъ, въ кварталѣ *C*, одномъ изъ самыхъ скверныхъ по своимъ гигіеническимъ условіямъ, занимающемъ предпослѣднее мѣсто по количеству воздуха, приходящагося на человѣка, совершается столько же дракъ, сколько въ восьми вмѣстѣ взятыхъ кварталахъ, въ которыхъ приходится болѣе всего воздуха на каждаго жильца (A, N, V, E, J, F, X, Y).

Также распредѣляются проступки, вызванные столкновеніями съ полиціей: сопротивленіе, оскорбленіе и угрозы агентамъ полиціи и нарушеніе общественной тишины. Кварталы съ дурными жилищами занимаютъ подрядъ девять первыхъ мѣстъ по числу этихъ нарушеній, и въ то время, когда обитатели душныхъ, грязныхъ квартиръ дерутся другъ съ другомъ, нарушаютъ общественную тишину уличными скандалами и сталкиваются съ полицейскими агентами, жильцы болѣе достаточныхъ кварталовъ живутъ почти безъ всякаго риска быть поколоченными и безъ всякихъ непріятностей съ полиціей. Нарушеніе общественной тишины, конечно, легче совершить тому, кто выросъ не въ тишинѣ спокойной дѣтской, но среди несмолкаемаго шума переполненной квартиры, среди постоянныхъ раздоровъ жильцовъ, кто не можетъ вполнѣ понимать и цѣнить значеніе тишины, такъ какъ не знаетъ ея. Правда, нарушенія общественной тишины совершаются чаще всего лицами, находящимися въ состояніи опьяненія, но и въ этихъ случаяхъ вліяніе жилища является иногда косвенной причиной: глубоко правы многочисленные сторонники того взгляда, что дурныя жилища вліяютъ на развитіе алкоголизма. Не трудно нарисовать себѣ картину возвращенія къ себѣ домой рабочихъ въ ихъ квартиры безъ свѣта и воздуха, тѣсныя и грязныя. Что же удивительнаго, что они бѣгутъ отсюда въ трактиръ, ресторанъ, кафе, гдѣ чисто, такъ много свѣту и весело, особенно за стаканомъ вина [1]).

Изученію вліянія дурныхъ жилищъ на проституцію посчастливилось болѣе, чѣмъ вопросу о вліяніи жилищъ на преступ-

---

[1]) На преступленіяхъ противъ собственности мы замѣчаемъ также вліяніе числа жителей, приходящихся на домъ; въ Саксенъ-Мейнингенскомъ герцогствѣ воровства и обмана больше въ тѣхъ округахъ, гдѣ больше жителей на каждое жилое помѣщеніе; а изъ таблицъ Шнетцлера видно, что воровство развито болѣе въ кварталахъ съ скверными квартирами.

ность: лишь рѣдкіе изслѣдователи (и въ числѣ ихъ Ломброзо) проходятъ молчаніемъ или суживаютъ значеніе здѣсь соціальныхъ условій вообще и громаднаго значенія жилищъ въ частности. При современномъ состояніи жилищъ ихъ вліяніе на ростъ проституціи неизбѣжно и вполнѣ понятно. Такъ при обслѣдованіи жилищныхъ условій городского населенія повсемѣстно и часто были обнаруживаемы не только случаи, когда койки и кровати дѣвушекъ находились бокъ о бокъ съ кроватями мужчинъ, но были констатируемы случаи въ родѣ слѣдующихъ: «двѣ дѣвушки и взрослый мальчикъ спятъ на одной кровати» или 15-лѣтняя дѣвушка спитъ вмѣстѣ съ отцомъ на одной койкѣ» и т. д.[1]). Бываютъ, и не только въ видѣ исключенія, случаи, когда проститутки живутъ въ общей съ другими жильцами комнатѣ, а дѣти и дѣвушки являются невольными свидѣтелями картинъ, развращающихъ и умъ и душу. При такихъ условіяхъ жизни легче пасть, чѣмъ устоять.

Дурное состояніе квартиръ бѣднаго люда — явленіе повсемѣстное; бѣдные классы всѣхъ народовъ одинаково страдаютъ отъ этого зла, но больше и хуже въ большихъ промышленныхъ центрахъ и особенно въ т. н. рабочихъ кварталахъ этихъ центровъ. Такъ, въ Парижѣ, по анкетѣ 1890 г. было обнаружено, что изъ 19284 семей рабочихъ—9364 семьи жили каждая въ одной комнатѣ и изъ нихъ 2186 семьи въ мансардахъ и 200 въ подвалахъ. Въ 1511 семьяхъ было болѣе пяти человѣкъ, помѣщавшихся въ одной комнатѣ[2]). Рабочія квартиры въ Парижѣ, по словамъ изслѣдователя, не достойны цивилизованнаго населенія столицы Франціи. Bertillon въ своей прекрасной работѣ по сравнительной статистикѣ перенаселенія квартиръ въ столицахъ нашелъ, что 331976 парижанъ, т. е. 14% населенія Парижа жили въ переполненныхъ квартирахъ[3]).

---

[1]) *Dr. Lux*: Die Prostitution, ihre Folgen und ihre Bekämpfung. 1894. s. 15.

[2]) Congrés internat. des habitations à bon marché tenu à Bruxelles 1897, Rapport de M. *Soenens* p. 93,

[3]) Essai de statistique comparée du surpeuplement des habitations à Paris et dans les grandes capitales européennes par Mr. *Jacques Bertillon*. 1894. См. *В. В. Святловскаго:* жилищный вопросъ съ экономич. точки зрѣнія. 1902, особенно I и IV вып.

Въ Брюсселѣ, по заключенію проф. Denis, только пятая часть рабочаго населенія живетъ въ удовлетворительныхъ квартирахъ, не смотря на то, что этотъ городъ еще въ 1843 г., первый изъ бельгійскихъ городовъ, подробно обслѣдовалъ жилищныя условія бѣдноты, и съ тѣхъ поръ этотъ вопросъ не переставалъ занимать, если не городское самоуправленіе, то лучшихъ его представителей. Внесенію въ 1889 г. въ палату депутатовъ проекта о рабочихъ жилищахъ предшествовало изученіе квартирнаго вопроса и комиссія пришла къ убѣжденію, что сотни тысячъ квартиръ должны быть разсматриваемы, какъ абсолютно нездоровыя [2]).

Въ чрезвычайно печальномъ положеніи находится квартирный вопросъ въ Италіи. Извѣстный итальянскій криминалистъ Ферріани вздумалъ самъ заглянуть въ жилища бѣдняковъ. Онъ нашелъ, что жилища бѣднаго люда являются нарушеніемъ элементарныхъ требованій гигіены, нравственности и человѣчности. Гигіена, нравственность и человѣчность безнаказанно попираются здѣсь домовладѣльцами. Во время своего обхода квартиръ онъ видѣлъ картины глубокой нищеты, эхомъ отзывающейся такъ часто въ камерахъ мировыхъ судей, «картины, такъ надрывающія сердце, что ихъ передача покажется многимъ плодомъ фантазіи». Авторъ замѣчаетъ: «я говорю—жилые дома, а на самомъ дѣлѣ такое названіе часто никакъ нельзя примѣнить къ грязнымъ конурамъ, въ которыхъ богачъ не позволитъ пробыть своей собакѣ и часу. Никогда не исчезнутъ изъ моей памяти эти картины, и я понимаю, что эти жилища необходимо должны быть очагомъ тѣлесныхъ и душевныхъ болѣзней самаго сквернаго свойства и, прежде всего, проституціи» [2]).

По даннымъ, относящимся къ 1891 г. на 24.153 подвала (въ нѣсколькихъ городахъ Италіи) приходилось 101.456 жильцовъ и на 54.638 квартиръ въ чердакахъ—183.270 жильцовъ [3]).

Совершенно такого же мнѣнія и другіе итальянскіе криминалисты Nicefоro и Sighele, давшіе описаніе бѣдныхъ квартиръ

---

[1]) Жилищный вопросъ и обществ.-благотворительность въ Бельгіи. М. Д. Трудовая помощь. 1902 г. октябрь.

[2]) *Ferriani*: Die schlauen und glücklichen Verbrecher. Berl. 99, 444 s.

[3]) *М. Загряцковъ:* Дешевыя жилища въ городахъ сѣверн. Италіи (изв. Моск. гор. думы 1902 г.).

въ Римѣ. «Гнѣздо римской бѣдноты—«mala vita», пишутъ они, находится большею частью во всемъ томъ кварталѣ, который идетъ отъ Campo Verano до площади Vittorio Emanuele и отъ нея до границъ квартала Esquilino. Тутъ ютится міръ эксплоатируемыхъ женщинъ, воровъ по профессіи, шарлатановъ, проститутокъ. Это—міръ, гдѣ каждую ночь совершаются преступленія, которыхъ не узнаетъ полиція и гдѣ подготовляются планы будущихъ предпріятій... Войдите въ эти огромныя зданія, гдѣ по микроскопическимъ комнаткамъ размѣщается человѣкъ по шести въ каждой конурѣ, и вы найдете здѣсь корни дурного растенія: здѣсь, какъ ядовитые грибы, растутъ въ нездоровой сырости преступленія, наводящія ужасъ на весь городъ» [1]).

Въ Лондонѣ королевская комиссія для изслѣдованія жилищъ рабочаго класса называетъ переполненіе этихъ квартиръ позоромъ для общества. Тягости квартирнаго вопроса увеличиваются еще огромнымъ за послѣдніе 50 лѣтъ повышеніемъ въ Англіи квартирной платы на 150% [2]).

---

[1]) Пересѣкая эти улицы, пишутъ цитированные криминалисты о бѣдныхъ кварталахъ Рима, не встрѣчаешь той отвратительной окраски, какую видишь почти на всѣхъ улицахъ Неаполя, но легко замѣчаешь печальныя, меланхолическія картины бѣдности, разлитой всюду, видишь „нѣчто блѣдное, исхудалое, исходящее отъ фасадовъ домовъ, лавокъ, отъ группы женщинъ и дѣтей, работающихъ или играющихъ у входа подъ высокими воротами". Авторы видѣли по шести человѣкъ въ комнаткахъ, гдѣ воздуху было лишь на одного человѣка. Въ одной изъ комнатъ жила прачка съ сожителемъ и тремя сыновьями и двумя дочерьми отъ перваго брака, при чемъ всѣ дѣти, изъ которыхъ старшему было 17 лѣтъ, спали на одной кровати; въ другой комнатѣ на соломенномъ тюфякѣ спало семь человѣкъ; въ третьей конурѣ жила семья изъ чахоточнаго, лежащаго въ лихорадкѣ мужа, потерявшаго работу и больной беременной жены, зарабатывающей шесть су въ день (около двадцати пяти копѣекъ); въ одной изъ комнатъ, снятой старикомъ нищимъ, жили кромѣ него и старухи, молодой рабочій 18 лѣтъ на одномъ тюфякѣ, а на другомъ три сестры сироты 18, 13 и 8 лѣтъ, изъ которыхъ старшая была сожительница рабочаго. Въ жилищахъ этихъ отверженныхъ, гдѣ рядомъ ютятся безработный и профессіональный воръ, погибшая женщина и ребенокъ работницы, „самая безысходная бѣдность сплетается съ преступленіемъ" 63 стр. На изрисованныхъ и исписанныхъ стѣнахъ этихъ комнатъ авторы прочли надписи: „голодъ", „каторжныя работы" и пр.; тамъ же, 66 стр. *Alfredo Niceforo*, *Scipio Sighele:* La mala vita a Roma.

[2]) *Гобсонъ*: Проблемы бѣдности и безработицы. 1900 г., стр. 24.

Въ Берлинѣ изъ каждой сотни семей въ 5 человѣкъ 32 семьи живутъ въ квартирахъ изъ 2 комнатъ, а изъ 100 семей въ 9 человѣкъ 36,5 семей живутъ въ квартирахъ изъ 3 комнатъ; вообще, чѣмъ больше семья, тѣмъ хуже ея жилищныя условія (вычисленія Бертильона).

Въ Вѣнѣ 26% семей изъ 6—10 членовъ живутъ въ квартирахъ изъ 2 комнатъ.

Можно бы привести и другія цифры жилищной нужды рабочаго и бѣднаго класса населенія, но для нашихъ цѣлей достаточно и приведенныхъ. На западѣ, особенно въ странахъ, гдѣ рабочая партія имѣетъ въ парламентахъ своихъ представителей, вопросъ объ уменьшеніи тягостей жилищной нужды давно привлекаетъ къ себѣ вниманіе политическихъ дѣятелей. Такъ, въ Бельгіи депутатъ соціалистъ Denis представилъ въ 1903 г. въ палату проектъ закона о рабочихъ жилищахъ; въ Англіи радикалъ Макнамара, при обсужденіи въ февралѣ 1903 г. отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, внесъ поправку съ указаніемъ на необходимость улучшенія рабочихъ жилищъ. Но, къ сожалѣнію, не всегда эти добрыя начинанія выходятъ изъ области преній въ дѣйствительность. Такъ, напримѣръ, указанная выше поправка радикала Макнамара была отвергнута. Такова, впрочемъ, судьба многихъ проектовъ экономическаго свойства, имѣющихъ цѣлью улучшеніе положенія низшихъ и бѣдныхъ слоевъ населенія: борьба различныхъ классовъ современнаго общества слишкомъ обострена, чтобы представители достаточныхъ классовъ согласились «дарить» милліоны нищимъ и эти бездомные нищіе, обитатели темныхъ угловъ, чердаковъ и вонючихъ подваловъ, мстятъ безсознательно, а иногда и сознательно своими преступленіями «имущимъ, но не дающимъ», и то, что не было дано на реформы экономическаго свойства, дается и, можетъ быть, въ еще бо̀льшемъ размѣрѣ, на увеличеніе тюремнаго бюджета. Простая аксіома проф. Листа, что законъ о жилищахъ дѣлаетъ гораздо болѣе для уменьшенія преступности, чѣмъ дюжина новыхъ уголовныхъ законовъ, остается для многихъ совершенно непонятной.

б) Вліяніе на преступность цѣнъ хлѣба [1]).

На громадное значеніе голода и высокихъ цѣнъ хлѣба въ годы неурожаевъ было обращено вниманіе многими криминалистами и экономистами еще задолго до появленія труда Колаянни. Уже древніе римскіе философы говорили о необходимости принимать во вниманіе то состояніе крайней необходимости, которое создавалось голодною нуждою. Въ XVI столѣтіи *Albertus de Gandino* и *de Bello Visu* развиваютъ мысль объ оправданіи голодной кражи соображеніями христіанско-коммунистическаго характера: *«tempore necessitatis omnia esse communia»* [2]). Изъ нашего очерка о предшественникахъ соціологической школы уголовнаго

---

[1]) *Colajanni* II v. 543—557.

Alfredo Niceforo: La delinquenza in Sardegna Cap. V: condizioni economiche e criminalita. *Eduard Reich:* De l'influence du systeme économique et social sur la criminalité. (IV congrès intern. de psychologie tenu à Paris 1900, 756—760 p.p.). *Georg Mayer*: Das Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben. München, 1877. *Haston Richard*: Les crises sociales et les conditions de la criminalité (Année sociologique publiée sous la direction de Durkheim 3-me année). *Joli*: La France criminelle, Paris. IX chap. *Tarde*: La criminalité et les phenomènes économiques. Arch. d'anthr. crim. XV t. *Denis Hector*: La dépression économique et sociale et l'histoire des prix. Jxelles—Bruxelles. 1895, 166—168 p.p. *Denis Hector*: доклады 3 и 5 Межд. Антроп. Конгрессамъ. *Herman Berg*: Getreidepreise und Kriminalität in Deutschland seit 1882, (Abhandlungen des kriminalistischen Seminars an der Universität Berlin. Neue Folge, I B. II Heft, Berl, 1902), *Walter Weidemann*: Die Ursachen der Kriminalität im Herzogtum Sachsen Meiningen (ibid, II B., I Heft, 1903). *Albert Meyer*: Die Verbrechen in ihrem zusammenhang mit den wirtschaflichen und socialen Verhältnissen im Kanton Zürich. Jena. 1895. *Lindenberg*: Die Ergebnisse der Deutschen Kriminalstatistik 1882—1892. (Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik 1894, VIII B., Dritte Folge). *Fornasari di Verce*: La criminalita e le vicende economiche d'Italia dal 1873 al 1890. Torino 1894. *Lombroso*: Die Ursachen und Bekämpfung des Verbrechens. Berl. 1902, 67—77 стр. Е. Н. Тарновскій: Вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ на движеніе преступленій противъ собственности въ Россіи Жур. Мин. Юст. № 8, 1898. *W. A. Bonger*: Criminalité et conditions économiques. Amsterdam. 1905. *Van Kan*: Les causes économiques de la criminalité, 1903. *Damme*: Die Kriminaität und ihre Zusammenhänge in der Provinz Schleswig—Holstein vom 1882 bis 1890 Zeitschr. f. d. g. Str. XIII B.

[2]) *Розинъ Н.*: О крайней необходимости. 1899. 52 стр.

права можно видѣть, что, начиная съ Томаса Моруса, цѣлый рядъ писателей подробно выяснялъ вліяніе голода на преступность. Но строго научное изученіе такого вліянія сдѣлалось возможнымъ лишь въ XIX вѣкѣ со времени появленія матеріаловъ по уголовной статистикѣ. Въ настоящее время литература о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ на преступленія несомнѣнно богаче, чѣмъ о какомъ либо другомъ факторѣ преступности. Но Колаянни, опубликовавшій свой трудъ въ 1889 году, могъ воспользоваться лишь тѣми работами, которыя захватывали періодъ не позднѣе 1885 года.

Къ сожалѣнію, несмотря на появленіе за послѣдніе годы не только статей въ журналахъ, но и отдѣльныхъ монографій по интересующему насъ теперь вопросу, нельзя сказать, чтобы спорные въ 1889 году вопросы находили въ наши дни одинаковое разрѣшеніе. Наоборотъ, разногласій какъ будто стало даже больше и, во всякомъ случаѣ, они стали рѣзче. Эти разногласія касаются не только той или другой степени вліянія экономическаго положенія на различныя преступленія, но и самой возможности такого вліянія. Съ одной изъ теорій, отрицающихъ вліяніе бѣдности (ученіе Гарофало), мы уже имѣли случай познакомиться. Къ взглядамъ этого сторонника уголовно-антропологической школы примкнули, если не вполнѣ, то отчасти, нѣкоторые другіе криминалисты. Таковы, напримѣръ, Eugène Rostand, Henri Joly и др. Всѣ эти авторы сходятся съ Гарофало въ томъ, что, отрицая или умаляя значеніе бѣдности, какъ фактора преступности, признаютъ преимущественное значеніе за нравственнымъ чувствомъ.

Такъ *Rostand* полагаетъ, что, если не бѣдность, то по крайней мѣрѣ крайніе предѣлы нищеты могутъ вызывать преступленіе, но въ дѣйствительности нищета служитъ факторомъ преступности только тогда, когда для ея вліянія подготовлена соотвѣтствующая почва въ области морали и вѣры человѣка, когда недостаточно развиты или совершенно отсутствуютъ моральное и, особенно, религіозное чувства [1]).

Таково же мнѣніе *Жоли* (*Henri Joly* — авторъ извѣстныхъ

---

[1]) *Eugène Rostand*: Criminalité et socialisme. *Его же:* Pourquoi la criminalité monte en France et basse en Angleterre. Reforme Sociale 1897.

работъ «La France Criminelle», «Le crime» «Le combat contre le crime» и др.). Не голодъ и не нищета заставляютъ совершать преступленія, но лѣнь, дурное поведеніе и еще чаще желаніе полакомиться [1]). Не экономическое состояніе служитъ объясненіемъ безчестности или честности, говоритъ Жоли, но отношеніе человѣка къ своему состоянію богатства или бѣдности, т. е. недовольство или довольство своею судьбою [2]).

Подтвержденіе своей теоріи Жоли видитъ въ статистикѣ обвиненій по дѣламъ о кражахъ, разобраннымъ судомъ присяжныхъ во Франціи съ 1830 г. по 1860 г.: на 1000 кражъ приходилось 395 похищеній денегъ и банковыхъ билетовъ; слѣдующее мѣсто по численности занимали кражи бѣлья, одежды, товаровъ и драгоцѣнностей, а послѣднее мѣсто принадлежало кражамъ зерна, муки и домашнихъ животныхъ; ихъ было всего 55 на 1000. Автору, конечно, извѣстны цифры, показывающія вліяніе на преступность неурожаевъ, «но неурожаи—исключительное явленіе, а воровство—постоянное; неурожаи встрѣчаются все рѣже, а воровство растетъ» [3]).

---

[1]) *Joly* цитируетъ мемуары бывшаго начальника сыскной полиціи *Macé*: Un joly monde: изъ ста воровокъ одна крадетъ по нуждѣ, мужчины крадутъ вино, ликеры, женщины—шоколадъ, конфекты, пирожное и фрукты.

[2]) *Joly*: La France criminelle 1889. 363 p. См. статью *Е. Д. Синицкаго*: Моралистическое направленіе въ угол. пр. Сбор. Правовѣд. IV кн.

[3]) *Henri Joly*: La France criminelle. 358 p.

Съ большими оговорками признаетъ вліяніе бѣдности также и *Proal* („Le crime et la peine“ Paris 1892, Ch: IX Le crime et la misère). Онъ не отрицаетъ вліяніе голода: преступность растетъ въ годы неурожаевъ и при томъ въ Алжирѣ сильнѣе, чѣмъ во Франціи, такъ какъ арабы менѣе предусмотрительны. У дикихъ вліяніе голода еще сильнѣе: они не останавливаются даже передъ убійствомъ стариковъ. Однако, по мнѣнію *Proal*, случаи, когда преступленіе совершается подъ вліяніемъ нищеты, не многочисленны (202 p.). Хотя распредѣленіе и неравномѣрно, но общество все болѣе проникается, по мнѣнію *Proal*, своимъ долгомъ къ бѣднымъ: „ce n'est pas pour se soustraire à la misère, mais pour se procurer la richesse, le luxe, les plaisirs ou pour satisfaire les passions que la plupart des crimes sont commis“. Жадность и страсти, толкающія на преступленіе, такое же достояніе богатыхъ, какъ и бѣдныхъ. „Ce qui provoque un crime, c'est bien moins la pauvreté, que le chômage“. (206 p.). *Proal* убѣжденъ, что ростъ благосостоянія и образованія никогда не сдѣлаютъ уголовный кодексъ лишнимъ. (207 стр.).

Лучшее опроверженіе теорій Rostand, Joli, а также и Гарофало мы находимъ въ цифрахъ уголовной статистики, которыя представляемъ ниже. Но эти теоріи вызываютъ и другія возраженія.

Если выходить изъ предположеній Жоли, что только ту кражу можно признать совершенной изъ нужды, которая имѣла своимъ объектомъ предметы первой необходимости, то авторъ долженъ былъ бы искать отвѣта на вопросъ о вліяніи бѣдности въ статистическихъ данныхъ о дѣлахъ подсудныхъ не суду присяжныхъ, но судамъ низшимъ. Жоли опустилъ изъ вниманія ничтожное количество дѣлъ, разсмотрѣнныхъ судомъ присяжныхъ: такъ, въ періодъ 1896—1900 г. г. этимъ судомъ разбиралось среднимъ числомъ въ годъ 716 дѣлъ и прекращалось 7415 дѣлъ, а въ исправительныхъ судахъ разобрано 33202 и прекращено 87587 дѣлъ среднимъ числомъ въ годъ [1]). Если принять во вниманіе эти цифры и вспомнить, что суду присяжныхъ неподсудны всѣ мелкія кражи, за исключеніемъ, совершенныхъ съ квалифицирующими обстоятельствами, то указанная выше цифра (55 кражъ муки и зерна на 1000 кражъ) оказывается далеко не маленькой величиной: едва ли мы ошибемся, если отнесемъ все это число къ дѣламъ, сдѣлавшимся подсудными суду присяжныхъ только потому, что ихъ голодные авторы не остановились не только передъ совершеніемъ простой, но даже и квалифицированной кражи. Но не правъ Жоли и въ другомъ отношеніи. Чтобы доказать ничтожное, по его убѣжденію, значеніе для преступности бѣдности, онъ ссылается только на указанные выше случаи кражъ зерна и муки, опуская изъ вниманія совершенно аналогичное съ этими предметами значеніе другихъ предметовъ первой необходимости: одежды, дровъ, угля и пр. Между тѣмъ Starke доказалъ, что такія преступленія, какъ кража лѣса, совершаются

---

[1]) По даннымъ французской уголовной статистики (Compte général 1900), число дѣлъ о кражахъ—проступкахъ всегда превышало въ нѣсколько разъ число кражъ—преступленій, подсудныхъ суду присяжныхъ; такъ:

	1886—1890		1891—1895		1896—1900	
	разобр.	прекр.	разобр.	прекр.	разобр.	прекр.
Кражи проступки. . .	992	7318	835	8031	716	7415
Кражи преступленія.	36855	75249	37088	86267	33202	87587

преимущественно, если не исключительно, бѣдняками и достигають своего максимума въ годы неурожаевъ и высокой цѣны на хлѣбъ [1]). Это же явленіе отмѣчаетъ и Проаль: въ холодныя зимы во Франціи чаще совершаются бѣдными женщинами кражи угля для топлива [2]).

Теорію Гарофало, такъ рѣшительно и такъ полно вычеркивающаго всякое вліяніе бѣдности на преступность, мы изложили выше въ главѣ о предшественникахъ соціологической школы уголовнаго права [3]). Мы остановимся здѣсь на ея критикѣ. Прежде всего вызываетъ замѣчанія главнѣйшій тезисъ теоріи этого криминалиста-антрополога: бѣдность, т. е. состояніе, характеризующееся полнымъ отсутствіемъ капитала, не представляетъ, по мнѣнію Гарофало, ничего ненормальнаго на томъ основаніи, что пролетаріатъ свыкся съ такимъ положеніемъ. Но свыкнуться съ нуждою и бѣдностью невозможно. Утверждая противное Гарофало впадаетъ въ очевидное противорѣчіе съ самимъ собою, такъ какъ признаетъ, что въ наше время нѣтъ довольныхъ своимъ положеніемъ: рабочій завидуетъ хозяину, мелкій торговецъ — крупному, чиновникъ—своему начальнику и т. д. [4]). Тѣмъ значительнѣе недовольство бѣдныхъ слоевъ. Современные бѣдняки— не дикари; ихъ потребности выходятъ далѣе круга чисто животной жизни и ихъ недовольство должно быть тѣмъ ярче и сильнѣе, что часто остается безъ удовлетворенія насущнѣйшая нужда въ пищѣ. Указываютъ на громадную разницу между жизнью рабочихъ классовъ теперь и ихъ жизнью въ недалекомъ прошломъ. Несомнѣнно, что ихъ квартиры, пища и одежда теперь значительно лучше, чѣмъ были двадцать лѣтъ тому назадъ, но при этомъ забываютъ, что потребности рабочаго и бѣдныхъ классовъ не могли остаться такими же, какими были четверть

---

[1]) Изслѣдованіе *Strarke* (Verbrechen und Verbrecher. Ber. 1884), касается Пруссіи: въ ней число кражъ лѣса достигло maximum въ періодъ 1854—1876, въ годы наиболѣе высокой цѣны на хлѣбъ; оно падало до minimum въ годы низкихъ цѣнъ и оставалось на среднемъ уровнѣ при среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ (см. Lombroso: Die Ursachen u. Bekämpfung des Verbrechens. стр. 68).

[2]) *Proal* le crime et la peine. 1892, 202 стр.

[3]) См. выше 72—74 стр.

[4]) *Garofalo*: La Criminologie 1895. 170 p.

вѣка назадъ. Онѣ возросли, но далеко не всѣ изъ нихъ находятъ себѣ должное удовлетвореніе. Если, такимъ образомъ, подъ бѣдностью разумѣть разницу между ощущаемыми потребностями и возможностью ихъ удовлетворенія, то теперь, по справедливому замѣчанію Гобсона, бѣдности больше, чѣмъ когда либо [1]).

Что касается утвержденія Гарофало, что капиталисты страдаютъ сильнѣе пролетаріата, такъ какъ при несравненно большемъ количествѣ потребностей у нихъ чаще возможны случаи неудовлетворенія этихъ потребностей, то такое утвержденіе слишкомъ парадоксально, чтобы подробно останавливаться на его критикѣ. Итальянскій криминалистъ заявляетъ это совершенно голословно. Изъ того факта, что у состоятельныхъ классовъ потребностей больше, еще не вытекаетъ, что эти потребности остаются чаще безъ удовлетворенія. Кромѣ того Гарофало опустилъ изъ вниманія совершенно различную возможность удовлетворенія богатыми и бѣдными классами своихъ потребностей легальнымъ путемъ. У богатаго эта возможность всегда есть въ той или другой степени, а у бѣдняка ея обыкновенно не существуетъ; у богатаго остается возможность достичь желаемаго путемъ сокращенія своего бюджета, а у бѣднаго нѣтъ этой возможности, такъ какъ дальнѣйшее уменьшеніе сокращеннаго до крайнихъ предѣловъ бюджета обыкновенно немыслимо [2]). Но и статистическія вычисленія Гарофало въ доказательство одинако-

---

[1]) Доходы бѣдныхъ увеличились, говоритъ *Гобсонъ*, но ихъ желанія и потребности увеличились еще больше. Отсюда ростъ сознательной классовой ненависти, большая вражда бѣдныхъ къ богатымъ. Они (бѣдные) были нѣкогда голы и не стыдились этого; но мы показали имъ лучшія условія жизни. Мы подняли норму требованій, предъявляемыхъ ими къ приличной человѣческой жизни, но мы не увеличили для нихъ въ соотвѣтствующей степени возможности достичь этого. *Гобсонъ*: Проблемы бѣдности и безработицы. Сп. 900 г. 26 и 27 стр.

[2]) *Гобсонъ* поясняетъ послѣдствія такого сокращенія бюджета на примѣрѣ: „сокративъ на половину доходъ богатаго человѣка, вы принудите его сократить свои расходы; онъ долженъ будетъ отказаться отъ своей яхты, отъ своей кареты или отъ какой-нибудь другой роскоши; отъ такого сокращенія расходовъ пострадаетъ его гордость, но оно не причинитъ ему особенно большихъ личныхъ неудобствъ. Но если вы сократите на половину доходъ хорошо оплачиваемаго механика, то вы доведете его и его семью до крайней бѣдности“ (ук. соч. 8 стр.).

ваго процента преступниковъ среди богатыхъ и бѣдныхъ представляются намъ ошибочными и произвольными. Если правильно отнесеніе злостнаго банкротства къ числу преступленій состоятельныхъ классовъ, то непонятно почему отнесены сюда же всѣ обвиненія въ поддѣлкѣ монетъ, подлогахъ и торговыхъ обманахъ. Относительно поддѣлки монетъ и подлоговъ можно лишь признать, что для ихъ совершенія нужна нѣкоторая степень грамотности и развитія, но отнюдь не требуется состоятельности. Что касается торговыхъ обмановъ, то рисковано относить ихъ къ преступности *только* богатыхъ слоевъ населенія. Извѣстно, что статистика заноситъ въ разрядъ купцовъ также и бѣдныхъ торговцевъ-разносчиковъ и приказчиковъ.

Вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ своимъ гадательнымъ вычисленіямъ процента преступниковъ среди богатыхъ и бѣдныхъ классовъ, Гарофало могъ бы обратиться, напримѣръ, къ французской статистикѣ и онъ нашелъ бы здѣсь прямой отвѣтъ на интересующій его вопросъ. По даннымъ французской уголовной статистики за все время ея существованія наиболѣе обезпеченный классъ капиталистовъ и собственниковъ оказывается наименѣе преступнымъ, а классы, живущіе личнымъ трудомъ и лица безъ опредѣленныхъ занятій и положенія, наиболѣе преступными. Такъ, сводный отчетъ за 1881 — 1900 г. констатируетъ минимумъ преступности среди чиновниковъ, капиталистовъ и собственниковъ; особенно незначительно участіе богатыхъ классовъ въ преступленіяхъ противъ собственности [1]). То же самое подтверждаетъ уголовная статистика Германіи [2]).

[1]) Compte général de l'admin. de la just. crim. 1902 p.p. XXVIII, XXVII. Незначительна также преступность рыбаковъ; она объясняется условіями ихъ жизни внѣ общества, на морѣ. Не всѣ отчеты ставятъ свѣдѣнія о профессіи обвиняемыхъ въ соотношеніе съ числомъ лицъ этой профессіи среди всего населенія страны.

По отчету за 1882 годъ приходилось обвиняемыхъ муж. пола въ судѣ присяжныхъ на 100.000 лицъ той же профессіи: земледѣльцевъ 16, рабочихъ земледѣльцевъ 24, занятыхъ въ промышленности 25, въ торговлѣ 38, либеральныя профессіи 28, прислуга 49, рантье, собственники 6 (Compte général за 1882 г., XII стр.).

За 1887 г.: земледѣліе—14 муж., промышленность—26, транспортъ—33, торговля—21, прислуга—20, собственники, рантье, либеральныя профессіи 12, безъ занятій и неизвѣстно 139 (IX р.).

[2]) Kriminalstatistik 89 B. 312—313, s., 95 B. 314—315 s; 120 B. 330—

Но лучшимъ доказательствомъ влiянiя на преступность бѣдности служитъ возрастанiе числа преступленiй въ годы неурожаевъ и въ перiоды высокихъ цѣнъ на необходимые жизненные продукты и соотвѣтствующее сокращенiе преступности въ годы низкихъ цѣнъ.

Въ подтвержденiе такого влiянiя Колаянни указываетъ на нѣкоторыя статистическiя данныя. Приводимыя имъ цифры немногочисленны и относятся къ сравнительно старому времени [1]). Но и новѣйшiя изысканiя, которыми Колаянни не могъ воспользоваться, подтверждаютъ его выводы. Таковы работы — Herman Berg, Walter Weidemann, Albert Meyer, Е. Н. Тарновскаго и др. [2]).

Изъ этихъ работъ трудъ Мейера (Meyer) охватываетъ наиболѣе продолжительный перiодъ съ 1832 по 1892 г. Для каждаго изъ этихъ шестидесяти годовъ Мейеръ высчиталъ среднюю цѣну на хлѣбъ въ кантонѣ Цюрихѣ и сопоставилъ полученныя имъ цифры съ числомъ осужденныхъ за преступленiя противъ собственности. Изобразивъ графически движенiя цѣнъ и преступности онъ пришелъ къ выводу, что обѣ линiи идутъ почти непрерывно параллельно одна другой лишь въ первые двадцать лѣтъ и на этомъ основанiи считаетъ возможнымъ сдѣлать выводъ, что влiянiе цѣнъ хлѣба на преступность падаетъ. Но въ данномъ случаѣ авторъ не совсѣмъ правъ. Насколько велико продолжало оставаться въ 1853 — 1893 г. г. влiянiе цѣнъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ на преступность можно видѣть изъ чертежа самого Мейера (см. чертежъ на 180 стр.).

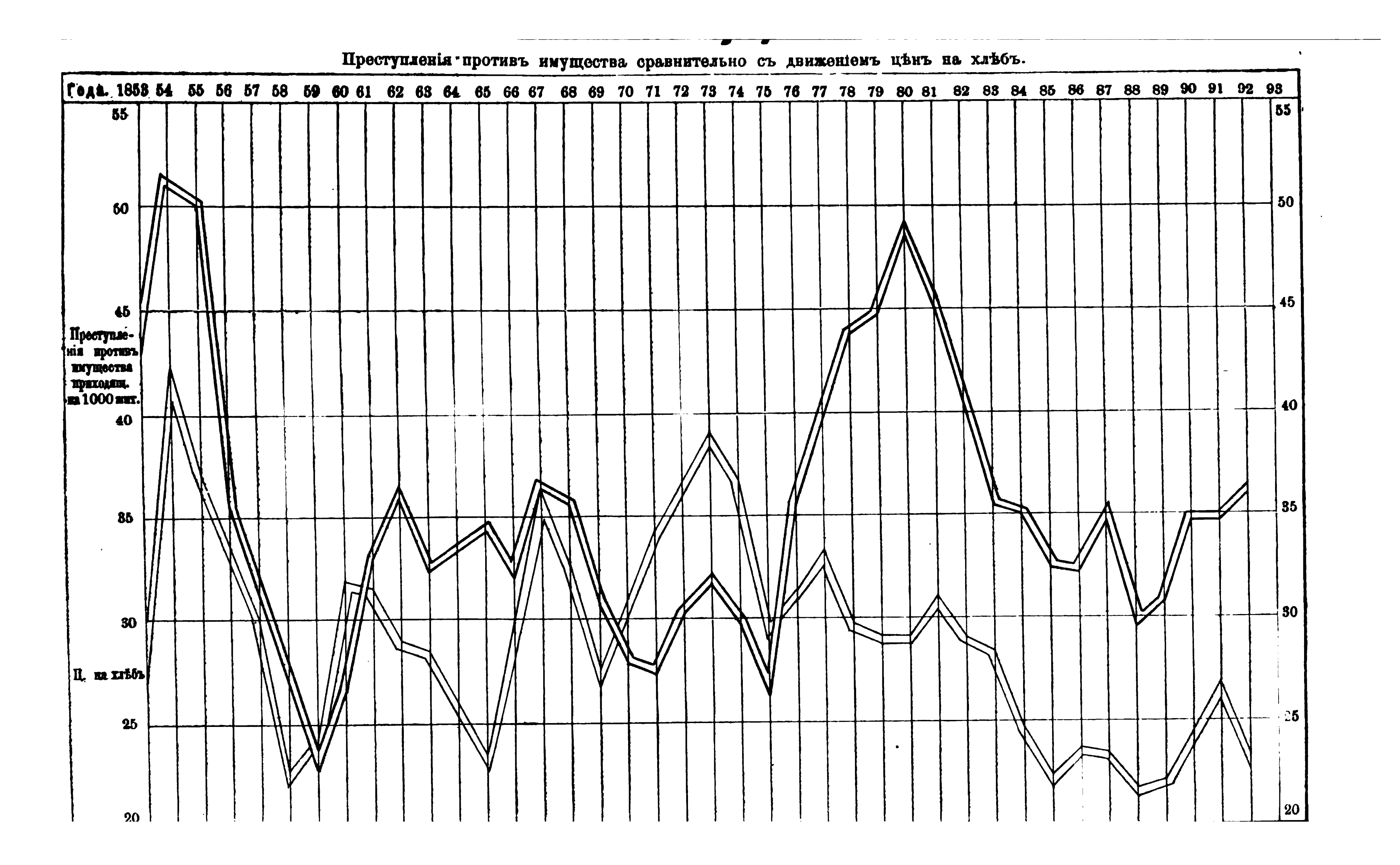
331; 126 В. 330. Наибольшее число осужденныхъ приходится на рабочихъ и поденщиковъ.

[1]) *Колаянни* ссылается на работу *Stevens* Les prisons cellulaires en Belgique (есть русскiй переводъ: *Стевенсъ*. Одиночныя тюрьмы въ Бельгiи. М. 1903 г. 167 стр.).

Стевенсъ указываетъ на прямое соотношенiе населенности тюремъ и цѣнъ хлѣба въ сороковые и пятидесятые годы. Другiя цифры Колаянни относятся къ тридцатымъ годамъ прошлаго вѣка и только немногiя къ семидесятымъ и восьмидесятымъ. (*Colajanni*: о. с. 549 и слѣд. стр.).

[2]) См. выше сноску на 172 стр.

Преступленія противъ имущества сравнительно съ движеніемъ цѣнъ на хлѣбъ.

Изъ этого чертежа видно, что на 1854 годъ выпадаетъ наибольшее повышеніе цѣнъ и въ этотъ же годъ число преступленій достигаетъ своего максимума за всѣ сорокъ лѣтъ; сильное пониженіе цѣнъ въ 1858 году сопровождалось въ томъ же, а также и въ слѣдующемъ году столь же сильнымъ пониженіемъ преступности [1]).

Чертежъ Мейера служитъ опроверженіемъ высказаннаго въ криминалмстической литературѣ Тардомъ мнѣнія о томъ, что лишь рѣзкія измѣненія въ экономическомъ положеніи оказываютъ свое вліяніе на преступность. Но изъ движенія обѣихъ линій видно, что онѣ идутъ параллельно не только при рѣзкомъ своемъ поднятіи и паденіи, но и при небольшихъ своихъ измѣненіяхъ, какъ напримѣръ, въ періодъ съ 1873 по 1877 годъ: пониженіе цѣны хлѣба въ 1874 г. вызвало соотвѣтствующее пониженіе преступности, и оно продолжалось въ 1875 году, въ которомъ не остановилось паденіе цѣнъ хлѣба, но какъ только цѣны повысились въ 1876 г., а затѣмъ и въ слѣдующемъ 1877 году, то поднялась постепенно въ оба эти года и преступность. Точно также обѣ линіи идутъ параллельно съ 1888 г. по 1890 годъ, несмотря на то, что колебанія цѣнъ хлѣба за эти годы очень незначительны и не можетъ быть рѣчи о тѣхъ экономическихъ кризисахъ, которые, по теоріи Тарда, только и могутъ влiять на преступность [2]). Въ опроверженіе этой же теоріи можно сослаться на изслѣдованіе Берга (Berg) о соотношеніи преступности противъ собственности съ цѣнами на рожь и пшеницу въ Германіи за время съ 1882 г. по 1898 г. (см. таблицу XXVI) [3]).

---

[1]) По совершенно справедливому замѣчанію *Мейера*, подтвержденному и другими изслѣдователями, вліяніе цѣнъ хлѣба на преступность сказывается не только въ томъ же году, когда происходитъ рѣзкое измѣненіе въ нихъ, но и въ слѣдующемъ году: „Die Gewoheiten der Menschen schaffen gleishsam eine kriminelle Inertie“. Несомнѣнно также, что не всѣ преступники судятся въ тотъ же годъ, когда они совершили свое преступленіе. *Meyer*: o. c. 30—31 стр.

[2]) *Tarde*: o. c. Arch. d'ant cr. XV t., также IV t.

[3]) *Berg*: o. c. 284, 286 стр.

Германія.

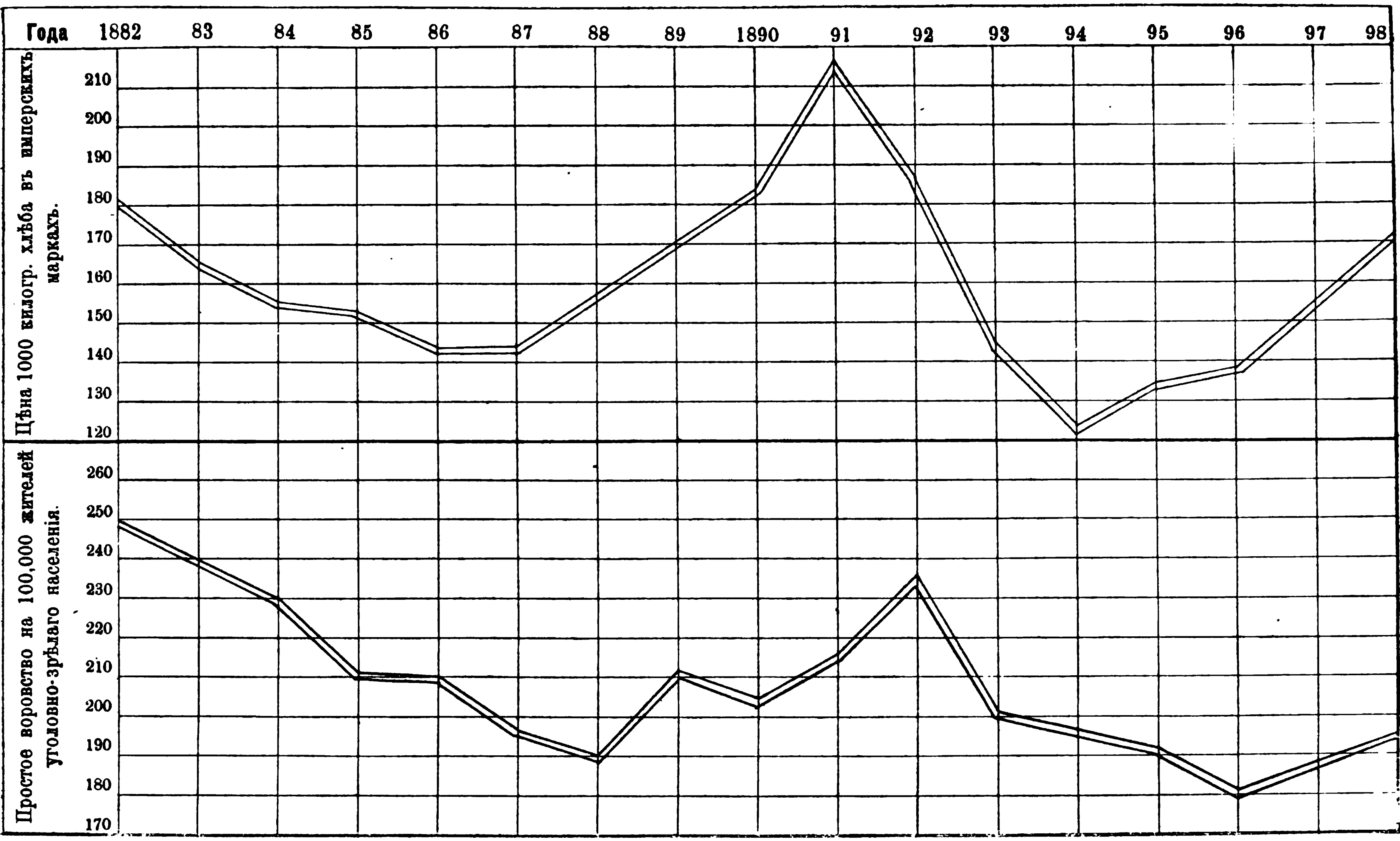

Года
1882
83
84
85
86
87
88
89
1890
91
92
93
94
95
96
97
98
Цѣна 1000 килогр. хлѣба въ имперскихъ маркахъ.
210
200
190
180
170
160
150
140
130
120
Простое воровство на 100,000 жителей уголовно-зрѣлаго населенія.
260
250
240
230
220
210
200
190
180
170

Таблица XXVI.

ГОДЫ.	На 1000 населенія осуждено.		Цѣна 1000 килогр.	
	Простое воровство.	Всякое воровство.	Рожь.	Пшеница.
1882	250	325,3	158,21	212,16
1883	241	312,4	144,71	186,02
1884	231	301,3	145,68	173,78
1885	214	279,3	141,49	166,53
1886	210	272,3	130,99	163,52
1887	198	259,1	122,13	169,85
1888	194	251,5	133,01	177,84
1889	211	274,1	152,93	186,34
1890	206	269,0	166,67	195,96
1891	216	281,2	207,39	225,23
1892	236	311,3	178,09	189,90
1893	202	269,5	136,41	157,46
1894	198	266,3	115,95	138,25
1895	192	255,4	120,04	144,29
1896	184	247,5	121,43	157,14
1897	188	249,9	129,06	175,09
1898	191	256,4	147,70	193,40

Сравнивая эти цифры и разсматривая чертежъ Берга, мы видимъ, что на движеніе преступности оказывала свое вліяніе не только цѣна 1891 года, наивысшая за весь разсматриваемый періодъ, сопровождавшаяся въ 1892 году соотвѣтствующимъ повышеніемъ числа осужденныхъ за воровство, но и низшія цѣны 1887 г. и 1894 г., сопровождавшіяся пониженіемъ преступленій противъ собственности въ 1888, 1895 и 1896 гг. Не трудно

видѣть также, что на ряду съ этими наиболѣе рѣзкими колебаніями цѣнъ, на преступность также вліяли и другія менѣе значительныя ихъ измѣненія: за непрерывнымъ пониженіемъ цѣнъ съ 1882 по 1887 г. идетъ такое же постепенное и непрерывное пониженіе преступности съ 1882 по 1888 г., а за повышеніемъ цѣнъ съ 1888 по 1891 гг. наступаетъ повышеніе воровства съ небольшимъ пониженіемъ въ 1890 г.

Нѣкоторыя другія преступленія противъ собственности, а именно: грабежъ, вымогательство, поддѣлка бумагъ, обманъ повышаются и понижаются въ числѣ не съ тою поразительною правильностью въ зависимости отъ цѣнъ на хлѣбъ, какую мы видѣли выше относительно воровства. Но цифры осужденныхъ за грабежъ, вымогательство, банкротство и поддѣлку бумагъ въ Германіи слишкомъ незначительны и на основаніи ихъ нельзя дѣлать какихъ либо предположеній [1]). Что касается обмановъ, то, по мнѣнію Берга, наиболѣе удобнымъ временемъ для совершенія этихъ преступленій является не періодъ экономической угнетенности, не нужда, но, напротивъ, экономическое благосостояніе и шумный суетливый рынокъ; въ послѣднее дѣсятилѣтіе развитіе торговли должно было вліять на совершеніе обмановъ сильнѣе, чѣмъ хлѣбныя цѣны. Однако вліяніе цѣнъ хлѣба сказалось и на разсматриваемомъ преступленіи: число обмановъ возрастало съ 1886 года непрерывно до 1892 года, и цѣна на хлѣбъ за эти годы (до 1891 г.) также непрерывно возрастала.

По мнѣнію Берга обманщикъ обыкновенно имѣетъ для себя достаточно, но хочетъ имѣть болѣе, чѣмъ имѣетъ [2]). Но авторъ не даетъ доказательствъ этого своего положенія, которое притомъ противорѣчитъ его теоріи о значеніи нужды, какъ фактора преступленій противъ собственности. Уголовная статистика показываетъ, что наибольшее число обмановъ, какъ и другихъ пре-

[1]) Такъ, въ то время какъ на 100.000 уголовно-зрѣлаго населенія приходилось въ 1882—1898 гг. до 325 ежегодно осужденныхъ за воровство. наивысшія за всѣ 17 лѣтъ цифры осужденныхъ за грабежъ были лишь 1,4, за вымогательство 1,9, за поддѣлку бумагъ 14, за банкротство 2,7 на 100.000 населенія.

[2]) *Berg*: o. c. „Wer stiehlt, hat meist nicht genug: wer betrügt, hat regelmässig genug, will aber mehr haben, als er hat“ 295—296 ss.

ступленій противъ собственности, совершается въ холодные мѣсяцы года (въ Германіи въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ) [1]). Странно было бы думать, что аппетиты обманщиковъ къ наживѣ разгараются особенно сильно въ холодное время, которое къ тому же далеко не является періодомъ усиленной торговой дѣятельности. Поэтому болѣе правильно предположить, что обманы вызываются тѣми же факторами, какіе ведутъ къ увеличенію воровства, т. е. бѣдностью.

Подтвержденіе этому мы видимъ въ томъ, что въ герцогствѣ Саксенъ-Мейнингенскомъ обманы совершаются чаще въ тѣхъ же округахъ, гдѣ чаще совершается воровство и гдѣ приходится болѣе жителей на домъ, т. е. гдѣ жилищныя условія хуже, гдѣ больше бѣдности [2]). Если бы обманы вызывались, какъ говоритъ Бергъ, шумнымъ рынкомъ скорѣе, чѣмъ нуждою, то слѣдовало бы ожидать наибольшаго числа этихъ преступленій въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе развита торговля, между тѣмъ мы встрѣчаемся какъ разъ съ обратнымъ явленіемъ: въ герцогствѣ Саксенъ-Мейнингенскомъ наибольшее число осужденныхъ за обманы приходится на 100.000 населенія въ округѣ Зоннебергѣ (112 человѣкъ), стоящемъ на предпослѣднемъ мѣстѣ по числу занятыхъ въ торговлѣ (84 человѣка изъ 1000 жителей); слѣдующее за этимъ округомъ мѣсто по числу занятыхъ въ торговлѣ принадлежитъ округу Заальфельдъ (86 на 1000 человѣкъ), но обмановъ въ немъ совершается менѣе (109 осужденныхъ), чѣмъ въ Зоннебергѣ; наоборотъ, въ округѣ Мейнингенѣ наиболѣе развита торговля (изъ 1000 жителей 102 заняты въ торговлѣ), но

---

[1]) Въ періодѣ 1883 — 1892 гг., при 100 обманахъ въ среднемъ, приходилось въ Германіи на октябрь — 102, ноябрь — 116, декабрь—120, январь—107, февраль — 111, мартъ — 94, апрѣль—89, май—90, іюнь и іюль по 95, августъ—91 и сентябрь 90 (Kriminalstatistik für das Jahr 1894, II, 53 стр. цитировано по Bonger: o. c. 619 p.). Также *Fornasari di Verce* нашелъ, что въ періодъ съ 1880 по 1890 обманы увеличивались и уменьшались въ Италіи параллельно съ числомъ простыхъ кражъ и цѣною на хлѣбъ (La criminalita e le vicende economiche d'Italia. 1894, 157 p., § 25—31).

[2]) На 100.000 населенія приходилось въ среднемъ осужденныхъ въ годъ (періодъ 1893—1897 гг.) въ округѣ Хильдбургхаузенъ 14 и въ Мейнингенѣ 18.5, при 8 жителяхъ на домъ, въ округѣ Заальфельдѣ 20, при 8,5 жителяхъ, въ Зоннебергѣ 27 при 12 жителяхъ на домъ (*Weidemann*: o. c. 44 s.).

обмановъ совершено менѣе, (всего 99 осужденныхъ на 1000 жит.), чѣмъ въ двухъ указанныхъ выше округахъ [1]).

Приведенныя выше цифры относились къ преступности въ швейцарскомъ кантонѣ Цюрихѣ и Германіи. Въ другихъ государствахъ была также установлена связь между числомъ преступленій и цѣнами на хлѣбъ.

О вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ на преступность въ Россіи имѣется весьма цѣнное изслѣдованіе Е. Н. Тарновскаго. Работа автора охватываетъ періодъ съ 1874 г. по 1894 г. т. е. 21 годъ. Вычисленія касаются преступленій противъ собственности въ 33 губерніяхъ съ громаднымъ населеніемъ около 67.000.000 жителей [2]). Къ сожалѣнію, измѣненія, внесенныя въ мировую юстицію закономъ о земскихъ начальникахъ, сильно затруднили изученіе низшей преступности, и г. Тарновскій ограничился изслѣдованіемъ числа осужденныхъ общими судами за кражи и насильственное похищеніе имущества. Цифры, сообщаемыя авторомъ, представляютъ ежегодні́я суммы этихъ двухъ преступленій. Но въ виду высказаннаго въ литературѣ мнѣнія, что насильственныя похищенія собственности не подчинены вліянію хлѣбныхъ цѣнъ, было бы удобнѣе разсматривать ихъ отдѣльно [3]). Е. Н. Тарновскій нашелъ, что преступность какъ всѣхъ 33 губерній, такъ и отдѣльныхъ районовъ находится въ прямомъ соотношеніи съ цѣнами на хлѣбъ. Такъ, въ 1880 и 1881 гг. хлѣбъ сильно вздорожалъ, и число возникшихъ дѣлъ о кражахъ и насильственныхъ похищеніяхъ поднялось почти на 20% выше средняго. Вмѣстѣ съ паденіемъ цѣнъ на рожь въ 1885—1890 гг.

---

[1]) *Weidemann*: o. c. 52 s. Но въ округѣ Хильдбургхаузенѣ было наименьшее число занятыхъ въ торговлѣ (71 на 1000 жителей) и наименьшее количество осужденныхъ за обманы (67 на 100.000 населенія).

[2]) Эти губерніи слѣдующія: Петербургская, Псковская, Новгородская, Вологодская (5 югозападныхъ уѣздовъ), Ярославская, Тверская, Смоленская, Калужская, Московская, Владимірская, Костромская, Вятская, Пермская, Казанская, Нижегородская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Пензенская, Тамбовская, Рязанская, Тульская, Орловская, Черниговская, Курская, Воронежская, Донская область, Харьковская, Полтавская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и Бессарабская. *Е. Н. Тарновскій*: указ. статья, 76 стр.

[3]) Такое мнѣніе было высказано *Lombroso*: Die Ursachen etc. 72 стр.

падала и преступность; на 1888 годъ выпадаетъ наименьшая преступность и одна изъ наиболѣе дешевыхъ цѣнъ хлѣба; такая же преступность выпадаетъ и на дешевый 1889 годъ, но въ 1890 году число возникшихъ дѣлъ возрасло, несмотря на удешевленіе хлѣба (авторъ не далъ объясненіе этому факту) [1]. Высшаго своего развитія преступность достигла въ голодный 1891 и 1892 г.; она держалась на высокомъ уровнѣ въ 1893 и 1894 годахъ при очень дешевыхъ хлѣбныхъ цѣнахъ. Колаянни подмѣтилъ этотъ фактъ продолжительнаго вліянія неурожаевъ на преступность. Онъ полагаетъ, что кризисы ведутъ къ укрѣпленію порочныхъ наклонностей, къ уменьшенію сопротивленія моральнаго чувства и къ потерѣ привычки трудиться [2]). Кромѣ этого объясненія возможно другое и оно представляется намъ болѣе правильнымъ. Такіе страшные по своей нуждѣ годы, какъ 1891 годъ въ Россіи, когда люди умирали съ голоду, а преступность сразу возрасла, должны вести къ продолжительнымъ экономическимъ потрясеніямъ. Урожаи и низкія цѣны 1893 и 1894 года не могли привести къ значительному паденію преступности, потому что они не могли уничтожить всѣхъ тяжкихъ послѣдствій нищеты, порожденной голодомъ 1891 года: раны были слишкомъ глубоки и на ихъ залеченіе требовалось продолжительное время. Кромѣ того, высокая преступность 1893 и 1894 г., опредѣленная для всѣхъ 33 губерній вмѣстѣ, объясняется неурожаями 1893 и особенно 1894 г., постигшими Петербургскую, Псковскую и Новгородскую губерніи и ихъ преступностью выше средней. Въ этомъ районѣ въ 1891 году, когда восточныя губерніи страдали отъ голода, былъ выдающійся урожай и поэтому преступность, несмотря на высокія цѣны, поднялась только до уровня средней. Изслѣдованіе преступности въ Россіи по рай-

[1]) *Е. Н. Тарновскій*: ук. статья, 80—82 стр.

[2]) *Е. Н. Тарновскій* стр. 82. *Colajanni* o. c. II v. 544 p. Le abitudini contratte non si modificano da un giorno all'altro, ma i bisogni s'impongono spesso all improvviso e turbano lo spirito e il senso morale. Perciò é piu costante e regolare l'aumento nei reati consecutivo al disagio economico, che non la diminuizione nel caso opposto quando già si sono contratte abitudini viziose, si è attenuata la forza morall inibitrice e si è perduto sinanco l'uso del lavoro, che onestamente ci consenta il conseguimento degli opportun mezzi di sussistenza. 544 p.

онамъ показываетъ, что число кражъ и насильственныхъ похищеній стоитъ въ соотношеніи съ хлѣбными цѣнами и урожаями [1]). При совпаденіи низкихъ цѣнъ съ урожаями, число разсматриваемыхъ нами преступленій падаетъ обыкновенно особенно значительно, но и однѣ низкія цѣны безъ урожаевъ точно также, какъ и хорошіе урожаи, хотя бы и при высокихъ цѣнахъ, оказываютъ благотворное вліяніе на преступность.

Приведенныя выше цифры Берга, Вейдемана, Мейера и Тарновскаго служатъ опроверженіемъ мнѣнія, высказаннаго извѣстнымъ статистикомъ и соціологомъ Смитомъ и политико-экономомъ Дэни о томъ, что въ настоящее время хлѣбныя цѣны потеряли то свое огромное значеніе, которое онѣ имѣли прежде. По мнѣнію перваго изъ названныхъ ученыхъ, цѣна пищи перестала быть главнымъ факторомъ въ экономической жизни Германіи съ 1860 года, благодаря промышленному и коммерческому развитію страны [2]). По утвержденію второго, эти цѣны играли роль во времена Кетле, когда неурожаи дѣйствительно давали себя сильно чувствовать странѣ. Но теперь, подъ вліяніемъ ввоза иностраннаго зерна, хлѣбныя цѣны въ странѣ могутъ быть низки, несмотря на постигшій ее неурожай. Поэтому для выясненія вліянія на преступность экономическаго состоянія авторъ беретъ т. н. index numbers, т. е. среднюю цѣну многихъ товаровъ (онъ высчиталъ ее для 28 наиболѣе важныхъ продуктовъ вывоза). Изслѣдуемый авторомъ періодъ охватываетъ 50 лѣтъ съ 1840 по 1890 г. Цѣна хлѣба оказывала свое вліяніе на число преступленій лишь въ сороковые годы [3]). Въ періодъ съ 1850 по 1865 г.

---

[1]) Е. Н. Тарновскій изслѣдуетъ преступность по девяти изъ тѣхъ 11 районовъ, на которые разбиваетъ Россію В. И. Покровскій въ своей работѣ: Вліяніе колебаній урожая и хлѣбныхъ цѣнъ на естественное движеніе населенія. 2-й т. Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны народнаго хозяйства, подъ ред. проф. Чупрова и Посникова. Таковы районы: Петербургскій (подстоличный изъ губерній Петербургской, Псковской и Новгородской); промышленный районъ изъ губерній Московск., Владимір., Ярослав., Тверской, Смолен., Калужской; восточный черноземный районъ Казан., Симбирск., Саратов. и Самарская губ. и др. районы.

[2]) *Майо Смитъ*: Статистика и Соціологія. 83 стр.

[3]) Въ 1846—47 гг. былъ неурожай ржи, картофеля и пшеницы. Вліяніе неурожаевъ было увеличено введеніемъ машинъ въ льняной промышленности,

цѣны были высоки. Причиной поднятія цѣнъ было открытіе золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и Австраліи и паденіе вслѣдствіе этого цѣны монеты. Въ то же время начинается оживленіе промышленной дѣятельности Бельгіи: строятся желѣзныя дороги, растетъ спросъ на трудъ и плата за него и преступность остается почти на одномъ и томъ же уровнѣ. На 10.000 жителей приходилось осужденныхъ преступниковъ:

въ 1851—55 г.—20.40	1861—69 г.—22.21
1856—60 г.—21.00	1871—73 г.—23.00

Періодъ съ 1874 г. сопровождается пониженіемъ цѣнъ на выбранные авторомъ товары, но преступность возрастаетъ. Дэни объясняетъ это тѣмъ, что трудъ не находитъ себѣ спроса, рабочій классъ страдаетъ отъ безработицы и растетъ антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ, стачка слѣдуетъ за стачкой со всѣми послѣдствіями нищеты.

На 10.000 населенія приходилось осужденныхъ въ 1874—78 г.—23.00, въ 1879—83 г.—32.6 и въ 1884—89—36.4 [1]).

Такимъ образомъ не только хлѣбныя цѣны, но и стоимость 28 наиболѣе важныхъ продуктовъ не оказываются, по изысканію Дэни, въ прямомъ соотношеніи съ преступностью: она опредѣляется, по мнѣнію разсматриваемаго автора, главнымъ образомъ положеніемъ труда, спросомъ на него и заработною платою.

Было бы совершенно неправильно отрицать громадное значеніе для преступности положенія труда, заработной платы, стачекъ и пр. [2]). Но основное положеніе Дэни, что хлѣбныя цѣны утра-

---

и число осужденныхъ къ тюремному заключенію поднялось съ 28,8 въ 1845 г. (на 10.000 жителей) до 47.9—въ 1846 и 65.3 въ 1847 г.; въ 1848 г. было 42,4 осужденныхъ, въ слѣдующемъ году 25, а въ 1850—19.8 (*H. Denis*: La criminalité et la crise économique. 366 p.).

[1]) *H. Denis*: o. c. 366—371 p. p.

[2]) Ненормальное положеніе трудящихся классовъ сказывается въ болѣе высокой ихъ преступности. По вычисленіямъ *Вейдемана* наибольшее число преступленій противъ собственности совершалось въ тѣхъ округахъ гдѣ было больше занятыхъ въ промышленности. Такъ, на 100 000 населенія было осуждено въ среднемъ за годъ (періодъ 1893—97 гг.):

тили въ настоящее время свое вліяніе на преступность не только противорѣчитъ приведеннымъ выше статистическимъ даннымъ, но

Округъ	за воровство	мошенничество	Занято въ 1895 г. въ промышленности на 1000 жителей.
Хильбургхаузенъ.......	329	67	363
Мейнингенъ...........	309	99	382
Заальфельдъ	427	109	547
Зоннебергъ............	466	112	702

Авторъ задался цѣлью выяснить вліяніе на преступность положенія рабочихъ занятыхъ въ кустарныхъ производствахъ и на фабрикахъ съ паровыми двигателями. Онъ нашелъ, что въ округѣ Заальфельдѣ машинный трудъ развитъ въ 17 разъ болѣе, чѣмъ въ болѣе преступномъ округѣ Зоннебергѣ. Положеніе кустарныхъ рабочихъ въ Саксенъ Мейнингенскомъ герцогствѣ особенно тяжело: они работаютъ по 14—16 часовъ, а фабричные рабочіе по 8—10 часовъ въ сутки; кустари проводятъ ночи въ нездоровой атмосферѣ этихъ дурныхъ жилищъ, служащихъ мастерскими; притомъ рабочій день кустаря оплачивается дешевле: (*Weidemann*: о. с. 47—50). Еще сильнѣе вліяніе промышленнаго труда на преступность дѣтей противъ собственности.

Округъ.	Осуждено.	Изъ 100 школьниковъ занято въ промышленности.
Мейнингенъ...........	739	0.3
Заальфельдъ..........	834	7.0
Хильбургхаузенъ.......	900	20.0
Зоннебергъ............	985	43.0

Весьма цѣнной является работа *Fornasari di Verce*. Изслѣдованіе автора охватываетъ періодъ съ 1873 по 1890 г. Онъ изучаетъ вліяніе на различныя преступленія заработной платы рабочаго, выраженной въ количествѣ часовъ, потребныхъ въ каждомъ изъ изслѣдуемыхъ имъ годовъ на заработокъ опредѣленнаго количества хлѣба. Свои окончательные выводы авторъ резюмировалъ такъ: подъ *сильнымъ* вліяніемъ экономическихъ факторовъ находятся кражи и вообще мелкія преступленія противъ собственности, обманы и при-

представляется неправильнымъ и по другимъ соображеніямъ. Дэни разсматриваетъ вліяніе цѣнъ на преступность, не разбивая ее на ея совершенно различныя формы: на преступность противъ собственности, противъ личности и общественнаго порядка.

Относительно вліянія хлѣбныхъ цѣнъ на преступность противъ личности существуетъ распространенное среди сторонниковъ уголовно-антропологической школы мнѣніе, что удешевленіе и вздорожаніе хлѣба и другихъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ оказываетъ обратное вліяніе на число преступленій противъ личности: они повышаются при удешевленіи хлѣба и уменьшаются при его вздорожаніи. Важность такого утвержденія очевидна: если оно правильно, то можетъ быть поднятъ вопросъ: долженъ ли законодатель принимать такія мѣры, которыя поведутъ къ удешевленію жизни, къ уменьшенію преступности противъ собственности, но въ то же время и къ развитію болѣе серіозныхъ преступленій противъ личности?

своеніе; эти же факторы вліяютъ *достаточно* на разбой, грабежъ безъ убійства, на семейныя преступленія, на мелкія преступленія противъ личности; *мало* вліяютъ на преступленія противъ общественнаго спокойствія и порядка управленія (кромѣ возмущеній); *не вліяютъ* на преступленія противъ государственной безопасности, противъ религіи, на поджоги, лжесвидѣтельство и др. (*Fornasari di Verce*: о. с. 107 стр.). Выводы Вейдемана и Fornasari di Verce нѣсколько ослабляются тѣмъ обстоятельствомъ, что оба автора брали цифры всей преступности, не раздѣляя преступниковъ по ихъ профессіямъ. Несомнѣнно, что при изученіи вліянія заработной платы, было бы правильнѣе брать цифры преступности только рабочаго класса, а не всего населенія. Но недостатки уголовной статистики не позволили сдѣлать этого, и методъ названныхъ криминалистовъ долженъ быть признанъ лучшимъ изъ тѣхъ, которыми они могли воспользоваться при современномъ положеніи матеріала. О вліяніи на преступность положенія рабочаго класса говоритъ также *Felice* (въ главѣ: Bilancio del dellitto e bilancio del lavoro); въ частности онъ подробнѣе останавливается на условіяхъ труда работающихъ въ сѣрныхъ шахтахъ, одинъ изъ которыхъ, заключенный въ едвали не самую худшую тюрьму, говорилъ автору: „Здѣсь есть кровать, вотъ—супъ, здѣсь воздухъ!.. Этого не сравнишь съ шахтою. О, если бы у моей семьи было все это!..“ (*Felice*: Principii di sociologia criminale 101 p.). См. также: *Proal:* Le crime el la peine 1892, 223—230 (la criminalié et les professions). *Lombroso e Laschi:* Il delitto politico e le revoluzioni Torino. 1890. 541—543 p. p.

Объясненіе такому обратному соотношенію между цѣнами на хлѣбъ и преступностью противъ личности криминалисты антропологи видятъ въ томъ, что при удешевленіи хлѣба наступаетъ улучшенное питаніе, увеличивается запасъ жизненной энергіи и послѣдняя находитъ себѣ выходъ въ насильственныхъ дѣйствіяхъ, какими являются всѣ преступленія противъ личности. По мнѣнію Ломброзо голодъ понижаетъ половыя влеченія, а хорошее питаніе увеличиваетъ ихъ, а вмѣстѣ съ ними приводитъ и къ повышенію преступленій противъ нравственности [1]). Можно ли согласиться съ такимъ объясненіемъ, если даже признать, что удешевленіе пищи бѣдняка имѣетъ своимъ слѣдствіемъ большее участіе его въ преступленіяхъ противъ личности? Не думаемъ. Объясненіе Ломброзо совершенно не считается со степенью физической истощенности бѣдныхъ классовъ; объ излишкѣ энергіи у нихъ не можетъ быть и рѣчи: если каждая лишняя копѣйка, переплачиваемая бѣдняками на фунтъ вздорожавшаго хлѣба, превращаетъ многихъ изъ нихъ въ воровъ и въ другихъ преступниковъ противъ собственности, то удешевленіе на ту же копѣйку важнѣйшихъ съѣстныхъ продуктовъ даетъ лишь малую долю необходимой для трудовой жизни энергіи. Легко себѣ представить, что руки голоднаго бѣдняка протягиваются за чужою собственностью, но трудно признать, что лишній фунтъ хлѣба дѣлаетъ бѣдняка кровожаднымъ, похотливымъ, буянымъ и задирой [2]).

Но существуетъ и другое объясненіе увеличенія преступности въ годы дешевыхъ цѣнъ. Нѣкоторые полагаютъ, что удешевленіе хлѣба ведетъ къ алкоголизму, а этотъ послѣдній поднимаетъ преступность противъ личности. Такое объясненіе менѣе противорѣчитъ интересамъ пролетаріевъ, чѣмъ первое: оно не даетъ правительству права игнорировать условія экономическаго положенія бѣдныхъ классовъ, но лишь дѣлаетъ необходимой борьбу съ алкоголизмомъ. Это объясненіе опровергается наблюденіями, показывающими развитіе пьянства не въ годы паденія цѣны на

---

[1]) Lombroso: Die Ursachen etc. 74 стр.

[2]) Такъ какъ Ломброзо и его послѣдователи любятъ при изученіи преступника дѣлать экскурсіи въ область животнаго и растительнаго царства и сравнивать преступнаго человѣка съ животными, то не лишне указать, что самые хищные звѣри становятся послѣ хорошей кормежки менѣе страшными.

хлѣбъ, но въ годы чрезмѣрнаго ея увеличенія. Есть такія ступени безысходной голодной нужды, гдѣ лишь водка даетъ забвеніе. Таково мнѣніе Baer, автора выдающагося труда объ алкоголизмѣ. Одну изъ главъ своей работы онъ начинаетъ заявленіемъ о своемъ согласіи съ Либихомъ, авторомъ «Химическихъ писемъ»: «страсть къ спиртнымъ напиткамъ не причина, но слѣдствіе нужды». Указывая на бродягъ, нищихъ, проститутокъ и дѣтей пролетаріата, вырастающихъ на улицѣ, онъ говоритъ' что всѣ эти ступени пролетаріата тѣмъ болѣе предаются пьянству, чѣмъ безнадежнѣе ихъ нищета [1]). Въ видѣ яркаго примѣра можно указать на Aachen, гдѣ въ 1874 году вслѣдствіе кризиса было закрыто 80 фабрикъ, заработокъ рабочихъ понизился на $^1/_3$, число нищенствующихъ семей поднялось съ 1864 до 2255, число кабаковъ съ 183 до 305 и количество проститутокъ съ 37 до 101 [2]).

Таково же мнѣніе Вандервельда и многихъ другихъ писателей [3]).

Этой же точки зрѣнія держится и Колаянни, полагающій, что къ алкоголизму ведутъ не лучшія матеріальныя условія, но, наоборотъ, нужда и затруднительное экономическое положеніе [4]). Криминалистъ соціалистъ Bonger сводитъ причины алкоголизма къ слѣдующимъ: а) занятіе нѣкоторыми профессіями при слишкомъ холодной или высокой температурѣ (таковъ трудъ матросовъ, портовыхъ рабочихъ, машинистовъ, работающихъ въ шахтахъ и пр.); занятіе такими промыслами, при которыхъ получается много пыли или газовъ (таковъ трудъ каменотесовъ, каменщиковъ и пр.); къ алкоголизму ведетъ занятіе и такими профессіями, при которыхъ рабочимъ приходится имѣть дѣло съ алкоголемъ, какъ, напримѣръ, рабочимъ на винныхъ заводахъ; б) слишкомъ

---

[1]) *Baer*: Der Alcoholismus, seine Verbreitung etc. 1878. 317—318 стр.

[2]) *Lombroso*: Die Ursachen etc. 79.

[3]) *Вандервельдъ*: Экономическіе факторы алкоголизма. Алкоголизмъ и народъ. Перев. Современная библіотека. 1904 г. „Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что алкоголизмъ имѣетъ свои глубокія причины; что безысходная нужда, недостаточное питаніе, невозможное состояніе жилищъ, излишняя продолжительность рабочаго времени и т. п. являются факторомъ, способствующимъ распространенію этого бича человѣчества“. 37 стр.

[4]) *Colajanni*: Alcoolismo. Catania 1887.

большая продолжительность рабочаго дня [1]); в) дурное или недостаточное питаніе; г) дурныя жилища; необезпеченное существованіе и безработица; д) отсутствіе здоровыхъ развлеченій.

Итакъ, бѣдность, а не благосостояніе является факторомъ алкоголизма. Но обратимся къ цифрамъ преступности и хлѣбнымъ цѣнамъ. Статистическія данныя намъ показываютъ, что преступленія противъ личности возрастаютъ непрерывно, а цѣны на хлѣбъ то падаютъ, то возвышаются. Такъ, въ Германіи преступленія противъ личности росли непрерывно съ 1882 г. по 1898 г. и за всѣ эти 17 лѣтъ было лишь два самыхъ незначительныхъ пониженія въ 1888 г. и въ 1897 г. Между тѣмъ цѣны на хлѣбъ претерпѣли за этотъ періодъ нѣсколько измѣненій: понижались съ 1882 по 1887 г., повышались съ 1888 г. по 1891 г. и затѣмъ падали до 1894 г. и снова поднимались до 1898 года. При этомъ, первое изъ этихъ двухъ пониженій преступленій противъ личности совпадаетъ, вопреки оспариваемаго нами мнѣнія, съ пониженіемъ преступности противъ собственности въ 1888 г., вызваннымъ сильнымъ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ въ 1887 г.

Добавимъ, что въ разсматриваемый періодъ германской статистики на годы съ дешевою цѣною хлѣба не выпадаетъ большаго потребенія пива (въ 1887 г.—97. 9 литр. на голову, въ 1888 г. —97. 5 литр.) и, наоборотъ, въ наиболѣе дорогомъ году 1891 было потреблено 105.5 литр. То же сомое было и относительно спиртныхъ напитковъ: наименшее количество потребленнаго спирта приходилось на дешевые 1887 и 1888 годы (3.6 литр. на голову), въ наиболѣе дорогіе годы 1891 и 1892 было потреблено больше почти на литръ (4.4 литр.). Изысканія уже цитированнаго нами Вейдемана показываютъ, что преступленія противъ личности (тѣлесныя повревденія) всего чаще совершаются въ округѣ Зоннебергѣ (561 на 100 тыс.), гдѣ жизнь дороже и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ совершается болѣе преступленій противъ собственности; наоборотъ, въ округѣ Хильдбургхаузенѣ жизнь дешевле и въ немъ совершается менѣе преступленій не только противъ собственности, но и противъ личности (381 тѣлесныхъ поврежденій на 100 тыс. населенія).

---

[1]) *Bonger*: Criminalité etc. 417 p.: въ Австраліи, въ штатѣ Викторіи, введенію восьмичасоваго рабочаго дня противились кабатчики.

Изслѣдователь преступности въ кантонѣ Цюрихѣ пришелъ къ оспариваемому Колаянни и нами выводу относительно обратнаго вліянія хлѣбныхъ цѣнъ на преступность противъ личности. Но изъ прекрасныхъ чертежей, сопровождающихъ обстоятельную работу этого автора видно, что движеніе линій, изображающихъ преступность противъ личности и хлѣбныя цѣны, далеко не обратное. Такъ, мы усматриваемъ изъ его чертежа безостановочный ростъ, начиная съ 1885 г. и до 1892 г., преступленій противъ личности, но въ то же время цѣны на хлѣбъ испытали шесть различныхъ измѣненій: три раза падали и три раза снова поднимались. Паденіе же цѣнъ въ періодъ съ 1881 до 1885 г. сопровождалось параллельнымъ, за исключеніемъ одного 1884 г., пониженіемъ преступленій противъ личности. Впрочемъ, авторъ далекъ отъ мысли приписать пониженію цѣнъ прямое развращающее вліяніе: ни въ какомъ случаѣ, говоритъ онъ, мы не можемъ признать закономъ тотъ фактъ, что лучшее экономическое условіе ведетъ къ большей преступности противъ личности... не столько хорошія матеріальныя условія жизни сами по себѣ, сколько легкомысліе, грубость, неправильный образъ жизни (алкоголизмъ) при достаточномъ матеріальномъ положеніи вызываютъ преступленія противъ личности [1]).

Для Колаянни несомнѣнна прямая связь между преступленіями противъ личности и бѣдностью, но особенно сильно косвенное вліяніе послѣдней: она ведетъ къ недостаточному воспитанію дѣтей бѣдняковъ. Авторъ ссылается на изслѣдованія Bournet и Imeno Agius, установившихъ прямое соотношеніе между разсматриваемыми преступленіями и бѣдностью [2]).

Если отъ статистики мы обратимся къ личнымъ наблюденіямъ различныхъ авторовъ, то среди нихъ мы не найдемъ фактовъ, подтверждающихъ заключенія уголовно-антропологовъ относительно обратнаго вліянія хлѣбныхъ цѣнъ на преступность про-

[1]) *Meyer*: o. c. 97 стр.

[2]) *Colajanni*: o. c. 553 p.: *Bournet* (La Criminalité en France et en Italie. P. 1884, 47 p.) нашелъ, что наибольшее число убійствъ выпадаетъ на годы экономическихъ кризисовъ (1839, 1840, 1843, 1847, 1867, 1876, 1881). *Imeno Agius* (Revista de Espana: 25 oct. 1885) отмѣчаетъ, что преступленія противъ собственности и личности возрастали одновременно съ дороговизною продуктовъ въ 1812—1817 гг.

тивъ личности. Наоборотъ, нѣтъ недостатка въ наблюденіяхъ роста этихъ преступленій при неурожаяхъ и общихъ голодовкахъ. Такова извѣстная среди криминалистовъ работа д-ра Matignon о бѣдности, преступности и суевѣріи въ Китаѣ. Авторъ отмѣчаетъ распространенность среди китайцевъ преступленія дѣтоубійства, несмотря на запретительные императорскіе указы и приказы вице-королей. Въ болѣе достаточныхъ провинціяхъ это преступленіе совершается рѣже и есть соотношеніе его съ годами голода. Чаще убиваютъ новорожденныхъ женскаго пола, такъ какъ дочь болѣе тяжелое для китайца бремя. Нужда же заставляетъ китайцевъ продавать своихъ дочерей для цѣлей проституціи. Наконецъ, авторъ объясняетъ бѣдностью распространенность среди китайцевъ произведенія выкидышей: на стѣнахъ города можно видѣть афиши аптекарей, расхваливающихъ силу своихъ снадобій и искусство врачей [1]).

Неурожаи, постигавшіе Россію, всегда обогащали судебную хронику газетъ извѣстіями о многочисленныхъ случаяхъ убійствъ и нападеній съ цѣлью грабежа.

Такимъ образомъ мы склонны признать, что тяжелое экономическое положеніе является факторомъ преступленій и противъ личности. Но весьма значительный процентъ этихъ преступленій совершается подъ вліяніемъ другого фактора—алкоголизма, раз-

---

[1]) *Matignon* знакомитъ читателей съ интересной китайскою литературою посвященной апологіи убійства по нуждѣ. Онъ приводитъ между прочимъ, разсказъ „о добромъ сынѣ". Добрый сынъ, имѣющій жену и ребенка, говоритъ женѣ: „у насъ нечѣмъ кормить семью; надо убить нашего сына. Тогда мы будемъ въ состояніи прокормить моего старика отца. Если отецъ умретъ, то боги не дадутъ другого, а ребенокъ у насъ можетъ всегда родиться другой". Жена соглашается, ребенка убиваютъ сами родители, и мораль басни не нуждается въ коментаріяхъ. Superstition, Crime et misère en Chine. 1899, 224—235. Два года тому назадъ газеты сообщали о страшномъ голодѣ, постигшемъ Китай и отмѣчали быстрое возрастаніе числа убійствъ и разбойничества. „Рисъ сгорѣлъ, пишетъ очевидецъ, урожай совершенно пропалъ, рѣки высохли. Все населеніе было вынуждено кормиться кореньями, пить гнилую воду изъ грязныхъ лужъ. Цѣлыя семьи и даже села погибали отъ голоднаго тифа... Разбойничество достигло высшихъ размѣровъ. Тѣ, которые спаслись отъ голода, подвергались опасности умереть отъ рукъ убійцъ. Ужасъ и паника, наведенныя на населеніе разбойничьими шайками, превосходятъ всякое описаніе (Figaro 1903 г., цитировано по „Курьеру" 903, IX).

вивающагося всего чаще, какъ было указано выше, на почвѣ бѣдности.

Громадное значеніе алкоголя, какъ причины преступности, было подмѣчено очень давно [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ было установлено, что онъ оказываетъ болѣе вліянія на преступленіе противъ личности и общественнаго порядка, чѣмъ противъ собственности. Такъ, Ашафенбургъ сообщаетъ, что наибольшій процентъ привычныхъ пьяницъ, а также и лицъ совершившихъ преступленіе въ состояніи случайнаго опьяненія былъ среди преступниковъ противъ нравственности (9% привычныхъ и 66% случайныхъ, среди обвиняемыхъ въ сопротивленіи властямъ (5, 1% привычныхъ и 70, 1% случайныхъ) и среди обвиненныхъ въ причиненіи тѣлесныхъ поврежденій (3, 1% и 51, 3%) [2]). На Международномъ Тюремномъ Конгрессѣ 1900 года обсуждался вопросъ о вліяніи алкоголя на преступность и указавалось, что ½ обвиняемыхъ въ нанесеніи

---

[1]) См. объ этомъ *П. И. Григорьева*: Алкоголизмъ и преступленія въ С.-Петербургѣ 1900 г. Уже въ 1483 г., т.-е. 28 лѣтъ спустя послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, были изданы въ Германіи книги объ алкоголизмѣ; также *Baer*: o. c. 339—340 стр. Въ Англіи уже въ 1834 году была выбрана Парламентская Комиссія для выясненія вліянія алкоголизма. *Кетле* въ своей соціальной физикѣ (sur l'homme II v. 341 p.) заявлялъ, что чѣмъ менѣе предпринимаетъ общество для подавленія пьянства, тѣмъ болѣе оно ведетъ къ увеличенію числа преступленій; сумма, которую получаетъ государственная казна отъ пошлины на водку и отъ налоговъ съ питейныхъ заведеній, она съ избыткомъ затрачиваетъ на отправленіе уголовной юстиціи, на издержки по содержанію тюремъ, рабочихъ домовъ и заведеній для душевнобольныхъ. *Кроне*, извѣстный Германскій тюрьмовѣдъ, опредѣляетъ на основаніи своей 20-лѣтней практики въ четырехъ нѣмецкихъ княжествахъ, что 70% всѣхъ преступленій и проступковъ стоятъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ пьянствомъ. Уже цитированный нами *Baer* (der Alkoholismus (сообщаетъ цифры о 30041 заключенныхъ въ 49 каторжныхъ тюрьмахъ, 21 исправительномъ домѣ, 32 тюрьмахъ; онъ нашелъ среди нихъ 43,9% подверженныхъ пьянству. (Eine Kriminalpsychologische Studie. Alkoholgenuss u. Verbrecheu. Von. *Aschaffenburg*. Zeit. f. d. g. Str. XX B. 81—100).

[2]) Среди остальныхъ преступленій чаще другихъ совершается въ состояніи опьяненія нарушеніе домоваго мира (55,2%) и всего рѣже воровство (16,5%) *Aschaffenburg:* o. c. 84—85 стр.

ранъ обыкновенно находятся при совершеніи преступленія въ состояніи опьяненія [1]).

Несомнѣнно, что не всѣ проступки и преступленія разсматриваемой нами группы, совершенные въ пьяномъ состояніи или привычными пьяницами, совершаются людьми бѣдныхъ, неимущихъ классовъ. Интересныя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи сообщаетъ Ашафенбургъ изъ жизни гейдельбергскихъ студентовъ: по даннымъ полицейскаго бюро г. Гейдельберга оказывается, что съ 18 іюня по 16 іюля 1899 года въ этомъ городѣ было арестовано 102 студента (при общемъ числѣ 1462 матрикулированныхъ) за появленіе на улицѣ въ безобразно-пьяномъ видѣ и за совершеніе различныхъ проступковъ, на какія подвинула ихъ пьяная фантазія (тушеніе фонарей, безчинства, нарушеніе тишины и пр. [2]).

Если таково вліяніе алкоголя на людей воспитанныхъ, образованныхъ, то во сколько же разъ сильнѣе оно должно сказываться на человѣкѣ бѣдномъ и темномъ, вырасшемъ среди обстановки, гдѣ съ ранняго дѣтства онъ видитъ грубыя картины пьянаго безобразія.

Намъ остается выяснить вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ на преступленія, направленныя противъ властей и противъ порядка управленія. Колаянни не соглашается съ Ломброзо, что наиболѣе могущественными факторами революцій являются физическіе. Онъ полагаетъ, что и въ данномъ случаѣ главная роль принадлежитъ

---

[1]) Actes du Congrès Penit. Intern. 1900, 1 vol. „Quelle est dans les divers pays l'influence reconnue de l'alcool sur la criminalité?“ Было представлено девять докладовъ. Докладчики, принадлежавшіе по своей національности къ различнымъ государствамъ, опредѣляли процентъ алкоголиковъ среди преступниковъ различно: Molgot—59%, Marambat—64%, Sullivan—60% (Англія), Baker—отъ 55 до 60% Schaffroth—42% (Швейцарія), Wieselgren—74,8 (Швеція). По сообщенію *Aschrott* (Einfluss des Alkoholismus auf Verbrechen, Verarmung und Geistkranheit. Blät. f. d. Geffängnisskunde XXXI B. 63--65) статистическое бюро Массачузетскаго штата нашло, что въ 1894—95 гг. изъ 26672 осужденныхъ 21863 находились при совершеніи преступленія въ пьяномъ состояніи. См. также *Піонтковскаго А. А.* „Роль алкоголизма въ этіологіи преступленій“. Ж. М. Ю. 903 № 4.

[2]) *Aschaffenburg*: o. c. 91 стр. За указанный мѣсяцъ рѣдкій день проходилъ безъ ареста пьяныхъ студентовъ, и бывали дни, когда число арестованныхъ достигало восьми, семнадцати и даже девятнадцати человѣкъ.

экономическимъ условіямъ. По мнѣнію Ломброзо изъ 142 волненій въ Европѣ съ 1793 по 1886 лишь 48 были вызваны экономическими причинами, но это составитъ $^1/_3$ общаго числа. Что касается остальныхъ волненій, то, по мнѣнію Колаянни, въ категорію «политическихъ волненій, направленныхъ противъ короля, властей и политическихъ партій» долженъ входить экономическій факторъ. Онъ входитъ и въ военные бунты и въ безпорядки, направленные противъ иностранныхъ рабочихъ. Насколько бываетъ благороденъ, чистъ и безкорыстенъ патріотизмъ отдѣльныхъ личностей, настолько пружиной, проводящей въ движеніе массы, почти всегда бываетъ экономическая нужда. Въ Нормандіи съ 1725 г. по 1768 г. было девять возстаній, вызванныхъ бѣдностью. Въ Богеміи, Тиролѣ, въ Прирейнскихъ провинціяхъ и въ Польшѣ были безчисленныя волненія, вызванныя этой же причиною. Почти всѣ возстанія въ Италіи, происшедшія съ 1860, были вызваны нуждою. Колаянни признаетъ, что въ нашъ вѣкъ революціонозирующее значеніе экономическихъ кризисовъ уменьшается стараніемъ правительствъ облегчить тягости страдающихъ. Но это имъ не всегда удается, какъ свидѣтельствуютъ октябрьскіе дни 1831 г. въ Ліонѣ, іюньскіе 1848 г. въ Парижѣ, аграрная революція въ Галлиціи 1848 г. и многіе кровавые бунты въ Бельгіи, Франціи, Соединенныхъ Штатахъ и Англіи.

То обстоятельство, что волненія часто разрастались въ Бельгіи и Франціи, хотя эти государства стали богаче, чѣмъ прежде, не опровергаетъ, по мнѣнію Колаянни, его основного положенія о значеніи экономическихъ условій, т. к. важно не количество богатства въ странѣ, но его распредѣленіе. Придавая такое большое значеніе бѣдности, какъ фактору мятежей, волненій и революцій, Колаянни полагаетъ, что слишкомъ тяжкая и долгая нищета дѣлаетъ человѣка безсильнымъ, убиваетъ въ немъ энергію, приспособляетъ его къ низшей средѣ. Въ данномъ случаѣ Колаянни сошелся во взглядахъ съ Ломброзо и Лаши, которые высказываютъ ту же самую мысль и подтверждаютъ ее ссылками на болѣе частыя волненія въ средніе вѣка въ городахъ, оргонизовавшихся въ общины, чѣмъ въ феодальныхъ владѣніяхъ, гдѣ народъ страдалъ отъ тягостей страшной бѣдности; изъ 46 годовъ голода въ Неаполѣ

только шесть разъ было совпаденіе голода и мятежей, но тамъ же не было волненій во время голода 1182 года и въ слѣдующіе за нимъ пять голодные годы, когда люди едва находили, въ травѣ полей, чѣмъ кормиться. Въ Индіи въ страшныя голодовки 1865—66 г. г., когда нѣкоторыя мѣстности потеряли 25—35% населенія, не было возстаній [1]).

Къ сожалѣнію, вопросъ о вліяніи бѣдности и голодной нужды на мятежи и другія преступленія противъ власти и установленнаго въ странѣ порядка правленія совершенно не разработанъ въ уголовной литературѣ. Цитированный выше трудъ Ломброзо и Лаши вмѣстѣ съ работой Колаянни являются единственными, выясняющими причины политическихъ преступленій. Но Ломброзо слишкомъ мало удѣлилъ вниманія разсмотрѣнію экономическихъ факторовъ, а Колаянни почти совсѣмъ не представилъ доказательствъ своихъ положеній. Впрочемъ, что касается доказательствъ, то въ данномъ случаѣ ими не могутъ быть тѣ статистическія данныя, которыми Колаянни и мы до сихъ поръ пользовались.

Преступленія разсматриваемой нами категоріи слишкомъ незначительны по своему количеству, чтобы при ихъ изученіи можно было воспользоваться статистическимъ методомъ. Но методъ наблюденія, т. е. изслѣдованіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ причинъ государственныхъ преступленій, мятежа, волненій и пр., можетъ и долженъ быть примѣненъ и въ данномъ случаѣ. Такое изслѣдованіе привело самого Ломброзо и другого сторонника уголовно-антропологической школы Лаши къ признанію за бѣдностью извѣстной доли значенія фактора преступности противъ властей и порядка управленія. Но несомнѣнно, что вліяніе экономическихъ факторовъ здѣсь сильнѣе, чѣмъ думаютъ сторонники уголовно-антропологической школы.

Съ каждымъ днемъ растетъ контрастъ между богатствомъ и бѣдностью, увеличивается недовольство бѣдныхъ классовъ своимъ положеніемъ и растетъ вражда пролетаріевъ къ тѣмъ, кого онъ

---

[1]) *Colajanni*: o. c. II v. § 126.

„Если народъ поднимаетъ возстаніе, то наблюденія показываютъ, что онъ находится въ состояніи относительнаго благополучія (in un stato relativo di benessere), т. к. при крайней нуждѣ, народъ, какъ и человѣкъ, не имѣетъ достаточно энергіи для дѣйствія“, *Lombroso et Laschi* o. c. 84 p. и слѣд.

считаетъ виновниками своего приниженнаго положенія, кого онъ называетъ своими эксплуататорами. Крайнее обостреніе розни между экономически-обезпеченнымъ классомъ и другимъ, ничего кромѣ рабочихъ рукъ неимѣющимъ, не можетъ быть оспариваемо въ наше время. На почвѣ этой розни и классовой ненависти совершаются многочисленныя преступленія. Среди нихъ мы назовемъ прежде всего анархистскія покушенія. Уголовные процессы анархистовъ показали, что исполнителями этихъ такъ волновавшихъ общественное мнѣніе покушеній были по большей части рабочіе, испытавшіе на себѣ всѣ тягости крайней нищеты. Казеріо, убійца президента Карно, былъ бѣдный итальянецъ, по профессіи булочникъ. Свое преступленіе онъ совершилъ въ то время, какъ былъ безъ работы. Въ одномъ изъ своихъ писемъ передъ казнью онъ писалъ: «я хочу объяснить свой поступокъ... 14 лѣтъ отъ роду я узналъ «общественный порядокъ», которымъ мы обязаны ничего недѣлающимъ, занимающимся потребленіемъ. Все должно принадлежать рабочимъ. Плотники, каменщики, настроивъ множество домовъ, не имѣютъ своего угла, гдѣ бы они могли преклонить голову; люди умираютъ съ голоду, а рядомъ—магазины, переполненные всѣмъ необходимымъ, рядомъ—тысячи богачей, прожигающихъ ежедневно тысячи франковъ...[1]). Другой извѣстный анархистъ Равашоль былъ тоже бѣдный рабочій; въ проектѣ своей защитительной рѣчи онъ въ яркихъ краскахъ рисуетъ всю разницу въ положеніи богатыхъ и бѣдныхъ классовъ и говоритъ: «Что долженъ дѣлать тотъ, кто, несмотря на трудъ, все же терпитъ нужду въ необходимомъ? Если ему придется прекратить работу, онъ умретъ съ голода и тогда въ утѣшеніе трупу бросятъ нѣсколько жалкихъ словъ. Я предоставляю это другимъ. Я предпочитаю контрабанду, воровство, поддѣлку денегъ, убійство! Я могъ бы просить милостыни, но это позорно и мерзко, и при томъ Ваши законы дѣлаютъ даже изъ самой нищеты преступленіе... Вотъ почему я совершилъ дѣянія, которыя мнѣ ставятъ въ вину и которыя являются лишь логическимъ послѣдствіемъ варварскаго состоянія общества... Господа, не преступниковъ надо судить, но уничтожить причины преступленій,

---

[1]) *Roux*: Caserio en prison. Arch. d'Anthr. crim. 1903. 18 v.

Создавая статьи и кодексы, законодатели забыли, что они такимъ образомъ борятся не съ причинами, но лишь со слѣдствіями и потому нисколько не уничтожаютъ преступности... Что же дѣлать? Уничтожить бѣдность, эту причину преступленій и обезпечить каждому удовлетвореніе его потребностей» [1]). Тѣ же мысли развивалъ бельгійскій анархистъ Moineaux во время суда надъ нимъ въ 1892 г.[2]). Когда предсѣдатель суда спросилъ анархиста Лукени о мотивахъ его преступленія, онъ отвѣчалъ: «Это—бѣдность». Вальянъ съ 12 лѣтъ долженъ былъ самъ заработывать свой хлѣбъ и испыталъ всѣ тягости нищеты [3]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, вліяніе бѣдности авторовъ анархистскихъ покушеній на разсматриваемыя нами преступленія выступаетъ выпукло и ярко [4]). Но факторомъ этихъ преступленій является не только личная нужда и страданія анархиста, но и нищета и страданія другихъ, за которыхъ онъ борется.

Анархистскія покушенія можно назвать возстаніями отдѣльной личности противъ установившагося режима. Если эти возстанія вызываются, какъ показываютъ наблюденія, экономическими причинами, то внѣ всякаго сомнѣнія установлено, что этими же факторами вызываются въ большинствѣ случаевъ возстанія и волненія массовыя, поднимаемыя цѣлыми группами населенія. Таковы, напримѣръ, рабочія и крестьянскія движенія. Значеніе экономическихъ причинъ въ данномъ случаѣ общепризнано. Россія, особенно за послѣдніе годы, даетъ многочисленныя доказательства такого происхожденія рабочихъ волненій и аграрныхъ безпорядковъ, но эти важныя явленія русской жизни должны по-

---

[1]) *Roux*: Etude psychologique de Ravachol Arch. d'Anthr. crim. 1903, 18 v. 551 p.

[2]) *Jules Moineaux* Lettres d'un forçat. Ix—Brux, 1900.

[3]) *Bonger*: o. c. 707.

[4]) Объ анархистахъ, кромѣ указанной выше литературы, см. *Doehn*: Der Anarchismus und seine Bekämpfung. Zeitschr. f. d. g. Str. XX B. 33—79. Авторъ дѣлитъ причины анархистскихъ покушеній на общія и индивидуальныя и относитъ къ числу первыхъ политическое, спеціальное и культурное положеніе страны 70 стр. *Lombroso*: Die Anarchisten. *Dubois*: Le péril anarchiste. 1894. *Seuffert*: Anarchismus und Strafrecht. 1899. *Plechanow*: Anarchismus und Sozialismus. Berl. 1894. *Bonger*: o. c. 705—710 p.p.

служить предметомъ подробнаго и спеціальнаго изслѣдованія криминалиста соціологической школы. Къ сожалѣнію, въ настоящее время трудно и мало доступны для изслѣдованія такіе наиболѣе цѣнные матеріалы по этому вопросу, какъ результаты, добытые предварительными и судебными слѣдствіями: почти всѣ эти процессы слушались при закрытыхъ дверяхъ и лишь отрывочныя свѣдѣнія попадали о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ иностранную и заграничную русскую печать.

3

